

ISSN 2076-4383

ЗАСНАВАЛЬНІКІ:
МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ:

Ю. П. Бондар (*галоўны рэдактар*),
А. Д. Кароль (*намеснік
галоўнага рэдактара*),
С. В. Харыгончык (*намеснік
галоўнага рэдактара*),
**В. В. Багатырова, В. А. Богуш,
І. В. Войтаў, В. А. Гайсенак,
А. М. Данілаў, В. В. Даніловіч,
Д. У. Дук, А. І. Жук,
С. А. Каспяровіч, М. А. Кіркор,
І. Ф. Кітурка, В. М. Карэла,
А. М. Унсовіч, Н. Я. Лапцева,
І. А. Марзалюк, А. А. Раманаў,
С. І. Раманюк, С. П. Рубніковіч,
Г. М. Сэндзер, С. А. Хахомаў,
С. А. Чыжык, А. У. Ягораў**

РЭДАКЦЫЙНЫ САВЕТ:

**В. М. Ватыль, А. В. Данільчанка,
В. Л. Жук, Ч. С. Кірвель,
У. С. Кошалеў, Г. М. Кучынскі,
С. В. Рашэтнікаў, Д. Г. Ротман,
А. Л. Толцік, М. Ц. Ярчак,
Я. С. Яскевіч**

Адкажны сакратар

В. М. Карэла
*Карэктары Н. В. Баярава,
Г. І. Кізік*
Дызайн А. Л. Баранаў
Камп'ютарная верстка
Т. В. Лукашонак

Пасведчанне аб дзяржаўнай
рэгістрацыі сродкаў масавай
інфармацыі Міністэрства
інфармацыі Рэспублікі Беларусь
№ 593 ад 06.08.2009.
Падпісана да друку 15.09.2023.
Папера афсетная. Рызаграфія.
Фармат 60×84¹/₈. Наклад 130 экз.
Ум. друк. арк. 7,2. Заказ № 11п.

ВЫДАВЕЦ

Дзяржаўная ўстанова адукацыі
«Рэспубліканскі інстытут
вышэйшай школы».
Пасведчанне аб дзяржаўнай
рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных
выданняў № 1/174 ад 12.02.2014.

НАШ АДРАС:

вул. Маскоўская, 15, п. 109,
РІВШ, 220007, г. Мінск.
e-mail: rio.nihe@mail.ru, т. 213-14-20.
Р/р ВУ34АКВВ3632900030545100000
у ЦБП № 510 АСБ «Беларусбанк»,
БІК АКВВВУ2Х.

ПАЛІГРАФІЧНАЕ ВЫКАНАННЕ

Рэдакцыйна-выдавецкі цэнтр
Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце
Рэспублікі Беларусь
ЛП № 02330/446 ад 18.12.2013.
Вул. Маскоўская, 17, 220007, г. Мінск.

Вышэйшая школа

Навукова-метадычны
і публіцыстычны часопіс

5(157)'2023

Часопіс заснаваны ў 1996 г. Выходзіць 6 разоў у год.

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі ад 02.02.2011
№ 26 часопіс «Вышэйшая школа» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў
Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па гістарычных, палітычных, педагагічных, псіхалагічных, сацыялагічных
і філасофскіх навуках.

За змест артыкулаў адказнасць нясуць аўтары. Рэдакцыя не заўседы падзяляе
меркаванні аўтараў і не нясе адказнасці за недакладнасць публікуемых дадзеных.

© Рэдакцыя часопіса «ВШ»

У нумары

Даследаванні

Даукша Л. Эмацыянальны інтэлект і псіхалагічныя праблемы студэнтаў..... 3

Актуальна

Краснова Т. Фарміраванне індывідуальных адукацыйных траекторый на падставе лічбавых слядоў навучэнцаў 7

Тэхналогіі адукацыі

Дзежыц А., Венская Т., Рагашка Н., Трубіла А. Актыўныя метады навучання: вопыт укаранення ў медыцынскай ВНУ 12

Навуковыя публікацыі

Пеўнева А. Адтэрміновасць/тармажэнне ў канцэптуальнай мадэлі кагнітыўнай рыгіднасці асобы 14

Вашко І. Метадалагічныя падыходы да трактоўкі катэгорыі прыбавачнай вартасці ў сучаснай палітэканоміі 19

Марахіна І., Пархіменка У. Кадравае забеспячэнне лічбавай трансфармацыі маркетынгу..... 24

Худзякоў А. Лінейныя і цыклічныя канцэпцыі ў работах айчынных мысляроў і навукоўцаў XIX–XXI стст. 29

Салтановіч І. «Лічбавае» – гэта форма, якая думае 34

Белякоў А. Гістарыяграфія станаўлення і развіцця дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі ў Беларусі ў савецкі перыяд (1919–1991 гг.) 39

Віктаровіч Я. Канцэпцыя прагнастычнага кіравання электаральнымі рызыкамі на падставе камплементарнасці скрынінгу, аналітыкі і сегментавання рэгіянальных электаральных рынкаў..... 43

Бальшова П. «Я-канцэпцыя» будучага педагога-псіхолога 50

Су Тао. Дынаміка сацыякультурнай адаптацыі і стану псіхічнага здароўя кітайскіх студэнтаў у Беларусі 53

Шулаеў А. Вексілалагічныя аб’екты ў сістэме грамадска-палітычных адносін Вялікага Княства Літоўскага з сярэдзіны XVI да канца XVIII ст. 58

Рэклама 23

Эмоциональный интеллект и психологические проблемы студентов

Л. М. Даукша,

заведующий кафедрой возрастной и педагогической психологии, кандидат психологических наук, доцент,
Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

В связи с непредсказуемостью, изменчивостью современного мира, стремительным развитием технологий, которые влияют на профессиональную сферу, все в большей степени ученые акцентируют внимание на проблеме формирования у будущих специалистов как hard skills (профессионально важных качеств), так и soft skills (мягких навыков), обширного набора характеристик, которые не определяются спецификой профессиональной деятельности, но являются значимыми в профессиональной среде и обеспечивают успешность выпускника вуза. Несомненно, востребованный на рынке труда современный выпускник вуза должен характеризоваться диалогичностью, способностью конструктивно разрешать конфликты, уметь работать в команде, обладать лидерскими качествами, инициативностью, эффективной самопрезентацией.

Существуют различные подходы к определению soft skills, пониманию его структурных компонентов, характеристик. Как значимая составляющая soft skills все чаще рассматривается эмоциональный интеллект [1–3]. Эмоциональный интеллект – это «способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими» [4, с. 33].

Исследование эмоционального интеллекта и духовности студентов свидетельствует о связи межличностного эмоционального интеллекта и высокой нравственности, самоконтроля, надежности, ответственности, правдивости, удовлетворенности и общего уровня развития духовности личности студентов. Обнаружена связь внутриличностного эмоционального интеллекта и самоконтроля, правдивости исследуемых студентов. Большее количество положительных связей установлено между управлением эмоциями и духовностью личности: ее высокой нравственностью и мудростью, самоконтролем, надежностью и ответственностью,

правдивостью и удовлетворенностью. Понимание эмоций положительно связано с правдивостью и удовлетворенностью, общим уровнем развития духовности личности исследуемых студентов [5, с. 163].

Обнаружена взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и макиавеллизмом у студентов-психологов. Студентам с низким уровнем развития общего эмоционального интеллекта, коммуникативного и личностного эмоционального интеллекта свойственен высокий уровень выраженности макиавеллизма, и наоборот [6, с. 120].

Однофакторный дисперсионный анализ позволил обнаружить влияние эмоционального интеллекта на параметры социально-психологической адаптации студентов-психологов и студентов-физиков [7, с. 130].

Исследуя эмоциональный интеллект и интернет-зависимость студентов, было обнаружено, что студентам с высоким уровнем понимания и регуляции собственных эмоций, высоким уровнем понимания и влияния на эмоции других не свойственны толерантность к постоянному нахождению в интернете, компульсивные симптомы, симптомы отмены, проблемы с управлением временем, т. е. интернет-зависимость [8, с. 174].

В исследованиях Н. С. Краснопольской обнаружена взаимосвязь эмоционального интеллекта и жизнестойкости студентов вуза. «Для студентов с высоким уровнем развития осознания своих эмоций и чувств, управления своими эмоциями и чувствами характерны высокие показатели по вовлеченности, контролю, принятию риска и общему показателю жизнестойкости. Интегральный индекс эмоционального интеллекта также положительно коррелирует со всеми показателями жизнестойкости» [9, с. 153].

Таким образом, современный студент с высоким уровнем эмоционального интеллекта в большей степени характеризуется такими духовно-нравственными качествами, как самоконтроль, надежность, ответственность, правдивость, удовлетворенность, мудрость, нравственность, и ему не свойственен макиавеллизм. Эмоциональный интеллект студентов является внутренним ресурсом, который способствует эффективному взаимодействию с виртуальной средой. Высокий уровень эмоционального интеллекта содействует социально-психологической адаптации студентов и повышает их жизнестойкость.

Анализ перечисленных выше результатов эмпирических исследований позволил нам предположить

наличие взаимосвязи невысокого уровня развития эмоционального интеллекта и психологических проблем у студентов.

Л. А. Регуш предлагает рассматривать понятие «психологическая проблема» в парадигме эмоционально-рефлексивного подхода. «Психологическая проблема в парадигме данного подхода понимается как наличие: 1) противоречия, которое осознается человеком в контексте актуальной жизненной ситуации; 2) эмоционального переживания этого противоречия как фактора, усложняющего жизнь; 3) желания (или потребности) разрешить это противоречие, с тем чтобы жизнь вошла в более благоприятное русло» [10, с. 14].

Инструментарием нашего исследования являются опросники «Эмоциональный интеллект» (ЭМИн) Д. В. Люсина [11] и «Психологические проблемы молодежи» Л. А. Регуш, Е. В. Алексеевой, А. В. Орловой, Ю. С. Пежемской [12]. Для статистического анализа данных использовался *U*-критерий Манна – Уитни, *H*-критерий Крускала – Уоллиса, критерий Спирмена.

В исследовании приняли участие 80 студентов (40 студентов-психологов и 40 студентов-биологов) 1-го и 2-го курсов в возрасте 17–20 лет (35 юношей и 45 девушек) Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

В результате эмпирического исследования эмоционального интеллекта студентов выявлено 57 % респондентов с низким уровнем общего эмоционального интеллекта, 36 % – со средним и 7 % – с высоким. Студенты-психологи по сравнению со студентами-биологами характеризуются более высокими показателями по следующим шкалам опросника «ЭМИн»: «Понимание эмоций» ($U = 161,0; p = 0,00$), «Управление эмоциями» ($U = 196,4; p = 0,00$), «Внутриличностный эмоциональный интеллект» ($U = 377,5; p = 0,00$), «Межличностный эмоциональный интеллект» ($U = 122,5; p = 0,00$) и «Общий уровень эмоционального интеллекта» ($U = 157,5; p = 0,00$). У студентов-биологов значительно в большей степени, чем у студентов-психологов, выражен показатель «Понимание своих эмоций» ($U = 225,5; p = 0,00$). Межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект студентов, формированию которого необходимо уделять должное внимание в вузе, является значимым soft skills как для будущих психологов, так и для будущих учителей биологии.

Посредством опросника «Психологические проблемы молодежи» было выявлено, что у студентов наиболее высокие показатели по шкалам «Проблемы, связанные с отношением к себе» ($M = 4,36$), «Проблемы, связанные со сверстниками» ($M = 4,28$) и «Проблемы, связанные со здоровьем» ($M = 4,26$).

Студенты менее озабочены проблемами, которые связаны с будущим ($M = 4,03$) и материальным благополучием ($M = 4,01$). Наименьшую значимость имеют проблемы, связанные с досугом ($M = 3,85$),

развитием общества ($M = 3,80$) и обучением ($M = 3,74$). Как отмечает Л. А. Регуш, на старших курсах студенты переживают по поводу будущего, материальных проблем и проблем, связанных с досугом [12, с. 31].

У студентов-психологов были обнаружены более высокие показатели, чем у студентов-биологов, по шкалам «Общение со сверстниками», «Я», «Материальное благополучие», «Здоровье», «Общество». Студентов-биологов в большей мере, чем студентов-психологов, беспокоят проблемы, связанные с будущим.

Сравнительный анализ психологических проблем студентов различных специальностей представлен на рис. 1.

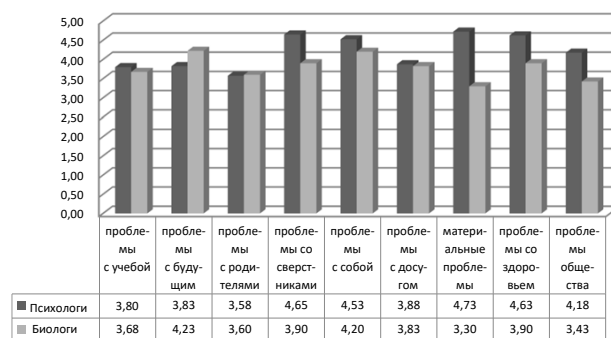

Рис. 1. Психологические проблемы студентов различных специальностей

С помощью *U*-критерия Манна – Уитни выявлены статистически значимые различия между студентами-психологами и студентами-биологами по шкалам «Проблемы со сверстниками» ($U = 601,0; p = 0,05$), «Проблемы, связанные с материальным благополучием» ($U = 404,5; p = 0,00$), «Проблемы, связанные с развитием общества» ($U = 557,0; p = 0,02$). Очевидно, что специфика выбранного факультета психологии и будущей профессии влияет на озабоченность студентами-психологами определенными психологическими проблемами.

Сравнительный анализ психологических проблем студентов с различным уровнем эмоционального интеллекта представлен на рис. 2.

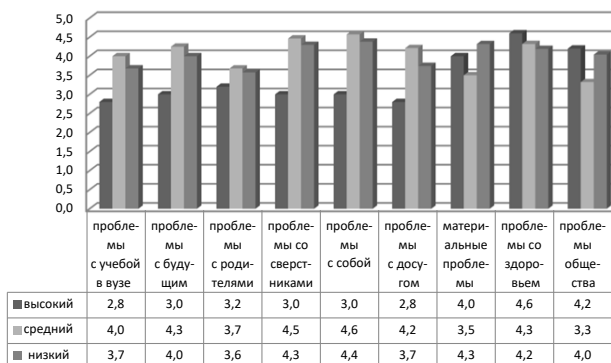

Рис. 2. Психологические проблемы студентов с различным уровнем эмоционального интеллекта

Так, у студентів з низким рівнем емоціонального інтелекту найбільше виражені шкали «Матеріальне благополуччя» ($M = 4,3$), «Я» ($M = 4,4$), «Общенье со сверстниками» ($M = 4,3$), а найменше значимі – «Проблеми, пов'язані з батьківським домом» ($M = 3,6$).

У студентів со середнім загальним рівнем емоціонального інтелекту найбільше виражені показателі по шкалах «Проблеми з собою» ($M = 4,6$) і «Проблеми со сверстниками» ($M = 4,5$), а найменше значимі – «Проблеми, пов'язані з матеріальним благополуччям» ($M = 3,5$) і «Проблеми, пов'язані з розвитком общества» ($M = 3,3$).

У студентів з високим загальним рівнем емоціонального інтелекту виявлені високі показателі по шкалах «Проблеми со здоров'ям» ($M = 4,5$) і «Проблеми, пов'язані з розвитком общества» ($M = 4,2$).

Далі з допомогою критерія Крускала – Уолліса було вивчено вплив загального рівня емоціонального інтелекту на психологічні проблеми студентів (таблиця 1).

Таблиця 1

Результати аналізу впливу загального рівня емоціонального інтелекту на психологічні проблеми студентів

Шкали	Загальний рівень емоціонального інтелекту	
	<i>H</i>	<i>p</i>
Матеріальні проблеми	5,94	0,05
Проблеми общества	5,96	0,05

Обнаружено вплив загального рівня емоціонального інтелекту на ставлення студентів до проблем, пов'язаних з матеріальним благополуччям ($H = 5,94$; $p = 0,05$) і розвитком общества ($H = 5,96$; $p = 0,05$). Матеріальні проблеми і проблеми общества значимо в більшій ступені переживаються студентами з низким і високим рівнями емоціонального інтелекту, ніж респондентами со середнім рівнем розвитку емоціонального інтелекту.

Результати вивчення взаємозв'язку шкал опросників «ЕмІн» і «Психологічні проблеми молоді» представлені в таблиці 2. Так, шкала «Матеріальні проблеми» негативно корелює майже со всіма шкалами опросника «Емоціональний інтелект» (значення R_s від $-0,227$ до $-0,378$ при $p \leq 0,05$). Таким образом, особистість з високим рівнем емоціонального інтелекту, характеризується розумінням власних і чужих емоцій, керується своїми і чужими емоціями, в більшій ступені здатна вирішувати матеріальні проблеми. Виявлено статистично значиме негативне кореляційне зв'язок між шкалою «Проблеми общества» і шкалами «Міжособистісний емоціональний інтелект» ($R_s = -0,227$ при $p \leq 0,05$), «Розуміння чужих емоцій» ($R_s = -0,238$ при $p \leq 0,05$) і «Розуміння емоцій» ($R_s = -0,275$ при $p \leq 0,05$). Встановлено, що негативна кореляційна зв'язок спостерігається між шкалами «Проблеми з дозгогом» і «Керування чужими емоціями» ($R_s = -0,248$ при $p \leq 0,05$), «Проблеми з дозгогом» і «Керування своїми емоціями» ($R_s = -0,249$ при $p \leq 0,05$). Шкала «Проблеми з навчанням в університеті» негативно корелює со шкалами «Керування чужими емоціями» ($R_s = -0,232$ при $p \leq 0,05$) і «Керування своїми емоціями» ($R_s = -0,367$ при $p \leq 0,05$). Чем в більшій ступені студенти керують своїми і чужими емоціями, тем в меншій ступені вони збентежені психологічними проблемами з дозгогом, з навчанням в університеті. Виявлено негативна значима кореляція шкал «Проблеми з собою» і «Керування чужими емоціями» ($R_s = -0,254$), «Проблеми со сверстниками» і «Керування своїми емоціями» ($R_s = -0,356$). Таким образом, переживання студентами проблем «Дозгог», «Сверстники», «Навчання в університеті», «Я» тісно пов'язано со здатністю керувати власними і чужими емоціями.

Нами виявлено значиме кількість студентів, які характеризуються низким рівнем розвитку загального емоціонального інтелекту. Незначимому кількості студентів властивий високий рівень загального емоціонального інтелекту.

Таблиця 2

Кореляція між показателями шкал опросника «Емоціональний інтелект» і показателями опросника «Психологічні проблеми молоді» ($p \leq 0,05$)

Шкали	ПЧЭ	УЧЭ	ПСЭ	УСЭ	КЭ	М	В	ПЭ	УЭ	ОУ
Проблеми общества	-0,238					-0,227		-0,275		
Матеріальні проблеми	-0,348		-0,322		-0,343	-0,343	-0,227	-0,378	-0,265	-0,303
Проблеми з дозгогом		-0,248		-0,249						
Проблеми з «Я»		-0,254								
Проблеми со сверстниками				-0,356						
Проблеми з навчанням в університеті			-0,232	-0,367						

Примечание. Шкали опросника «ЕмІн» – «Міжособистісний емоціональний інтелект» (М), «Внутрішній емоціональний інтелект» (В), «Розуміння емоцій» (ПЭ), «Керування емоціями» (УЭ). Субшкали опросника «ЕмІн» – «Розуміння чужих емоцій» (ПЧЭ), «Керування чужими емоціями» (УЧЭ), «Розуміння своїх емоцій» (ПСЭ), «Керування своїми емоціями» (УСЭ), «Контроль експресії» (КЭ), «Загальний рівень емоціонального інтелекту» (ОУ).

Студенты-психологи отличаются от студентов-биологов большей способностью осознавать свои и чужие эмоции и влиять на свои и чужие переживания.

Младшая возрастная группа исследуемых студентов в большей мере переживает по поводу новых межличностных взаимоотношений со сверстниками, поиска идентичности (сфера «Я»), проблем со здоровьем. Выявлены значимые различия между студентами-психологами и студентами-биологами по проблемам, связанным с общением со сверстниками, с материальным благополучием, с развитием общества, которые более актуальны для студентов-психологов. Обнаружено влияние общего уровня эмоционального интеллекта на отношение студентов к проблемам, связанным с материальным благополучием и развитием общества. Чем в большей степени студенты характеризуются высоким уровнем эмоционального интеллекта, тем в меньшей степени им свойственны переживания по поводу проблем общества, проблем, связанных с отношением к себе, проблем со сверстниками, проблем с досугом, проблем с учебой в вузе, материальных проблем.

Эмоциональный интеллект студентов, который снижает озабоченность психологическими проблемами и способствует жизнестойкости, социально-психологической адаптации, диалогичности взаимодействия личности, необходимо целенаправленно формировать в вузе как значимый структурный компонент soft skills.

Список использованных источников

1. Цымбалюк, А. Э. Психологическое содержание soft skills / А. Э. Цымбалюк, В. О. Виноградова // Ярослав. пед. вестн. – 2019. – № 6(111). – С. 120–127.
2. Раицкая, Л. К. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта / Л. К. Раицкая, Е. В. Тихонова // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 350–363.
3. Шашкова, Ю. Н. Эмоциональный интеллект как составляющая soft skills / Ю. Н. Шашкова, О. В. Рубан // Профессиональное образование: проблемы, исследования,

инновации: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Екатеринбург, 2019. – Т. 1. – С. 225–232.

4. Люсин, Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / Д. В. Люсин // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – 176 с.

5. Даукша, Л. М. Связь духовности и эмоционального интеллекта студентов / Л. М. Даукша, Т. В. Милахович // Личность в культуре и образовании: психологическое сопровождение, развитие, социализация: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 10–11 дек. 2020 г. – Ростов н/Д; Таганрог: Foundation, 2020. – С. 58–64.

6. Даукша, Л. М. Диалог, макиавеллизм и понимание эмоций в профессиональном становлении студентов-психологов / Л. М. Даукша // Психологические аспекты развития личности в онтогенезе: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; науч. ред.: Л. М. Даукша, А. И. Янчий. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2022. – С. 114–121.

7. Даукша, Л. М. Детерминация социально-психологической адаптации студентов различных специальностей / Л. М. Даукша, А. С. Семак // Психологические аспекты развития личности в онтогенезе: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; науч. ред.: Л. М. Даукша, А. И. Янчий. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2022. – С. 121–131.

8. Даукша, Л. М. Связь эмоционального интеллекта и интернет-зависимости студентов / Л. М. Даукша, К. П. Савоневич // Университет – территория опережающего развития: сб. науч. ст., посвящ. 80-летию ГрГУ им. Я. Купалы / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы; гл. ред. Ю. Я. Романовский; редкол.: В. Г. Барсуков [и др.]. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2020. – С. 172–174.

9. Краснопольская, Н. С. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и жизнестойкости студентов вуза / Н. С. Краснопольская // Вестн. Брян. гос. ун-та. – 2012. – № 1(2). – С. 150–154.

10. Операционализация понятия «психологическая проблема» в отечественных и зарубежных исследованиях / Л. А. Регуш [и др.] // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2020. – № 197. – С. 7–17. – DOI:10.33910/1992-6464-2020-197-7-17.

11. Люсин, Д. В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИИ / Д. В. Люсин // Психол. диагностика. – 2006. – № 4. – С. 3–22.

12. Психологические проблемы молодежи: стандартизированная методика / Л. А. Регуш [и др.]. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. – 47 с.

Аннотация

В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования эмоционального интеллекта и психологических проблем студентов. Наибольшее количество студентов характеризуются низким уровнем эмоционального интеллекта. Установлено влияние общего уровня эмоционального интеллекта на материальные проблемы студентов и проблемы общества. Чем в большей степени студенты характеризуются высоким уровнем эмоционального интеллекта, тем в меньшей степени им свойственны переживания по поводу проблем общества, проблем с собой, проблем со сверстниками, проблем с досугом, проблем с учебой в вузе, материальных проблем.

Abstract

The paper discusses the results of an empirical study of emotional intelligence and psychological problems of students. The largest number of students is characterized by a low level of emotional intelligence. The influence of the general level of emotional intelligence on the following psychological problems of students has been established: material problems, problems of society. The more students are characterized by a high level of emotional intelligence, the less they tend to worry about the problems of society, problems with themselves, problems with peers, problems with leisure, problems with studying at a university, material problems.

Формирование индивидуальных образовательных траекторий на основе цифровых следов обучающихся

Т. И. Краснова,
кандидат психологических наук, доцент,
Республиканский институт высшей школы

Цель образования – предоставлять обучаемому больше возможностей для реализации своих образовательных запросов. Дискуссии о том, каким образом возможна индивидуализация в ситуации массовости образовательной практики, в рамках классно-урочной и лекционно-семинарской форм, ведутся давно. Одна из последних постановок проблемы связана с практикой распространения тьюторства как в средней, так и в высшей школе. Также активно развивается идея индивидуальной образовательной траектории. Но многие ли вузы поддержат идею индивидуализации образования, ведь большинство из них это выведет из зоны комфорта, заставив отказаться от привычной массовой схемы обучения?

Какие интерпретации индивидуализации сегодня обсуждаются экспертами и как они предопределяют разную степень радикальности изменений образовательного процесса?

Эксперты предлагают различать принцип индивидуализации и индивидуальный подход. Принцип индивидуализации «призван ориентировать обучающегося на выстраивание и осознание собственных индивидуальных образовательных целей и задач» [1]. Соответственно индивидуализация в этом контексте предполагает «сохранение за обучающимися права на выстраивание собственного содержания образования, собственной образовательной программы» [1]. В свою очередь индивидуальный подход предполагает подбор и вариации методов обучения, для того чтобы «вписать» особенности конкретного обучающегося в заданную логику освоения содержания, т. е. выступает как «средство преодоления несоответствия между требуемым уровнем учебной деятельности, задаваемым учебным планом ... и реальными возможностями студента» [1].

Принцип индивидуализации проблематизирует понятия стандарта, типового учебного плана, типовой учебной программы и выдвигает в качестве приоритета проектирование и реализацию образовательного процесса на основе запроса и целей обучающегося. Последнее представляется мало реалистичным в формате традиционной системы обучения. В свою очередь индивидуальный подход не предполагает существенных трансформаций критериев целеполагания и отбора содержания, а лишь ограничивается уровнем вариативности методов обучения, позволяющей разным обучающимся адаптироваться к заданному формату обучения.

Если ставить задачу реализации принципа индивидуализации образовательного процесса, то возникает вопрос о том, какие возможности для этого сегодня открывает цифровизация в целом и применение искусственного интеллекта в частности?

В данной статье под искусственным интеллектом имеется в виду комплекс «технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с интеллектуальными достижениями людей» [2].

Ответ на поставленный выше вопрос предполагает использование искусственного интеллекта для анализа больших объемов данных, а именно: программные платформы на основе нейронных сетей и больших данных (Big Data) позволяют посредством работы с огромным объемом плохо структурированной информации находить закономерности в индивидуальных особенностях обучения студентов и в зависимости от них реализовывать его разный темп и глубину. Иными словами, возникает принципиально новая ситуация, в которой человеку помогают выстроить его индивидуальную образовательную траекторию посредством того, что искусственный интеллект обрабатывает его цифровой след и выдает рекомендации для индивидуализации образовательного процесса (что возможно как для реализации индивидуального подхода, так и для индивидуального принципа обучения построения персональной траектории).

Соответственно, возникает вопрос о том, какие данные (цифровые следы) об образовательном процессе важно собирать и обрабатывать для построения индивидуальной образовательной траектории?

Цифровой след – это огромный и неструктурированный массив данных, который мы оставляем в глобальной информационной сети от любого нашего действия и который может нести чрезвычайно полезную информацию. Например, это регистрация на ресурсах, совершение онлайн-покупок, размещение личных фото и видео, публикация постов и статей, активность в социальных сетях и мессенджерах, финансовые транзакции, включенная функция геолокации, история посещения сайтов, IP-адреса, поисковые запросы и т. п. Цифровой след в образовании – это «опрозрачивание образовательного процесса» и отчуждение его результатов. «Цифровые следы, рассматриваемые как результаты учебной и профессиональной деятельности в цифровом формате, представляют собой данные, позволяющие определить уровень компетенций, сформировать траекторию обучения, оценить возможности и стратегию дальнейшего развития и профессионального становления в определенной сфере» [3].

Эксперты предлагают выделять ряд компонентов цифрового следа в образовании:

- технико-технологический (IP-адреса, лог-файлы, идентификаторы точек доступа, поисковые запросы веб-страниц, протоколы обмена информацией);
- личностно-психологический (социальный профиль обучающегося);
- поведенческий (последовательность выполненных действий в сети Интернет);
- деятельностный (опубликованная статья, отчеты о выполненных работах, компьютерная презентация, протокол тестирования, записанный подкаст);

- компетентностный (оценки за выполненные задания, отзывы на статью, обратная связь от преподавателя);

- коммуникативный (сообщения в форумах и чатах, общая почта, электронные доски);

- рефлексивный (результаты анкетных опросов, социологических исследований) [4].

Обучающийся по факту оставляет в виртуальной среде огромное количество цифровых следов. Вопрос о том, какие из них полезны для построения индивидуальной траектории обучения, как отмечают эксперты, достаточно нетривиален. Предполагается фиксация в цифровых следах значимых элементов этих траекторий. То есть необходимо как бы «развернуть», объективировать учебную деятельность, увидеть как непосредственно ее процесс, так и качественные, содержательные результаты, получаемые в нем. Такая реконструкция предполагает фиксацию фактов освоения новой деятельности, движения к успеху в решении новых задач и связей между конкретным актом обучения, процессом и результатом обучения. Самое сложное – установить связь между конкретным актом обучения, процессом (во всей его сложности и с учетом всех условий, в котором он происходил) и результатом обучения.

В этом контексте возникает вопрос о том, как должен выстраиваться педагогический дизайн образовательного процесса, под которым понимается «перевод принципов обучения и преподавания в планирование обучающих материалов, заданий, информационных ресурсов и оценки их эффективности» [5].

Полагаем, что он должен проектироваться прежде всего на основании принципов деятельностного подхода, поскольку только в этом случае увеличивается вероятность того, что цифровой след будет отражать результат учебной деятельности. Вопрос о целях сбора цифрового следа трансформируется в вопрос о том, что обучающийся делал, благодаря чему освоил нечто?

Эксперты фиксируют, что сегодня наблюдается тенденция собирать весь цифровой след, оставляемый обучающимся в виртуальном пространстве. Но этот нецелевой сбор для обсуждаемых выше задач не имеет большого смысла. Например, сам по себе факт посещения образовательного мероприятия, лекции неинформативен для сбора цифровых следов. Значимы цифровые следы, которые оставляет учебная деятельность. Важной становится фиксация того, «с какими событиями связаны образовательные успехи человека, благодаря чему он освоил ту или иную деятельность, какая именно образовательная активность поможет другому человеку совершить такой же шаг» [6]. Итак, сбор и изучение цифрового следа обучающегося осуществляются с целью моделирования его когнитивных особенностей для прогнозирования успешности

обучения и проектирования условий, обеспечивающих эффективности этого процесса.

Следующий важный вопрос: как из цифровых следов «образуется» цифровой профиль?

Цифровой профиль – способ представления информации о подтвержденном опыте деятельности человека, в основе которого лежит цифровой след, включающий видео-, аудиозаписи и созданный материал. Цифровой след интерпретируется в цифровом профиле, т. е. каждый элемент цифрового профиля имеет подтверждающий цифровой артефакт. Для построения цифрового профиля, как фиксируют эксперты, необходимы модель компетенций и концепция фиксации прецедентов проявленности компетенций в деятельности. В итоге на основе цифрового профиля можно разработать рекомендательные системы по персональным траекториям развития.

Возможна ли на практике конкретная реализация предложенных выше идей?

Примером работы цифрового следа в цифровом профиле является прецедент образовательной программы (интенсива) по подготовке кадров для цифровой экономики и Национальной технологической инициативы (НТИ) «Остров 10-21» [7]. Данная образовательная программа выступает одним из элементов большого проекта «Университет НТИ «20.35» [8].

Университет «20.35» – цифровая платформа, предлагающая образовательные курсы отечественных и зарубежных вузов. Know how Университета – это сбор цифрового следа и создание цифрового профиля каждого обучающегося. Анализ последнего посредством искусственного интеллекта позволяет формировать индивидуальную траекторию развития профессионально-личностных качеств на протяжении всей жизни [8]. Университет «20.35» функционирует на основе сетевого принципа: не имеет локализации, использует ресурс разных УВО, цифровых платформ и IT-компаний.

Генеральная цель образовательной программы «Остров 10-21» – создание и развитие команд региональных университетов, реализующих системные изменения в образовательной среде для подготовки кадров технологического прорыва. В качестве основных результатов планировались разработка проектов для цифровой экономики, формирование универсальных бизнес-компетенций, направленных на овладение навыками системного мышления. Все курсы интенсива сосредоточены на практических аспектах применения сквозных технологий: участники работали с большими данными, искусственным интеллектом, системами распределенного реестра, новыми источниками энергии, производственными технологиями, нейротехнологиями, виртуальной и дополненной реальностью. Ключевой темой интенсива была цифровизация: обучение ее идеям с использованием

ее же технологий, в первую очередь искусственного интеллекта.

Логика организации образовательного процесса предполагала обеспечение следующих процессов:

- создание «собирающего» цифрового след образовательного пространства, спроектированного с учетом требований педагогического дизайна, предусматривающего его сбор, анализ, интерпретацию и использование;

- сбор данных, получаемых в процессе диагностики и обучения, которые интерпретируются и попадают в индивидуальный цифровой профиль;

- разработка на основе этих данных рекомендации по индивидуальной траектории развития.

Цифровой компетентный профиль включал три блока: IT-сфера, сфера личной эффективности, сквозные технологии НТИ. Для каждой компетенции выделялись три уровня развития: уровень навыков, т. е. владения конкретными инструментами, относящимися к данному блоку (области); концептуальное понимание данной области; способность к результативной и продуктивной деятельности в рамках данной области. В цифровой профиль собирались цифровые следы: данные, вводимые самим обучающимся о своей деятельности; информация, вводимая другими участниками образовательного процесса, выполняющими функцию фиксации результатов обучения («фиксика»); результаты автоматизированной фиксации данных с помощью платформ онлайн-обучения и др.

Цифровой след собирался разными способами и в процессе различных видов активностей участников: физиологические данные в привязке к образовательным практикам (частота сердечного ритма, индекс стресса и т. п.); информация о геопозиции (перемещение по Острову); посещаемость мероприятий; материал образовательных активностей (аудиозаписи, видеозаписи, презентации, модели, проекты, эссе, результаты тестов, рецензии и т. п.); содержательные публикации в социальных сетях; работа с цифровым контентом (разметка записей лекций и т. п.); работа в командах и т. д. [7].

С точки зрения описания сущности учебной деятельности очень важно выделение показателей, посредством которых характеризуется содержание цифрового следа. В качестве таковых рассматривались: «вовлеченность как совокупный показатель активности, участия, инициативы, использования инструментов, коммуникации, рефлексии, обратной связи и т. д.; командность – определение ролей участников в командной работе, выявление вклада, полезности, функционала каждого участника и уровня доверия и синергии в команде; коммуникации – определение степени участия в общей коммуникации: к кому чаще обращаются участники, как задают вопросы, рефлексиируют

и т. д.; отношение и эмоции – через анализ сегментов текстов, эмоджи, интонации в индивидуальных аудиодорожках и изображения в видеоконференциях... понимание материала в сравнении с лектором – через сравнение семантических ядер определяются уровень, границы и погрешности понимания» [7].

Вся информация об активностях «островитян» фиксировалась в их личных кабинетах. Обработка цифрового следа велась в постоянном режиме, на его основе формировалась аналитика и, как итог рекомендаций искусственного интеллекта, по результатам обработки цифрового следа собиралась индивидуальная траектория обучения.

Приведенный выше пример демонстрирует достаточно сложную практику использования цифровых следов для индивидуализации образовательного процесса. Сегодня университеты практикуют и более упрощенные варианты, например, в Национальном исследовательском Томском государственном университете внедряется система 1С: Университет, интегрированная с Moodle, которая обеспечивает идентификацию одного пользователя и объединение данных о нем из разных источников [9].

Как уже указывалось выше, на основе цифрового следа обучающемуся можно выдать рекомендацию по организации своей персональной траектории обучения. То есть рекомендации по своей функции предоставляют обучающемуся выбор – прислушаться к ним или нет. На практике бывают разные случаи. Например, на интенсиве «Остров 10-21» искусственный интеллект предлагал участнику определенный список мероприятий, а человек мог выбрать не их, а те, которые были «модными» (проводились именитыми экспертами и вызывали массовый ажиотаж). Еще один пример такого рода: на основании цифрового следа обучающемуся рекомендуется взять курс невысокого уровня сложности. Но студент хочет взять более сложный, потому что он лучше удовлетворяет запросы работодателя. Данный выбор имеет определенные риски, поскольку нет гарантии, что он с ним справится. Но студент делает именно его. Конечно, в этом случае можно предложить ему еще поддерживающий курс. То есть важно подчеркнуть, что окончательное решение должно приниматься человеком, поскольку предлагаемая аналитика имеет рекомендательный характер.

Следующий вопрос, который представляется важным для обсуждения, связан с тем, какие еще аспекты необходимо зафиксировать в контексте использования искусственного интеллекта для персонализации траектории образовательного движения субъекта?

Во-первых, акцент в рассматриваемом контексте должен быть сделан на развитии анализа образовательных данных (Educational Data Mining, АОД) – направления в области искусственного ин-

теллекта, активно развиваемого с 2000-х гг., связанного с применением методов интеллектуального анализа данных, машинного обучения и статистики к информации, производимой образовательными учреждениями, сфокусированного на автоматизации выявления закономерностей в образовательных данных [10].

Основная цель АОД – повышение качества образовательного процесса, что реализуется посредством ряда задач:

- разработка когнитивной модели обучающегося, включающей информацию о его познавательных возможностях, знаниях, поведении и мотивации к учебе для прогнозирования его образовательного поведения;
- разработка моделей и способов подачи учебного материала в соответствии с разнообразными стилями обучения и познавательными возможностями обучаемых, выявленных посредством методов АОД;
- изучение эффектов взаимодействия «система обучения – студент», предполагающего выработку рекомендаций как студентам, так и преподавателям, что обеспечивало бы более оптимальную организацию образовательного процесса;
- разработка знаний о феномене учебной деятельности и психологии обучаемых [10].

С точки зрения возможностей индивидуализации образовательного процесса использование методов АОД позволяет адаптировать изучаемый курс к уровню знаний, особенностям восприятия и обработки информации обучающихся. То есть полученная и обработанная информация о качестве контента, продолжительности работы с ним формирует персональную когнитивную модель обучающегося.

Отметим, что большинство адаптивных схем обучения ориентируются на принцип индивидуализации и основываются на когнитивных особенностях личности обучающегося. В этом контексте важна когнитивная модель обучающегося, под которой понимаются знания, которые могут использоваться для проектирования и реализации образовательного процесса. В нее входят: имеющиеся у обучающегося знания, уровень освоения материала, стиль обучения, познавательные способности, способность к рефлексии, личностные характеристики (например, навыки самоменеджмента), профессиональные качества, цифровые компетенции и др. Как отмечают эксперты, в когнитивную модель может включаться и техническая оснащенность обучаемого [3]. Таким образом, именно когнитивная модель, формируемая на основе АОД, является основанием для выстраивания гибкой индивидуализированной траектории обучения. Все компоненты когнитивной модели обучаемого конкретизируются в показателях, которые и отражаются в цифровых следах.

Во-вторых, очень важны ответы на вопросы о том, как и какой цифровой след собирать? В этом контексте необходима некая рамочная разработка, позволяющая делать это целенаправленно. Например, в качестве таковой может рассматриваться «Стандарт цифрового следа» [11]. В нем особое внимание нужно обратить на типологию данных, составляющих цифровой след (данные о диагностике человека, о намерениях, образовательном содержании, образовательном процессе, образовательном опыте, оценке образовательного результата, участии в деятельности, состоянии), и на перечень источников, технических средств, элементов и показателей для целей сбора цифрового следа (104 позиции) [11]. Наличие этих элементов позволяет улавливать имплицитные процессуальные аспекты учебной деятельности и соотносить их с получаемыми образовательными результатами.

В-третьих, сбор цифрового следа предполагает наличие у специалистов ряда необходимых для этого компетенций. В этом контексте важно отметить, что в Российской Федерации в 2022 г. введен профессиональный стандарт для подготовки специалистов по моделированию, сбору и анализу данных цифрового следа [12]. Разработка стандарта легитимирует формирование новой области обучения профессионалов, способных продвигать идею индивидуализации образовательного процесса с использованием искусственного интеллекта.

Таким образом, одна из основных целей работы с цифровым следом – расширение возможностей для каждого человека по реализации персональных траекторий развития. Но при этом существует риск утечки персональных данных. Соответственно, одна из актуальных задач – подготовка этического кодекса, оценка гуманитарных последствий внедрения технологий работы с данными цифрового следа в сфере образования.

Список использованных источников

1. *Абрамовских, Н. В.* Тьюторство: история и современность [Электронный ресурс] / Н. В. Абрамовских, Е. А. Ка-

заева. – Режим доступа: <http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2013/2013-3-31.pdf>.

2. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/72838946/#block_1000.

3. *Шамсутдинова, Т. М.* Когнитивная модель траектории электронного обучения на основе цифрового следа [Электронный ресурс] / Т. М. Шамсутдинова // Открытое образование. – 2020. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-model-traektorii-elektronno-obucheniya-na-osnove-tsifrovogo-sleda>.

4. *Вайндорф-Сысоева, М. Е.* Перспективы использования цифрового следа в образовательном и научном процессах / М. Е. Вайндорф-Сысоева, В. В. Пчелякова // Вестн. Минин. ун-та. – 2021. – Т. 9, № 3.

5. *Такушевич, И. А.* Исследование педагогического дизайна в синхронии и диахронии [Электронный ресурс] / И. А. Такушевич // ЧиО. – 2015. – № 2(43). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pedagogicheskogo-dizayna-v-sinhronii-i-diahnirii>.

6. Цифровой след: новые задачи системы образования в эпоху данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/articles/513616/>.

7. Университет 20.35. Гайд по организации острова [Электронный ресурс] / под ред. И. Карпушкина, О. Иванова. – М., 2020. – Режим доступа: <https://leader-id.storage.yandexcloud.net/upload/117173/bf0d943b-b78e-4850-9ada-59aafd5d0bac.pdf>.

8. Университет «20.35». Инструкция по применению [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ntinews.ru/in_progress/likbez/universitet-20-35-instruktsiya-po-primeneniyu.html.

9. *Фещенко, А. В.* «Цифровой след» студента: поиск, анализ, интерпретация / А. В. Фещенко, А. А. Степаненко // Открытое и дистанционное образование. – 2017. – № 4(68). – С. 58–62.

10. *Белоножко, П. П.* Анализ образовательных данных: направления и перспективы применения [Электронный ресурс] / П. П. Белоножко, А. П. Карпенко, Д. А. Храмов // Интернет-журнал «Наукovedение». – 2017. – Т. 9, № 4. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/15TVN417.pdf>.

11. Стандарт цифрового следа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://standard.2035.university/>.

12. Профессиональный стандарт. Специалист по моделированию, сбору и анализу данных цифрового следа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=86707.

Аннотация

Цель статьи – проанализировать, какие новые возможности для индивидуализации процесса обучения открываются в контексте цифровизации высшего образования. Рассматриваются понятие и цели сбора цифровых следов, конструирование из них цифрового профиля, разработка на основе его рекомендаций для проектирования индивидуальной образовательной траектории. На конкретном примере практики «Университет «20.35» проиллюстрировано, как эти идеи применяются. Намечено несколько аспектов, важных для развития возможностей использования искусственного интеллекта для персонализации обучения.

Abstract

The main purpose of the article is to analyze what new opportunities for the individualization of the learning process are opening up in the context of the digitalization of higher education. The text discusses the concept and goals of collecting digital footprints; designing their digital profile; developments based on his recommendations for designing an individual educational trajectory. A specific case study “20.35 University” illustrates how these ideas are applied. Several aspects are outlined that are important for the development of the possibilities of using artificial intelligence to personalize learning.

Активные методы обучения: опыт внедрения в медицинском вузе

Е. В. Дежич,
начальник учебно-методического отдела,
Т. И. Венская,
методист учебно-методического отдела,
Н. А. Рогашко,
методист учебно-методического отдела,
Е. И. Трубило,
методист учебно-методического отдела;
Гродненский государственный медицинский
университет

Современное общество предъявляет особые требования к выпускникам медицинских вузов [1]. Врачи должны не только владеть глубокими медицинскими знаниями, но и обладать такими качествами личности, которые позволяют им успешно развиваться в своей профессиональной деятельности. Традиционный подход к обучению, когда роль преподавателя заключалась в передаче готовых знаний студентам, утратил свою актуальность. Основная задача профессорско-преподавательского состава высшей школы на данном этапе развития педагогической науки заключается в организации такой учебной деятельности, когда на занятиях активны и преподаватель, и студенты. Для организации такого образовательного процесса необходима разработка и внедрение активных методов обучения.

В Гродненском государственном медицинском университете не первый год ведется работа по внедрению активных методов обучения в учебный процесс. С этой целью в 2019 г. учебно-методическим отделом университета была разработана «Инструкция о внедрении активных методов обучения в учебный процесс». Для профессорско-преподавательского состава был организован обучающий семинар по активным методам обучения, который проводил заведующий лабораторией образовательных инноваций Гродненского государственного университета имени Янки Купалы Коляго Олег Владимирович. В 2020 г. руководство университета организовало для своих преподавателей выездные курсы повышения квалификации в ГУО «Республиканский ин-

ститут высшей школы» по программе «Активные методы обучения и воспитания в учреждении высшего образования». Эти мероприятия позволили профессорско-преподавательскому составу университета получить новые знания в области организации и проведения занятий в высшей школе, повысить свое профессиональное мастерство и успешно применить его на практике.

На протяжении 2021/2022 учебного года активные методы обучения внедрялись в образовательный процесс каждой кафедры. Было зарегистрировано 62 акта внедрения активных методов обучения в учебный процесс. Преподаватели кафедр предложили студентам не только уже зарекомендовавшие себя активные методы Case study и решение ситуационных задач, но и собственные, авторские разработки (в частности, кафедрой биологической химии была разработана дидактическая игра «Цикл трикарбоновых кислот»).

Безусловно, наиболее популярными в медицинских университетах являются такие методы обучения, как Case study и решение ситуационных задач. Однако наш опыт внедрения показывает, что с большим успехом проходят занятия и с использованием других известных методов обучения, таких как мозговой штурм, имитационные упражнения, ролевые игры, дискуссии и др.

Так, кафедра иностранных языков продемонстрировала эффективность применения метода проектов при проведении практических занятий по дисциплине «Иностранный язык» у студентов 1-го курса. Кафедра пропедевтики внутренних болезней внедряла метод Learning Together, в рамках которого студенты разбивались на разнородные по уровню обученности группы и получали задания, являющиеся подзаданиями задач других групп. В каждой подгруппе студенты самостоятельно распределяли роли интервьюера, протоколиста и докладчика и каждый выполнял свою часть исследования. В результате совместной работы подгрупп достигалось решение общего задания. Использование данного метода обучения способствует формированию логического мышления, позволяет студентам учиться взаимодействовать как в группе с любым партнером, так и в команде.

Военная кафедра применила не менее интересный метод – «Интерактивная дискуссия-соревнование», который способствовал выработке умения слушать

и взаимодействовать с членами команды, быстро давать ответы на поставленные вопросы.

Обращает на себя внимание активный метод обучения «Ажурная пила», который был внедрен на 1-й кафедре хирургических болезней. Использование данного метода позволило преподавателю максимально включить в занятие всех студентов группы. В течение занятия будущие врачи не только учились работать с информацией, выделяя основные моменты, но и приобретали навык «активного слушания». Основным преимуществом метода «Ажурная пила» является возможность освоить большое количество информации за короткий промежуток времени, а организация малых «домашних» и «экспертных» групп позволила всем студентам активно взаимодействовать друг с другом и с соседними группами, обучить каждого своей части усвоенного материала.

На кафедре психотерапии и клинической психодиагностики был внедрен такой активный метод, как имитационное упражнение «Техника прогрессивной нервно-мышечной релаксации по Джекобсону», которое дает возможность самостоятельно сформировать навыки использования релаксационных методов психотерапии.

Все внедренные методы обучения получили хорошие отзывы студентов и показали свою эффективность. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что из 62 актов внедрения 20 (32 %) – это внедрение Case study. Этот метод обучения наиболее популярен и уже много лет применяется в обучении студентов-медиков. Но, на наш взгляд, незаслуженно остаются без внимания преподавателей лекции, которые также могут выступать как активный метод обучения. Среди них:

- проблемная лекция – новое знание вводится через проблемность вопроса, задачи или ситуации, при этом процесс познания студентов в сотрудничестве и диалоге с преподавателем приближается к исследовательской деятельности;

- лекция-пресс-конференция – проводится как научно-практическое занятие с заранее поставленной проблемой и системой докладов;

- бинарная лекция – разновидность чтения лекции в форме диалога двух преподавателей (либо как преподавателей двух научных школ, либо как теоретика и практика);

- лекция с заранее запланированными ошибками – рассчитана на стимулирование студентов к постоянному контролю предлагаемой информации;

- лекция-диалог – содержание подается через серию вопросов, на которые студенты должны ответить в ходе лекции [2].

Ни для кого не секрет, что интерес современных студентов к лекциям снижается. Использование перечисленных выше видов лекций в учебном процессе позволит вернуть популярность этому виду занятий.

Эффективность активных методов обучения не вызывает сомнения. Организация учебных занятий с их применением позволяет преподавателям более оптимально построить учебный процесс, вовлечь студентов в процесс активной познавательной деятельности, повысить мотивацию будущих врачей к учебе. Активные методы обучения способствуют самостоятельному добыванию знаний, творческой учебной деятельности, делают упор на развитие не только профессиональных компетенций, но и так называемых soft skills. Именно это позволит университету подготовить не просто высококвалифицированного специалиста, а врача, способного к дальнейшему развитию в своей профессиональной деятельности, самостоятельно решающего сложные задачи, успешно коммуницирующего как с коллегами, так и с пациентами.

Список использованных источников

1. Дробот, Н. Н. Уровень компетентности выпускников медицинского вуза [Электронный ресурс] / Н. Н. Дробот // Междунар. журн. эксперимент. образования. – 2009. – № 5. – С. 40–41. – Режим доступа: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=136>. – Дата доступа: 29.11.2022.

2. Зарукина, Е. В. Активные методы обучения: рекомендации по разработке и применению: учеб.-метод. пособие / Е. В. Зарукина, Н. А. Логинова, М. М. Новик. – СПб.: СПбГИЭУ, 2010. – 59 с.

Аннотация

В статье рассмотрены аспекты внедрения активных методов обучения в Гродненском государственном медицинском университете. Проведен анализ внедрения наиболее результативных активных методов обучения для студентов лечебного, педиатрического, медико-диагностического и медико-психологического факультетов. Показано, что внедрение активных методов обучения позволяет преподавателям наиболее оптимально построить учебный процесс, вовлечь студентов в активную познавательную деятельность, повысить мотивацию будущих врачей к учебе.

Abstract

The article presents aspects of the introduction of active teaching methods at the educational institution “Grodno State Medical University”. The introduction of the most effective active teaching methods for students of the Faculties of General Medicine, Pediatrics, Medical Diagnostics and Mental Health Medicine is analysed. It has been shown that the introduction of active teaching methods enables university lecturers to properly organize the educational process, involve students in the process of active cognitive activity and increase the motivation of future doctors to study.

Отсроченность/ торможение в концептуальной модели когнитивной ригидности личности

А. Н. Певнева,
заведующий кафедрой общей и социальной
психологии, кандидат психологических наук, доцент,
Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

Способность обработки информации в процессе познания, результатом которого являются знания и научные открытия человека, а также решения проблем, связана с механизмом отсроченности/торможения. Торможение ответа (тормозной контроль) как реакция на проявление спонтанности и реактивности является одним из положительных (позитивных) аспектов концептуальной модели когнитивной ригидности.

В рамках концептуальной модели (Певнева, 2023) когнитивная ригидность рассматривается в качестве когнитивно-личностного конструкта (рис. 1), который является закономерным результатом процесса познания. Концептуальная модель представлена рефлекторностью (спонтанность/реактивность и отсроченность/торможение), координированностью (система 1 и система 2), организованностью (дивергентность/конвергентность) и регулятивностью (флексibility/контроль).

Рис. 1. Концептуальная модель ригидности

Положительный аспект торможения в концептуальной модели когнитивной ригидности проявляется в следующем:

1) создает возможность «отсроченности», т. е. наличия некоторого промежутка времени для подготовки более эффективного действия или реакции в ходе решения проблем (задач), в частности в Стэнфордском зефирном эксперименте, представленном в работе W. Mischel, E. B. Ebbesen и A. R. Zeiss (1972);

2) препятствует «перегрузке системы интерферирующими компонентами» [1, с. 219], в частности, при задании «назвать товары, которые можно купить в универсаме, или назвать как можно больше профессий», после воспроизведения некоторых примеров возникает необходимость удерживания их в памяти наряду с контролем и торможением этих примеров, чтобы не произнести их снова, а также с организацией своих мыслей, «чтобы вспомнить другие примеры» [1, с. 225];

3) активно удерживает релевантную информацию в рабочей памяти для решения задачи [2, с. 314], например, в тесте Струпа необходимо назвать цвет чернил, которыми написаны слова, а не прочитать их;

4) осуществляет процесс идентификации слова на уровнях деталей, букв и слов, процесс языковой (лингвистической) интерференции, которая проявляется во взаимовлиянии контактирующих языков. Под интерференцией лингвист Э. Хауген (1972) понимает «лингвистическое частичное совпадение, при котором

языковая единица оказывается элементом двух систем одновременно, или как наложение двух языковых систем» [3, с. 69–70]. При интерференции второй язык (субдоминанта) осуществляет торможение родного языка (доминанты) [4, с. 23]. В целом, если данные примеры задач нельзя назвать репрезентативными видами повседневной жизнедеятельности личности, то в условиях реальности деятельность познания и решения проблем включает формирование стратегии ответов, выбор и проверку возможных ответов, действий и может быть обращена к механизмам выполнения задания, выделенным при решении когнитивных задач.

Различные подходы едины в попытках объяснить механизмы когнитивной ригидности личности на основе внутренних процессов, обеспечивающих эффективное решение умственных (когнитивных) задач. М. Познер и С. Снайдер (1974) рассматривают когнитивные задачи как сочетание (комбинирование) автоматизированных действий и сознательных стратегий [5, р. 56]. Выбор способа когнитивной обработки информации для каждой задачи обуславливает проявление (снижение/повышение) интерференции (Дж. Струп, 1935), скорость переключения (Zakreski, 2018) и функционирование исполнительных функций (executive functions) когнитивного контроля (Portoghesi и др., 2020). Исполнительные функции представляют группу «когнитивных процессов, необходимых для адаптивного (социального) поведения» и включают «способность удерживать и изменять фокус внимания, временно поддерживать» (рабочая память) и организовывать «информацию, подавлять реакции, гибко мыслить, планировать будущие действия» [6, с. 27]. Функции когнитивного контроля у А. Мияке (2000) с коллегами представлены в виде «сдвига психических установок, обновления и мониторинга информации, а также торможения реакций». Существенной особенностью в различии подходов к исследованию когнитивной ригидности является характеристика форм процесса торможения при решении когнитивных задач.

Процесс торможения Р. Баркли рассматривает в качестве одного из основных нейрокогнитивных процессов, обеспечивающих регуляцию поведения [7, р. 312–313]. Непосредственно процесс центрального торможения (отсроченности/угнетенности) был открыт еще в 1866 г. физиологом, основателем медицинской психологии И. М. Сеченовым в рамках учения о происхождении психических деятельностей. Это привело к установлению рефлекторных механизмов психики, которые позволяют когнитивным структурам регулировать психическую деятельность для последующей координации движений, направленных на адаптацию к внешним воздействиям [8, с. 73]. Под процессом торможения в психологии понимается способность ослаблять (угнетать) возбуждение, проявление спонтанности и реактивности, которое не соответствует и не отвечает условиям ситуации (Rothbart, Bates, 1998). При этом, согласно Ж. Пиаже (1994), спонтанность и реактивность являются врожденной

неспецифической активностью, которая должна регулироваться посредством механизма отсроченности/торможения.

В исследовании Р. Баркли речь идет о трех формах торможения: в виде торможения доминантного действия, остановки текущего действия и контроля интерференции [7, р. 312–328]. Характерной особенностью контроля интерференции, как моторной, так и когнитивной, по Д. Нигт (2000), является препятствие отвлечению на различные стимулы при выполнении и концентрации на решении задачи. При торможении доминантного действия происходит задержка сформированного и автоматизированного (доминантного), имеющегося в прошлом опыте действия и его подавление субдоминантным действием. Автоматизированный (автоматический) процесс проходит ненамеренно, он скрыт от сознания и не требует никаких ресурсов сознания (Posner, Snyder, 2004). Собственно доминантное торможение было открыто А. А. Ухтомским в 1911 г. и свойственно нервной системе от природы [9, с. 215–216]. Остановка текущего действия проявляется в случае его неэффективности. Данные формы торможения, осуществляемые в процессе когнитивной ригидности, послужили предметом научного исследования, так как тесно связаны с мыслительными операциями, рабочей памятью, свойствами внимания (селективным вниманием) и произвольной регуляцией [6, с. 32; 10, с. 47].

Необходимо отметить, что решение когнитивных задач на исследование когнитивной ригидности не ограничивается только реализацией исполнительных функций контроля. Допускается, что решение задач сопровождается функциями контроля. При этом полагают, что процесс решения задач реализуется посредством сдвига, обновления и торможения, в своей основе содержит различные формы (механизмы) торможения. Предположительно, торможение доминантного действия вызывает давление автоматизированных навыков в тесте Дж. Струпа; контроль интерференции проявляется при решении задач в методике А. Лачинса «Исследование влияния прошлого опыта на способ решения задач»; остановка текущего действия обуславливает переключение с одного способа выполнения, который является неверным, на другой, а также перестройку сложившихся автоматизмов в методике А. Лачинса «Лабильность мышления». Наряду с этим необходимо отметить проявление контроля когнитивной интерференции во всех видах когнитивных задач.

В исследовании на основе добровольного информированного согласия приняли участие 584 студента (85,78 % девушек) в возрасте $21,46 \pm 6,22$ года, которые выполнили методику «Исследование влияния прошлого опыта на способ решения задач» А. Лачинса [11]. Из общей совокупности в эксперименте продолжили участие 204 испытуемых ($19,66 \pm 5,06$ года), выполняя методику Дж. Струпа [12] и тест «Гибкость мышления» А. Лачинса [13].

Три формы торможения оценивались с помощью трех стандартных заданий. Для оценки торможения доминантного действия применялся тест Дж. Струпа, остановки текущего действия – методика «Лабильность мышления» А. Лачинса, контроля интерференции – методика «Исследование влияния прошлого опыта на способ решения задач» А. Лачинса.

Классический вариант словесно-цветового теста Дж. Струпа включает три стимульные карты: С-карту (карта с написанными черными чернилами словами: красный, синий, желтый, зеленый), Ц-карту (карта с цветными фигурами) и ЦС-карту (карта с напечатанными цветными чернилами словами).

Респонденту необходимо на время прочесть слова, назвать цвет фигуры и игнорировать восприятие значения слова, назвать цвет чернил, которым оно написано. При обработке данных вычисляется разница между временем выполнения второго и третьего заданий. Дополнительно вычисляется разница между временем выполнения второго и первого заданий (показатель Бровермана).

Методика «Лабильность мышления» А. Лачинса содержит 4 пробы. В каждой пробе респонденту предлагается написать фразу различными способами (рис. 2).

Рис. 2. Стимульный материал методики А. Лачинса

В процессе выполнения проб осуществляется переход с одного способа написания фразы к другому, что требует быстрого переключения с более автоматизированных навыков письма к менее автоматизированному. Обработка результатов включает подсчет символов (букв) в каждой пробе (M1, M2, M3, M4). Далее вычисляется коэффициент гибкости (лабильности)/ригидности по формуле

$$K_{\text{гиб}} = \frac{M2 + M3 + M4}{3} : M1.$$

Коэффициент лабильности находится в диапазоне от 0,5 до 1, коэффициент ригидности – от 0 до 0,5.

Методика «Исследование влияния прошлого опыта на способ решения задач» А. Лачинса содержит ряд задач с сосудами разного объема, при помощи которых необходимо отмерить определенное количество воды (рис. 3).

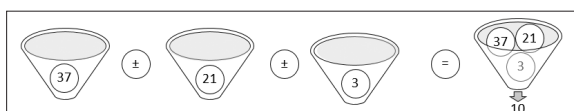

Рис. 3. Наглядная демонстрация примера задачи А. Лачинса

Методика А. Лачинса включает 10 задач. Первые пять задач используются для формирования установки

путем решения их одним способом. Испытуемый должен обнаружить данный способ решения. Следующие пять задач можно решить несколькими способами, как предыдущим, так и более простым. При этом респонденты сталкиваются с задачей, которая решается только простым способом, и с задачей, не требующей решения (когда объем одного из сосудов соответствует конечному результату). Подробный алгоритм решения описан в [14].

Для статистического анализа и представления данных был использован пакет программ «Statistica 6.0». Применялись T-критерий Вилкоксона, факторный анализ (метод главных компонент с последующим Varimax-вращением) и регрессионный анализ.

В процессе анализа результатов исследования теста Дж. Струпа были выявлены средние значения и стандартное отклонение времени, затраченного на выполнение пробы 1, пробы 2 и пробы 3 (рис. 4).

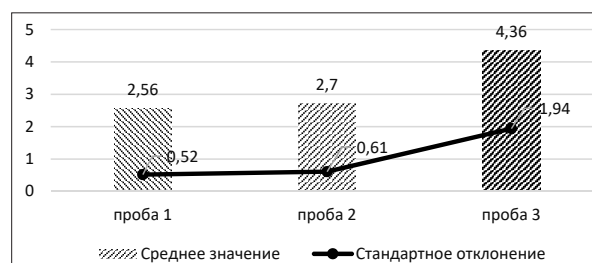

Рис. 4. Средние значения и стандартное отклонение показателей проб теста Дж. Струпа

Средний показатель коэффициента вербальности Бровермана, который определяет отношение времени, затраченного на выполнение Ц-карты, ко времени выполнения С-карты, оказался равным 0,14. Различия между данными показателями статистически значимы ($z = 2,21$ при $p < 0,05$), что указывает на доминирование знаково-понятийного способа переработки информации. Показатель среднего значения ригидности когнитивного контроля в виде разницы между показателем времени ЦС-карты и Ц-карты составил 1,66 и тоже статистически значим ($z = 12,09$ при $p < 0,05$). Полученные результаты свидетельствуют о задержке времени между процессом названия цвета фигуры и цветом чернил написанных слов, что проявляется в контроле когнитивной интерференции. Данные результаты объясняются существованием автоматизмов восприятия знакомых слов, в котором семантический прайминг ускоряет чтение тестового слова, что ведет к интерференции с процессами называния цвета букв (Warren, 1974). Наряду с механизмом контроля интерференции реализуется механизм торможения доминантного действия (в частности автоматизированного навыка чтения слова) путем подавления его субдоминантным, т. е. менее автоматизированным, навыком названия цвета чернил написанных слов. Среднее значение показателя ригидности, отражающее разницу между временем названия карты с конкурирующими стимулами и карты, содержащей цвета фигур, составило 1,66.

По результатам исследования контроля интерференции, проявляемого при решении задач методики «Исследование влияния прошлого опыта на способ решения задач» А. Лачинса, было установлено, что у испытуемых во время решения первых пяти задач формируется установка, так как они продолжали решать последующие пять задач характерным способом, игнорируя более простой способ решения. Данный вывод подтверждается статистически значимыми различиями (по *T*-критерию Вилкоксона) между количеством ошибок (персеверативных), которые были допущены респондентами при решении пяти тестовых задач, и количеством ошибок (неперсеверативных), которые включили решения задач иным способом ($z = 9,62$ при $p < 0,05$), а также между количеством допущенных ошибок и правильно решенных тестовых задач ($z = 10,85$ при $p < 0,05$). Полученные данные были зафиксированы и в более раннем исследовании [14]. Среднее значение показателя персеверативных ошибок в задачах А. Лачинса представлено числом 3,58.

При этом контроль интерференции, возможно, способствует защите сознания от внешних и внутренних отвлечений путем сведения к максимальному решению задач, а не, напротив, отказа от старой формы поведения в наличной ситуации, ее перестройки и перехода к новой. Для успешного выполнения задачи необходимо многократное повторение определенного способа решения, его автоматизации, что, в свою очередь, приводит к улучшению результатов (Saxe, Nelli, Summerfield, 2021). Данная форма поведения является ресурсной, а не носит дезадаптивный характер. Эффективная автоматизация, по Р. Стернбергу (1987), обуславливает выделение дополнительных ресурсов на обработку новой информации.

Одна из форм торможения (остановка текущего действия), которая обуславливает переключение с одного способа выполнения, являющегося неверным, на другой, а также перестройку сложившихся автоматизмов, проявляется при выполнении методики «Лабильность мышления». В ходе исследования установлено уменьшение количества символов (букв) при смене написания фразы «В поле уж таял снег» прописными на печатные буквы (по *T*-критерию Вилкоксона; $z = 12,22$ при $p < 0,05$), печатными на чередующиеся (первая и нечетные должны быть написаны заглавными, вторая и четные – маленькими и печатными) бук-

вы ($z = 11,32$ при $p < 0,05$). Наряду с этим при смене написания фразы с чередующимися на удваивающиеся буквы отмечается увеличение количества символов ($z = 12,25$ при $p < 0,05$), так как оно осуществляется автоматизированным способом действия. В среднем показатель лабильности/ригидности равен 0,65.

В ходе проведения факторизации всех переменных названных выше методик установлено три фактора (таблица): «Торможение текущего действия» (21,18 %), «Контроль текущего действия» (16,92 %) и «Торможение доминантного действия» (13,90 %).

Далее проводилась факторизация группирующих переменных методик, в частности показателя ригидности в тесте Дж. Струпа, лабильности/ригидности в тесте А. Лачинса и персеверативных ошибок в задачах А. Лачинса. В результате все три показателя распределились по трем факторам с одинаковой долей дисперсии (33,33 %).

В фактор «Персеверация» с большей весовой нагрузкой (-0,99) вошел показатель персеверативных ошибок наряду с минимальными весами показателя ригидности (-0,00) и лабильности/ригидности (0,01). При интерпретации данных диагностическим является наличие отрицательного знака у переменных персеверативных ошибок (методика А. Лачинса) и ригидности (тест Дж. Струпа), а также положительного у показателя лабильности/ригидности (методика А. Лачинса). Согласно приведенным данным при снижении значения ригидности снижается показатель персеверативных ошибок в процессе решения задач респондентом и повышается показатель гибкости.

Фактор «Интерференция» представлен показателем ригидности теста Дж. Струпа с максимальным весом 0,99. Наряду с этой переменной с минимальным одинаковым показателем (0,00), но с разнонаправленными знаками вошли переменные лабильности (с весом -0,00) и персеверативных ошибок (с весом 0,00). Полученные данные в силу их минимальных весов указывают лишь на потенциальное направление взаимосвязи. В частности, при высокой ригидности снижается лабильность и повышается количество персеверативных ошибок.

Фактор «Лабильность/ригидность» определен переменной «Лабильность/ригидность» с весом -0,99. Переменные персеверативные ошибки и ригидности представлены в факторе также с минимальными

Таблица

Факторные нагрузки переменных теста Дж. Струпа, методик «Влияние прошлого опыта на решение задач» и «Лабильность мышления» А. Лачинса

Первый фактор (21,18 %) «Торможение текущего действия»		Второй фактор (16,92 %) «Контроль интерференции»		Третий фактор (13,90 %) «Торможение доминантного действия»	
<i>M2</i>	0,77	Неперсеверативные ошибки	-0,94	Проба 2	-0,72
<i>M4</i>	0,72	Рационально решенные задачи	0,81	Проба 1	-0,64
<i>M1</i>	0,71	Персеверативные ошибки	0,30	Проба 3	-0,52
<i>M3</i>	0,59				

Примечание: *M1, M2, M3, M4* – переменные методики «Лабильность мышления» (А. Лачинс); проба 1, проба 2, проба 3 – переменные методики «Влияние прошлого опыта на решение задач» (А. Лачинс).

весами (0,01 и 0,00 соответственно), но с положительным направленным знаком. Предположительно, к повышению лабильности при решении задач приводит снижение ригидности и количество персеверативных ошибок.

Регрессионный анализ, направленный на установление влияния данных переменных, в частности ригидности и персеверации на лабильность/ригидность, персеверации и лабильности/ригидности на ригидность и наоборот, не выявил данной зависимости. Следовательно, при интерпретации полученных данных можно отметить в основе решения всех задач наличие когнитивного контроля интерференции, проявляющегося в той или иной мере. Несмотря на установленные в факторном анализе скрытые (неявные, латентные) закономерности, которые указывают на прямую зависимость лабильности от ригидности и наоборот, можно предположить о проявлении скрытого ресурсного потенциала ригидности, а также возможности перехода от конвергентного мышления к дивергентному. Впрочем, данный вывод требует проведения дополнительных исследований.

Таким образом, концептуальная модель когнитивной ригидности, имеющая в своей основе проявление интерференционной задержки при решении когнитивных задач, реализуется посредством различных форм торможения. Так, в основании теста Дж. Струпа лежит форма механизма торможения, вызывающая подавление доминантного стимула (вербального) субдоминантным (сенсорным), при решении задач на установку в методике А. Лачинса проявляется механизм контроля интерференции, а при выполнении написания фразы различным алгоритмом в методике А. Лачинса осуществляется механизм, обуславливающий остановку текущего действия. Наряду с этим во всех задачах присутствует когнитивный контроль интерференции. Результаты исследования отражают индивидуальные различия в проявлении когнитивной ригидности, в частности форм торможения. Результаты могут быть применены при обучении планированию и стратегии решения умственных задач, решении проблем в различных видах учебной и профессиональной

деятельности, формировании навыков и компетенций отсроченности/торможения в конфликтной ситуации с целью нахождения компромиссных и конструктивных решений.

Список использованных источников

1. *Солсо, Р.* Когнитивная психология / Р. Солсо. – 6-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 589 с.
2. *Величковский, Б. М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. / Б. М. Величковский. – М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. – Т. 2. – 432 с.
3. *Хауген, Э.* Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике: моногр. – М., 1972. – 536 с.
4. *Волкович, В. Р.* Интерференционный характер когнитивной деятельности переводчика / В. Р. Волкович // Вестн. ВолГУ. Сер. 9: Исследования молодых ученых. – 2018. – № 16. – С. 22–25.
5. *Posner, M. I.* Attention and Cognitive Control / M. I. Posner, C. R. R. Snyder; in R. L. Solso (Ed.) // Information Processing and Cognition. – 1975. – P. 55–85.
6. *Широкова, И. В.* Взаимосвязь тормозного контроля и селективного внимания / И. В. Широкова // Вестн. психологии. – 2020. – № 3. – С. 26–41.
7. *Barkley, R. A.* ADHD and the Nature of Self-control / R. A. Barkley. – N.Y.: Guilford Press, 1997. – 410 p.
8. *Кольцова, В. А.* Учение И. М. Сеченова о рефлексках головного мозга: манифест русской объективной психологии / В. А. Кольцова, А. Н. Ждан // Психол. журн. – 2015. – Т. 36, № 2. – С. 70–77.
9. *Шульгина, Г. И.* Торможение поведения / Г. И. Шульгина. – М.: ИИнтелл, 2016. – 348 с.
10. *Савина, Е. А.* Проблема развития произвольной регуляции у детей в современной западной психологии / Е. А. Савина // Соврем. зарубеж. психология. – 2015. – Т. 4, № 4. – С. 45–54. – DOI: 10.17759/jmfp.2015040407.
11. *Luchins, A. S.* Mechanization in Problem Solving: The Effect of Einstellung / A. S. Luchins // Psychological Monographs. – 1942. – V. 54(6), № 248.
12. *Stroop, J. R.* Studies of interference in serial verbal reactions / J. R. Stroop // Journal of experimental psychology. – 1935. – Vol. 18, № 6. – P. 643–662.
13. *Лобанов, А. П.* Практикум по общей и когнитивной психологии: практикум / А. П. Лобанов. – Минск: БГПУ, 2014. – 144 с.
14. *Певнева, А. Н.* Когнитивная ригидность в парадигме Лачинса-эффекта / А. Н. Певнева // Вест. БДПУ. Сер. Психология. – 2022. – № 3. – С. 82–85.

Аннотация

В статье раскрываются основные формы торможения (отсроченности) при решении умственных задач в рамках концептуальной модели когнитивной ригидности. Отсроченность/торможение входит в исполнительные функции контроля, обеспечивающие гибкое и целенаправленное поведение. Анализ результатов исследования показал, что выбор способа решения и отсроченность ответа отражают разные формы торможения. Объяснение отсроченного ответа в цветовом тесте Дж. Струпа связано с торможением доминантного действия, в методике А. Лачинса при решении задач – с контролем интерференции, а в методике «Лабильность мышления» (А. Лачинса), где требуется переключение с одного способа выполнения на другой, – с остановкой текущего действия.

Abstract

This article reveals the main forms of inhibition (delay) in solving mental problems within the framework of the conceptual model of cognitive rigidity. Delay/inhibition is a part of executive control functions that provide flexible and goal-directed behavior. The analysis of the results of the study showed that the choice of the solution method and the delay in response reflect different forms of inhibition. The explanation of the delayed response in the Stroop color test is associated with the inhibition of the dominant action; according to the Lachins technique when solving problems the explanation of the delayed response is connected with the control of interference, and in the method «Lability of thinking» (A. Lachins), where it is required to switch from one method of execution to another, it is due to the stop of the current action.

Методологічныя падходы к трактовке категории прибавочной стоимости в современной политэкономии

И. М. Вашко,

кандидат экономических наук, доцент,
Академия управления при Президенте
Республики Беларусь

В системе категориального аппарата политэкономии одной из важных категорий является прибавочная стоимость [1]. Исследование трансформации трактовки прибавочной стоимости и развитие альтернативных концепций – важнейшие аспекты в ракурсе изучения социально-экономических явлений и процессов в современной политэкономии.

Категорию «прибавочная стоимость» впервые применил У. Томпсон (1824), однако трактовка термина его современниками была более широкой [2]. В первой половине XIX в. в экономических исследованиях данный термин ассоциировали и с категориями «прибавочный труд», «прибавочный продукт». А. Менгер в исследовании «Право на весь продукт труда» (1886) отмечает значимую роль в генезисе категории «прибавочная стоимость» ранних английских социалистов У. Годвина, Ч. Холла и У. Томпсона [3]. В последующем исследователи широко расходятся в оценке роли рикардианских социалистов в развитии концепции прибавочной стоимости. Тем

не менее все признают весьма значительный вклад в развитие политэкономии К. Маркса, который системно обосновал доктрину прибавочной стоимости в середине XIX в. [4].

Классическим подходом к изучению указанной категории является методологический, основанный на теории трудовой прибавочной стоимости, представленной в труде К. Маркса «Капитал» (первый том, 1867, и др.) [5]. В отношении перевода, используемого К. Марксом, термина «wert» (нем.) – «стоимость» («mehrwert» (нем.) – добавочная стоимость) или «value» (англ.) – «стоимость» можно отметить, что слово в немецком и английском языках используется также в значении «ценность». Это привело к использованию данного варианта в некоторых переводах работ зарубежных экономистов на русский язык, например при втором переводе труда К. Маркса «Капитал» под редакцией П. Струве в 1898 г. и др., в том числе современных авторов, например при переводе исследования М. Маццукато (2018) и др. [5–7].

Согласно доктрине К. Маркса, особенность капитализма заключается в возможности организации производства таким способом, чтобы заставлять работников, не имеющих в своем распоряжении средств производства, но способных к труду, создавать значительные объемы прибавочной стоимости. Владелец капитала вынужден приобретать рабочую силу (способность работника к труду) и применять труд при организации производства товара [5, с. 174]. Стоимость рабочей силы определяется исходя из объема рабочего времени, который нужен работнику, чтобы заработать средства для воспроизводства способности к труду [5, с. 177].

Процесс труда работника, в котором создается стоимость (ценность), К. Маркс подразделял на два периода. Работник в течение одного периода работает, чтобы произвести продукт труда, по стоимости равный стоимости своей рабочей силы, т. е. заработать на воспроизводство способности к труду. Второй период трудового процесса (за пределами необходимого труда) используется для создания «прибавочной стоимости, которая прельщает капиталиста», т. е. присваивается капиталистом [5, с. 222–223]. Таким образом, прибавочная стоимость – это часть стоимости товаров, создаваемой наемным работником в результате принуждения к труду за рамками необходимого рабочего времени. К. Маркс отмечал «стремление капитала увеличивать свою стоимость, создавать прибавочную стоимость, впитывать своей постоянной частью, средствами производства возможно большую массу прибавочного труда» [5, с. 237].

Прибавочную стоимость, которая обеспечивается за счет увеличения продолжительности рабочего времени (рабочего дня), К. Маркс называл абсолютной

прибавочной стоимостью. Прибавочную стоимость, обусловленную ростом производительности труда, он рассматривал как относительную прибавочную стоимость [5, с. 321]. К. Маркс подчеркивал, что «с ростом эффективности, размеров и стоимости средств производства, т. е. с ростом накопления, сопровождающим развитие производительной силы труда, труд сохраняет и увековечивает все в новых формах постоянно нарастающую капитальную стоимость» [5, с. 612].

Итак, согласно концепции К. Маркса, освещенной в первом томе труда «Капитал», возможность получения прибыли обеспечивается за счет использования неоплачиваемого труда, что позволяет создавать прибавочный продукт, т. е. обеспечивать появление прибавочной стоимости [5]. К. Маркс аргументирует, что работники подвергаются эксплуатации, так как капиталисты присваивают прибавочную стоимость, производимую работниками помимо и сверх своих потребностей.

Рассматривая процесс производства, К. Маркс отмечал, что «весь капитал – как средства труда, так и материалы производства и труд – вещественно служит создателем продукта» [8, с. 42–43]. «То, чего стоит товар капиталистам, измеряется затратой капитала; то, чего товар действительно стоит, – затратой труда, поэтому капиталистические издержки производства товара количественно отличны от его стоимости, или действительных издержек его производства; они меньше, чем товарная стоимость» [8, с. 28].

Конкретизируя сущностную характеристику прибавочной стоимости в третьем томе своего труда «Капитал», К. Маркс также уточнял сущностную характеристику прибыли, подчеркивая: «Прибавочная стоимость, представленная как порождение всего авансированного капитала, приобретает превращенную форму прибыли» [8, с. 43]. Как составные части прибыли он рассматривал предпринимательский доход, связанный с функционированием капитала (излишек прибыли над процентом), и процент, являющийся продуктом собственности на капитал. При этом К. Маркс подчеркивал, что процент – «общественная форма капитала, представленная в нейтральной и индифферентной форме», предпринимательский доход – «экономическая функция капитала, отвлеченная от капиталистического характера этой функции» [8, с. 376].

Рассматривая особые функции, реализуемые капиталистом для получения предпринимательского дохода, К. Маркс охарактеризовал часть создаваемой прибавочной стоимости как эквивалент затраченного «труда по эксплуатации работников» (труд «по надзору», т. е. управление процессом производства). Он отмечал, что «труд по эксплуатации и эксплуатируемый труд оба тождественны как труд». Исходя из характеристики функций предпринимателя, «часть заработной платы на основе капиталистического способа

производства представляется интегральной составной частью прибыли» [8, с. 397].

Характеризуя факторы производства, К. Маркс подчеркивал: «Капитал – прибыль (предпринимательский доход плюс процент), земля – земельная рента, труд – заработная плата: вот триединая формула, которая охватывает все тайны общественного процесса производства» [8, с. 827]. «Процент выступает как специфический, характерный продукт капитала, а предпринимательский доход в противоположность этому как независимая от капитала заработная плата» (вознаграждение за управление) [8, с. 827].

К. Маркс выделял разнообразные функции субъектов в капиталистической экономической системе и различия между видами деятельности: производством, обращением, капиталом, приносящим проценты, ренту. Он подчеркивал, что товарный обмен опосредует отношения в капиталистическом обществе. Так как люди производят общественный продукт совместно, принимая участие в разделении труда, то они зависимы от других людей [5, гл. 1]. Производственный капитал создает прибавочный продукт, торговый капитал обеспечивает его реализацию [8, гл. 1].

К. Маркс отмечал, что объем труда, который необходим для производства товаров, постоянно изменяется в связи с изменениями производительных сил наемного труда. Он уделял внимание роли разделения и кооперации труда в повышении производительности труда, а также тому, что замена живого труда овеществленным (использование более совершенного оборудования) ведет к росту производительности труда.

К. Маркс акцентировал внимание на том, что «на одном полюсе цена рабочей силы выступает в превращенной форме заработной платы, на противоположном полюсе прибавочная стоимость выступает в превращенной форме прибыли» [8, с. 41]. В результате возникает противоречие между владельцем капитала и наемным работником в связи со стремлением каждого к максимизации своего дохода. Рост богатства обусловлен в значительной степени стремлением капиталистов получить максимальную прибавочную стоимость от применения труда, что приводит к росту производительности труда и капитала.

Таким образом, К. Маркс, в отличие от предшественников, рассматривал капитал не только в экономическом, но и в социальном ракурсе. В процессе реализации наемного труда рабочая сила отчуждается в экономическом смысле от человека – носителя рабочей силы, происходит переход от внеэкономических ресурсов к экономическим. Распределение получаемого дохода между наемными работниками (в форме заработной платы) и собственниками капитала (в форме прибыли) обуславливается взаимодействием политико-экономических сил в исторически конкретной экономической системе. К. Маркс концептуально

обосновал идею, суть которой в том, что установление размера заработной платы работников осуществляется посредством классовой борьбы.

Указанные ракурсы лежат в основе формирования методологических подходов к исследованию социально-экономических систем.

Несмотря на то что теория К. Маркса получила дальнейшее развитие, она также подвергалась критике. В развивающемся капиталистическом обществе были востребованы новые теории, обосновывающие социально-экономическое положение капиталистов в социуме [7, с. 99].

Альтернативная теории трудовой стоимости неоклассическая экономическая теория, базирующаяся на концепции предельной полезности, обосновывает то, что получаемые доходы являются вознаграждением за те или иные начинания. В теории применяются два исходных допущения: предполагается, что все экономические агенты осуществляют рациональный выбор и что обеспечивается невмешательство в процесс ценообразования. Представитель кембриджской школы А. Маршалл и его сторонники акцентировали внимание на маргинальных изменениях изучаемых переменных и их взаимосвязи [9]. Сторонники неоклассической теории утверждали, что эксплуатация труда капиталом невозможна, так как труд и капитал обеспечивались своими справедливыми вознаграждениями. Применяемый труд оплачивается заработной платой, использование капитала позволяет получать прибыль. Капитал является вознаграждением за самоограничение его владельцев, которые направляют прибыль на накопление и последующее значительное инвестирование в новый капитал как фактор производства.

Ценность товара в неоклассической теории рассматривается в ракурсе его практической значимости для потребителя. Она различна для разных потребителей и изменяется при увеличении его количества во владении или употреблении и ограничивается предельной полезностью. Редкий товар имеет возрастающую предельную полезность, что определяет предпочтения потребителей.

Таким образом, на микроуровне обосновывается выбор экономических агентов на основе неоклассической теории производства и потребления. В центральном ракурсе находится максимизация прибыли для производителей и полезности для потребителей и работников. Использование в неоклассической теории категорий предельной полезности и редкости позволяло определить масштабы и цены конкретного рынка, определяющие ценность товаров.

Применение в неоклассической теории категории равновесия спроса и предложения позволило рассматривать капитализм как «безмятежную систему, стимулируемую самоуравновешивающимися конкурентными механизмами» [7, с. 105]. Данный подход находился в противоречии с теорией К. Маркса, в ко-

торой экономическая система исследуется в ракурсе борьбы классов и рассматривается как неустойчивая, трансформируемая в результате революции.

Теория предельной полезности изменила трактовку производительного и непроизводительного труда, аргументируя, что каждый сектор, производящий товары, участвует в обмене. Равновесие экономической системы меняется при развитии технологий и изменении вкусов потребителей. Доход, получаемый работниками, зависит от их предельной производительности и возможных предпочтений (определяется предельная полезность), что влияет на возможные предпочтения в отношении отдыха или работы. Работники могут сделать выбор в пользу безработицы, если видят большую предельную полезность в ней, чем в трудовой деятельности за определенную плату. Аналитические подходы К. Маркса в отношении вклада работника в создание прибавочной стоимости в данной теории не применяются. Размер получаемой прибыли определяется применяемыми технологиями в процессе производства и предельным продуктом, а не эксплуатацией. Капитал и труд рассматриваются как два ключевых фактора производства. При этом труд работников за свой производительный вклад (предельный продукт труда) предполагает оплату заработной платой, использование капитала дает возможность получения прибыли (предельный продукт капитала).

В XX в. изменились акценты в изучении ключевых факторов, определяющих возможность получения прибыли. Й. Шумпетер выделяет инновации и характеристики предпринимателя, Э. Чемберлин отмечает монопольный эффект, обусловленный ограничением конкуренции, Ф. Найт указывает на роль принимаемых решений в ситуации воздействия непрогнозируемых факторов, Т. Веблен акцентирует внимание на позициях государственных органов управления при воздействии на конкуренцию [10, с. 192–193].

В современных исследованиях рассматривается развитие методологических подходов к анализу создания прибавочной стоимости. Во второй половине XX в. в ходе «Кембриджского спора о капитале» – дискуссии по вопросу противоречий между трудом и капиталом – Д. Робинсон и П. Сраффа выступали с критикой неоклассического подхода к трактовке процесса производства, утверждая, что концепция предельного продукта труда и капитала имеет идеологический базис. Они отмечали, что ошибочной является экстраполяция части на целое, что неоклассическая теория неприменима к экономической системе. Так как капитал обладает гетерогенной природой, он не может применяться в качестве совокупной категории. Критиковалась идея прибыли как ценностного измерения капитала. Было высказано мнение, что норма прибыли не является вознаграждением за производительный вклад капитала, а зависит от социальных отношений, определяющих принадлежность

капитала, а также того, кто вынужден работать на владельцев капитала. П. Сраффа отмечал, что при снижении заработной платы работников норма прибыли возрастает прямо пропорционально общему снижению зарплат [11].

П. Самуэльсон, автор широко известного учебника «Экономика: вводный анализ» (1948), признал логичность аргументов о круговой логике неоклассической теории, но не считал их существенными [7, с. 114]. Несмотря на критические аргументы противников, неоклассическая теория предельной полезности сохранила доминирующие позиции.

Рента в классической теории рассматривается как часть процесса производства, доход от непроданных редких активов, резерв общественной прибавочной стоимости. Согласно М. Мацукото, в неоклассической теории утверждается, что ценность определяется исходя из цены, тогда доход от ренты должен быть производительным, следовательно, идея незаработанного дохода исчезла [7 с. 119].

Соответственно, изъятие ценности (добавочной стоимости) в инновационной экономике происходит несколькими способами [7, с. 272]. К ним можно отнести:

- получение дополнительной прибыли за счет участия финансового сектора в процессе коммерциализации инноваций, в частности, при финансировании венчурными фондами и при выходе стартапов на фондовый рынок;

- использование прав интеллектуальной собственности, обеспечивающее патентную защиту результатов исследований и применяемое при исследованиях инструментов («непроизводительное предпринимательство»);

- получение более высокой нормы прибыли при продаже инновационных продуктов за счет высоких цен и не столь высоких затрат, так как при разработке и внедрении инноваций используется совокупный общественный вклад (в здравоохранении, энергетике, ИКТ, например, при внедрении широкополосного интернета и др.);

- создание монопольных преимуществ и использование эффекта масштаба, обеспечивающее рост прибыли, сокращение издержек, при разработке и внедрении инновационных программных продуктов с учетом особенностей сетевых технологий вследствие того, что потребители ограничены возможностью его использования в рамках конкретной сети.

Таким образом, можно отметить стремление к получению и использованию рентных доходов в современных условиях. При этом применяемый способ получения прибавочной стоимости направлен на перераспределение (социализацию) рисков и создание дополнительных возможностей для роста доходности капитала, что применяется при коммерциализации инноваций.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Уточнение ключевых аспектов теории трудовой стоимости К. Маркса, включая различия в восприятии терминологии, позволяет выявить сформированные ею предпосылки, оказывающие влияние на развитие экономической теории в современных условиях.

2. При изучении трактовки категории прибавочной стоимости на основе методологических подходов, предложенных К. Марксом, целесообразно учитывать аспекты, отражающие развитие концепции прибавочной стоимости в его трудах, принимая во внимание сущностные характеристики прибыли, предпринимательского дохода, а также системное исследование содержания факторов общественного производства и др. (К. Маркс «Капитал», т. 3).

3. Исследование трансформации трактовки категории прибавочной стоимости в трудах экономистов, учет социальной роли экономической теории позволяют в новом ракурсе рассматривать современные методологические подходы, выявлять причинно-следственные связи, отражающие развитие социально-экономических процессов.

4. Дальнейшее исследование способов изъятия ценности (добавочной стоимости) в инновационной экономике является необходимым, так как позволяет выявить новые подходы к использованию создаваемого общественного продукта и на основе аналитических подходов вырабатывать аргументированные решения в области регулирования социально-экономических процессов в современном обществе.

Список использованных источников

1. Современная политэкономия: учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования / В. Г. Гусаков [и др.]; под ред. В. Г. Гусакова. – Минск: РИВШ, 2022. – 463 с.

2. *Thompson, W.* An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth Most Conducive to Human Happiness; Applied to the Newly Proposed System of Voluntary Equality of Wealth Paperback / W. Thompson. – HardPress Publishing, 2012. – 638 p.

3. *Менгер, А.* Право на полный продукт труда [Электронный ресурс] / А. Менгер; пер. с нем. под ред. и с предисл. прив.-доц. Н. А. Рожкова. – 3-е изд. – М.: Книгоизд-во Е. Д. Мягкова «Колокол», 1905. – 221 с. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/1095662>. – Дата доступа: 24.03.2023.

4. *Беркитт, Б.* Рикардианские социалисты [Электронный ресурс] / Б. Беркитт // Радикальная политическая экономия. – Нью-Йорк: Изд-во Нью-Йорк. ун-та, 1984. – С. 19–35. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20140407085634/https://cas.umkc.edu/econ/economics/faculty/Lee/courses/488/reading/esu2.pdf>. – Дата доступа: 24.03.2023.

5. *Маркс, К.* Капитал. Критика политической экономии: в 3 т. [Электронный ресурс] / К. Маркс; пер. И. И. Степанова-Скворцова. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1951–1952. –

Т. 1: Книга I: Процесс производства капитала / К. Маркс. – 1952. – 794 с. – Режим доступа: https://istmat.org/files/uploads/59307/k_marks_kapital_tom_1_1952_g.pdf. – Дата доступа: 24.03.2023.

6. Гурвич, Е. А. Из воспоминаний. (Мой перевод «Капитала») [Электронный ресурс] / Е. А. Гурвич // Летописи марксизма. – М.-Л., 1926. – № 1. – С. 91–93. – Режим доступа: <https://ru-history.livejournal.com/4607327.html>. – Дата доступа: 24.03.2023.

7. Маццукато, М. Ценность всех вещей. Создание и изучение в мировой экономике / М. Маццукато; пер. с англ. под науч. ред. Н. Афанасова, А. Павлова. – М.: Издат. дом ВШЭ, 2021. – 408 с.

8. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии: в 3 т. [Электронный ресурс] / К. Маркс; пер. И. И. Степано-

ва-Скворцова. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1951–1952. – Т. 3. Части первая и вторая; Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом / К. Маркс. – 1951. – 932 с. – Режим доступа: https://crystalbook.ru/wp-content/uploads/2021/06/k_marks_kapital_tom_3_1951_g.pdf. – Дата доступа: 24.03.2023.

9. Маршалл, А. Принципы политической экономии / А. Маршалл. – М.: Директ-Медиа, 2012. – 2127 с.

10. Болтански, Л. Обогащение. Критика товара / Л. Болтански, А. Эскер; пер. О. Волчек, ред. С. Фокин. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021 г. – 600 с.

11. Сраффа, П. Производство товаров посредством товаров: прелюдия к критике экономической теории: пер. с англ. / П. Сраффа; под ред. И. И. Елисейевой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 160 с.

Аннотация

В статье рассмотрены основные методологические подходы к трактовке категории прибавочной стоимости, исследуемой исходя из классического подхода теории трудовой прибавочной стоимости и его развития. Изучено основное содержание концепции К. Маркса. Уделено внимание аспектам, позволяющим рассматривать сложное многогранное содержание прибавочной стоимости, в том числе в социальном ракурсе. Раскрыты сущностные характеристики абсолютной и относительной прибавочной стоимости, компоненты прибавочной стоимости, включая предпринимательский доход, прибыль и др. Рассмотрено дальнейшее развитие трактовки категории прибавочной стоимости и трудовых отношений. Уточнены влияющие на формирование и использование прибавочной стоимости факторы, в том числе в условиях инновационной экономики.

Abstract

The paper considers the main methodological approaches to the interpretation of the category of surplus value. Surplus value is investigated on the basis of the classical approach of labor surplus value. The main content of the concept of K. Marx is studied and attention is paid to aspects that allow us to consider the complex multifaceted content of surplus value, including from a social perspective. The essential features of absolute and relative surplus value, components of surplus value, including entrepreneurial income, profit and etc. are disclosed. The further development of interpretations of the category of surplus value and labor relations is considered. The factors influencing the formation and consumption of surplus value are clarified, including in the conditions of innovative economy.

ГУО «Республиканский институт высшей школы» Редакционно-издательский центр предлагает

И. В. Глухова

ЭКОНОМИКА ТРУДА

Допущено Министерством образования Республики Беларусь в качестве учебного пособия для студентов учреждений высшего образования по специальности «Экономика и управление»

В учебном пособии рассмотрены темы, связанные с развитием системы социально-трудовых отношений и функционированием рынка труда в Республике Беларусь. Отражены вопросы формирования и использования трудового потенциала работников организации, планирования их численности, кадровой безопасности, организации оплаты труда и связанного с ней социального страхования и подоходного налогообложения, социального развития трудового коллектива.

Предназначено для студентов специальности 6-05-0311-02 «Экономика и управление», а также для магистрантов, аспирантов, преподавателей и практических работников в области экономики труда.

ISBN 978-985-586-682-5

Информацию о реализуемой учебной и методической литературе можно посмотреть на сайте www.nihe.bsu.by.
Заказы принимаются по адресу: 220007, г. Минск, ул. Московская, 15, к. 126, тел./факс 219 06 63.

Кадровое обеспечение цифровой трансформации маркетинга

И. В. Марахина,

кандидат экономических наук, доцент,

В. А. Пархименко,

кандидат экономических наук, доцент;

Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники

Характерная для Беларуси активная интернетизация экономики определяет потребность организаций в привлечении специалистов, обладающих рядом компетенций в сфере цифрового маркетинга и веб-аналитики. В то же время проведенный анализ специальностей, по которым ведется обучение в Республике Беларусь, указывает, что они не отвечают современным потребностям экономики. Поэтому важным является соответствующая реакция системы образования и скорейшее введение новой специальности в соответствии со сформулированными в настоящей статье предложениями.

В условиях активного развития цифровой экономики и интернетизации важным является обеспечение эффективности и конкурентоспособности белорусских организаций посредством совершенствования их веб-сайтов. В Беларуси 78,6 % организаций взаимодействуют с потребителями через Интернет, не менее 70,4 % имеют веб-сайт [1]. Отмечается рост розничного товарооборота интернет-магазинов, а также доли организаций, осуществляющих электронные продажи товаров [1; 2]. При этом растет сложность сайтов, они становятся не столько источником информации, сколько многофункциональной информационной системой, с их помощью автоматизируется все больше бизнес-процессов, осуществляется сбор данных и анализ пользователей. В таких условиях владельцам сайтов необходима веб-аналитика, включая анализ большого объема эмпирических данных о пользователях – Data-Driven Marketing, а также реализация маркетинговых технологий (англ. MarTech, рус. MapTex) – совокупности ИТ-решений, автоматизирующих широкий спектр маркетинговых процессов компании, – онлайн- и офлайн-автоматизации (алгоритмизации) маркетинга на основе технологий Big Data, машинного обучения и интеллектуального анализа данных; разработки и использования рекомендательных систем, систем анализа тональности текстов в социальных медиа, систем парсинга цен конкурентов, интеллектуальных чат-ботов, функциональных модулей.

В то же время для реализации вышеназванной деятельности компетенций SEO-специалистов, которые традиционно решали вопросы продвижения сайтов в Интернете, недостаточно. Поэтому авторы предлагают готовить в Республике Беларусь специалистов нового формата – специалистов по технологиям цифрового маркетинга и веб-аналитики с целью обеспечения растущей потребности национальной экономики.

Анализ теоретико-методических основ кадрового обеспечения специалистами по технологиям цифрового маркетинга и веб-аналитики

В 2011 г. потребность в SEO-специалистах была юридически закреплена введением новой должности в ЕКСД – «Специалист по поисковому продвижению web-сайта» (постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь № 33 от 26.05.2011) [3]. Однако изучение запросов цифрового бизнеса в настоящее время указывает на необходимость расширения компетенции SEO-специалистов. Анализ работ по этой теме указывает на низкий уровень проработанности теоретико-методических основ кадрового обеспечения специалистами по технологиям цифрового маркетинга и веб-аналитики. Такие вопросы практически не обсуждаются в научных статьях, а публикации имеют скорее практическую направленность на обучение специалистов. Как раз в таких публикациях, ориентированных на обучение

SEO-специалистов, все большее внимание уделяется МарТеху и веб-аналитике [4–6].

Нельзя не отметить и практический опыт развития образования в этой сфере. Так, в ведущем экономическом университете Российской Федерации – Высшей школе экономики – с 2022 г. ведется подготовка по образовательным программам «Цифровой маркетинг» (г. Нижний Новгород) и «Маркетинг и рыночная аналитика» (г. Москва). Кроме того, в России в настоящее время осуществляется обучение и по ряду других образовательных программ, ориентированных на подготовку в указанной области: «Цифровой маркетинг» (16 вузов), «Технологии продаж и цифровой маркетинг», «Цифровой маркетинг и бизнес-аналитика», «Digital-Маркетинг», «Диджитал маркетинг», «Интернет-маркетинг и электронная торговля» (4 вуза), «Интернет-маркетинг» и др.

Анализ кадрового обеспечения цифрового маркетинга

Анализ специальностей, по которым ведется обучение в Республике Беларусь, указывает, что они не позволяют подготовить специалистов в сфере цифрового маркетинга и веб-аналитики в соответствии с современными потребностями экономики (таблица 1).

Таким образом, ни одна из приведенных в таблице 1 специальностей не формирует систему необходимых профессиональных и специальных компетенций для работы в области цифрового маркетинга

и веб-аналитики. Поэтому, учитывая необходимость подготовки подобных специалистов, определяемой перспективами развития цифрового общества и цифровой экономики в Республике Беларусь, для решения указанного вопроса целесообразно открытие новой специальности 6-05-0611-07 «Цифровой маркетинг». Она соответствует группе специальностей направления образования 061, которая включает следующие специальности:

- 6-05-0611-01 Информационные системы и технологии;
- 6-05-0611-02 Информационная безопасность;
- 6-05-0611-03 Искусственный интеллект;
- 6-05-0611-04 Электронная экономика;
- 6-05-0611-05 Компьютерная инженерия;
- 6-05-0611-06 Системы и сети инфокоммуникаций.

Результаты и их обсуждение: теоретические основы введения новой специальности «Цифровой маркетинг»

Для реализации указанного предложения была проделана предварительная исследовательская работа, включая работу с организациями, заинтересованными в выпускниках данной специальности, сформулированы основные теоретико-методологические основы введения новой специальности.

1. На основе изучения компетенций, предъявляемых в реальном секторе экономики к соответствующим специалистам, а также анализа мирового

Таблица 1

Анализ возможностей обучения специалистов в сфере цифрового маркетинга и веб-аналитики в рамках существующих специальностей

Специальность	Анализ возможностей интеграции в специальность
6-05-0612-03 «Системы управления информацией»	Несмотря на то что направлена на проектирование, разработку и эксплуатацию широкого спектра человеко-машинных систем (от отдельных автоматизированных рабочих мест до систем управления технологическими, организационно-технологическими и организационными процессами на уровне предприятий, организаций и отраслей), имеет однозначную ориентацию на управление техническими объектами и устройствами, в то время как область цифрового маркетинга и веб-аналитики подразумевает управление социальными объектами и отношениями с помощью информационных технологий и систем
6-05-0611-04 «Электронная экономика»	Ориентирована на подготовку по широкому кругу экономических дисциплин и лишь затрагивает проблемы маркетинга в рамках только одной учебной дисциплины, находящейся вне государственного компонента. Использование «Технологий цифрового маркетинга и веб-аналитики» в форме профилизации указанной специальности с присвоением выпускникам квалификации «Программист. Экономист» лишь в крайне незначительной степени будет отражать содержание подготовки по цифровому маркетингу и даже вводить в заблуждение абитуриентов и работодателей, которые воспринимают экономиста (калькуляция себестоимости, заработной платы и т. п.) и интернет-маркетолога (SEO, SMM, ORM, веб-аналитика, конверсия трафика и т. п.) как совершенно и бесспорно разные профессии. Несмотря на то что экономика, если рассматривать ее самым широким образом, включает в себя и маркетинг, все же в сфере образования во всем мире существует традиционное разделение этих областей явным и однозначным образом. Это хорошо и недвусмысленно определено и в ОКРБ 011-2022, в котором даже такие традиционные (не «цифровые») области, как «Экономика» и «Маркетинг», относятся к совершенно разным профилям образования, т. е. даже не к разным группам специальностей или разным направлениям образования, а именно к разным профилям! И эти области не объединяются ни формально, ни содержательно. В частности, «Экономика» отнесена к социальным наукам и профилю образования 03 (см. с. 33 ОКРБ 011-2022), а «Маркетинг» – к совершенно другому профилю образования – 04 (см. с. 37 ОКРБ 011-2022). Подобное разделение существует и в МСКО: экономика отнесена к 03 Social Sciences, Journalism and Information, а маркетинг – 04 Business, Administration and Law [7]
6-05-0412-04 «Маркетинг» (квалификация – «Маркетолог»)	Несмотря на непосредственную ориентацию на подготовку маркетологов, в том числе умеющих использовать прикладные информационные системы, не подразумевает формирование компетенций, связанных не только с использованием на уровне пользователя, но и с разработкой математических моделей, алгоритмов и технических решений для цифрового маркетинга (интеллектуальных чат-ботов, рекомендательных систем, парсеров цен конкурентов, систем анализа тональности текстов в социальных медиа, различных функциональных модулей для веб-сайта компании и т. п.)

Источник: собственная разработка с использованием [8].

опыта сформулирован перечень учебных дисциплин, составляющих основу специальности 6-05-0611-07 «Цифровой маркетинг»: «Базы данных», «Бизнес-анализ и прототипирование программных продуктов», «Введение в анализ данных», «Глобальный маркетинг»/«Проектирование веб-магазинов», «Интернет-маркетинг и электронная коммерция», «Каналы дистрибуции и маркетинговая логистика»/«Управление проектами», «Компьютерные сети и веб-технологии», «Маркетинг программных продуктов и ИТ-услуг»/«SMM-маркетинг и интернет-реклама», «Математические методы и модели принятия маркетинговых решений», «Основы алгоритмического маркетинга»/«Мобильные приложения в маркетинге», «Основы машинного обучения», «Поисковое продвижение и веб-аналитика», «Прикладной статистический анализ», «Проектирование информационных систем», «Распределенные системы обработки информации», «Стратегический маркетинговый анализ», «Технологии управления продажами», «Цифровая трансформация бизнеса»/«Основы нейроэкономики и нейромаркетинга».

2. Определены следующие задачи профессиональной деятельности выпускника по специальности 6-05-0611-07 «Цифровой маркетинг»:

- осуществление поискового продвижения веб-сайта, включая весь комплекс технических работ с кодом сайта для улучшения его индексации поисковыми системами, а также работу с биржами ссылок, SEO-копирайтинг и рерайтинг, добавление сайтов в тематические каталоги, сотрудничество с партнерскими ресурсами, мониторинг изменений алгоритмов поисковых машин;

- осуществление веб-аналитики, анализ интересов и поведения целевой аудитории ресурса, управление потоком посетителей сайта (трафиком) и его эффективностью (конверсией);

- разработка и сопровождение систем и инструментов алгоритмического маркетинга: рекомендательных систем, систем анализа тональности текстов в социальных медиа, интеллектуальных чат-ботов и т. д.;

- разработка и внедрение систем интеллектуального анализа данных для решения маркетинговых проблем;

- планирование и проведение рекламных кампаний в Интернете, выбор форм и способов рекламы, подбор и обоснование наиболее эффективных онлайн-площадок для рекламы, составление рекламных текстов, технических заданий на баннеры, тизеры и другие рекламные модули, анализ эффективности кампании;

- ведение учетных записей (аккаунтов) компании в социальных сетях, поддержка групп пользователей и клиентов в социальных сетях и онлайн-форумах;

- управление структурой и содержательным наполнением (контентом) веб-сайта, анализ и оптимизация полезности, комфортности и понятности (юзабилити)

веб-сайта для пользователя, постановка технических заданий для дизайнеров и разработчиков, контроль их выполнения;

- осуществление электронного пиара, ведение блога организации, онлайн-копирайтинг, создание новостей, пресс-релизов и статей, их публикация на различных сайтах с целью продвижения бренда, формирования лояльности, распространения сведений о компании и услугах, а также привлечения пользователей Интернета на сайт;

- планирование и проведение кампании корпоративных рассылок маркетинговых материалов по электронной почте;

- использование технологии мобильного маркетинга для продвижения продуктов и брендов, включая маркетинг через мобильные приложения и работу с QR-кодами.

3. Выделены объекты профессиональной деятельности специалиста (по ОКЭД): веб-порталы и веб-сайты; поисковые системы; реклама в сети Интернет; базы данных; прикладное программное обеспечение; компьютерные технологии; рекламные материалы; конъюнктура рынка и общественное мнение; интернет-аукционы оптовой и розничной торговли.

Указанное выше описание позволяет считать предлагаемую специальность новой как в техническом, так и в экономическом направлении. Наличие таких специалистов в конечном итоге будет способствовать развитию экономики Беларуси и более эффективной работе коммерческих и некоммерческих организаций всех форм собственности.

4. На ближайшие 10–15 лет оценена ежегодная потребность в специалистах данного направления специальности в количестве более 40 человек. Для этого проведен опрос предприятий и организаций Республики Беларусь, среди которых агентства цифрового маркетинга и ИТ-компании, связанные с разработкой решений для электронной коммерции; предприятия реального сектора экономики и субъекты их фирменной торговой сети, иные коммерческие и некоммерческие организации, нуждающиеся в организации коммуникаций с целевыми потребителями и другими стейкхолдерами (включая PR, SERM, ORM, брендинг, виртуальные выставки и т. п.). В частности, прогнозная потребность в выпускниках была определена со стороны ОАО «Интеграл» (производство микроэлектроники), ООО «Вебком Групп» (digital-агентство), УП «А1» (оператор сотовой связи), ОАО «Могилевхимволокно» (производитель полиэфирной продукции), ОАО «Могилевлифтмаш» (производитель лифтового оборудования), УПП «Глубокский мясокомбинат» (предприятие мясоперерабатывающей промышленности), РНУП «Институт системных исследований в АПК Национальной академии наук Беларуси» (научная организация), ОАО «Агентство внешнеэкономической деятельности» (управляющая компания

Холдинга «BORWOOD»), ООО «Веб-Кибернетика» (digital-агентство) и др.

5. Выявлены должности, на которых сможет работать выпускник специальности 6-05-0611-07 «Цифровой маркетинг», в том числе: 24754 Специалист по поисковому продвижению web-сайта; 20273 Бизнес-аналитик; 24435 Программист; 23176 Маркетолог; 24776 Специалист по маркетингу; 23466 Менеджер по маркетингу; 23466 Менеджер по информационным технологиям; 24533 Редактор интернет-ресурса.

6. Выявлены виды экономической деятельности, которыми будут заниматься указанные специалисты. Так, анализ возможностей интеграции предложенной специальности в сфере цифрового маркетинга и веб-аналитики показывает, что ее можно отнести к следующим разделам ОКРБ 005-2011 [9]:

- 62 Компьютерное программирование, консультационные и другие сопутствующие услуги;
- 63 Деятельность в области информационного обслуживания;
- 72 Научные исследования и разработки;
- 73 Рекламная деятельность и изучение конъюнктуры рынка;
- 854 Высшее и послесреднее образование.

Дальнейшее исследование позволило выявить подклассы ОКРБ 005-2011 (с учетом официальных разъяснений Белстата от 04.08.2022, 28.03.2022, 26.06.2019, 03.10.2016, 30.07.2015 и др. [10]), представленные в таблице 2.

Исходя из тенденций активизации цифровой трансформации экономики и общества, можно ожидать, что потребность в специалистах по цифровому маркетингу и веб-аналитике будет только увеличиваться, так как все больше и больше коммерческих и некоммерческих организаций будут выходить в онлайн, а развитие информационных технологий будет приводить к тому, что существенно возрастет техническое содержание этого вида экономической деятельности и, соответственно, требования к техническим (инженерным) компетенциям выпускников, в первую очередь связанным с анализом больших массивов информации о поведении пользователей онлайн.

7. Для продолжения обучения на второй ступени предложено выбрать специальность «Цифровой маркетинг и бизнес-аналитика».

8. Обоснована возможность осуществления подготовки специалистов в БГУИР. Так, в области цифрового маркетинга в БГУИР накоплен значительный

Таблица 2

Подклассы видов деятельности

Подклассы видов деятельности	Деятельность, которую включает подкласс
62010 «Деятельность в области компьютерного программирования»	<ul style="list-style-type: none"> • оказание услуг по SEO-продвижению интернет-сайтов (далее – сайты), включая оптимизацию структуры и содержания сайтов (их кода), размещение ссылок с целью оптимизации сайтов для поисковых систем; • разработка интернет-сайтов; • поддержание работоспособности интернет-сайтов заказчика
63119 «Прочая обработка данных, предоставление услуг по размещению информации и связанная с этим деятельность»	<ul style="list-style-type: none"> • оказание услуг по SEO-продвижению сайтов, не затрагивающих структуру и содержание сайтов (их кода); • услуги хостинга (хранение веб-страниц, предоставление возможности их модификации и размещения в сети Интернет для общего доступа); • услуги по вводу (внесению, изменению) информации, содержащейся на интернет-сайте заказчика; • предоставление места и времени для рекламы в сети Интернет (кроме рекламы в средствах массовой информации в сети Интернет); • оказание заказчикам услуг по автоматизированной рассылке текстовых сообщений, уведомлений (в том числе рекламного характера) клиентам заказчика с использованием специального программного обеспечения для рассылки сообщений (мессенджеров Viber, WhatsApp, Telegram и т. п.)
73200 «Рекламная деятельность и изучение конъюнктуры рынка»	<ul style="list-style-type: none"> • маркетинговые исследования и изучение общественного мнения; • изучение потенциальных возможностей рынка, приемлемости продукции, осведомленности о ней и покупательских привычках потребителей в целях содействия сбыту и разработке новых видов продукции, включая анализ результатов исследований
47910 «Розничная торговля путем заказа товаров по почте и через сеть Интернет»	<ul style="list-style-type: none"> • розничная торговля любыми товарами через сеть Интернет; • интернет-аукционы розничной торговли
63120 «Деятельность веб-порталов»	<ul style="list-style-type: none"> • деятельность по функционированию интернет-портала, являющегося средством массовой информации (сетевым изданием), предоставлению места и времени для рекламы на собственном интернет-портале (без создания рекламы)
70220 «Консультирование по вопросам коммерческой деятельности и прочее консультирование по вопросам управления»	<ul style="list-style-type: none"> • разработка маркетинговой политики
73110 «Деятельность по созданию рекламы»	<ul style="list-style-type: none"> • оказание услуг по созданию рекламы и размещению созданной рекламы на интернет-портале; • в части написания текстов рекламного характера (в том числе на основе исходного текстового материала)
90030 «Художественное и литературное творчество»	<ul style="list-style-type: none"> • в части написания информационных текстов, не носящих рекламного характера (например, о потребительских свойствах товара)
82300 «Организация конференций и профессиональных выставок»	<ul style="list-style-type: none"> • деятельность по маркетингу и связям с общественностью по вопросам проведения мероприятий

организационный и педагогический опыт, существует научно-методический задел. В частности, с 2012 г. ведется подготовка по специальности «Электронный маркетинг» (квалификация «маркетолог-программист»), которая по инициативе БГУИР впервые в Республике Беларусь была внесена в ОКРБ (прежняя редакция). Подготовка по специальности «Маркетинг» со специализацией «Маркетинг в электронной коммерции» велась в БГУИР с 2000 по 2016 г.

Возможности БГУИР обеспечить выполнение в ходе образовательного процесса указанных норм, правил, нормативных актов и т. д. подтверждаются результатами самоконтроля при аккредитации специальностей, результатами аттестации университета, а также лицензией на образовательную деятельность. Университет имеет научно-методическое обеспечение и материально-техническую базу, что подтверждено комиссией Департамента контроля качества образования Министерства образования Республики Беларусь. Для подготовки по специальности будут использованы научно-методическое обеспечение и материально-техническая база БГУИР, в том числе электронные учебно-методические комплексы по учебным дисциплинам, разработанные преподавателями университета, а также учебная и техническая литература, изданная в Республике Беларусь и странах СНГ. В дальнейшем по мере поступления финансовых средств материально-техническая база и научно-методическое обеспечение профилирующей кафедры будут обновляться и дополняться.

Укомплектованность БГУИР кадрами, отвечающими квалификационным требованиям, и научными работниками, имеющими ученые степени и ученые

звания, подтверждается результатами самоконтроля при аккредитации специальностей и результатами аттестации университета.

Список использованных источников

1. Информационное общество в Республике Беларусь / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2021. – 95 с.
2. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь, 2022 / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2022. – 93 с.
3. О внесении изменений и дополнений в некоторые нормативные правовые акты: постановление М-ва труда и соц. защиты Респ. Беларусь № 33 от 26.05.2011.
4. *Шамина, И. С.* Total SEO. Ч. 1. Полное практическое руководство по продвижению сайтов / И. С. Шамина, А. В. Носаченко. – Вологда: Инфра-Инженерия, 2021. – 604 с.
5. SEO МОНСТР NEXT. Т. 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://drmax.su/>. – Дата доступа: 10.03.2022.
6. *Анисимов, С.* Поисковое продвижение сайтов / С. Анисимов. – М.: Книжкин дом, 2021. – 416 с.
7. International Standard Classification of Education: Fields of Education and Training, 2013. – UNESCO Institute for Statistics, 2015. – 80 p.
8. Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 011-2022 «Специальности и квалификации»: утв. и введен в действие постановлением М-ва образования Респ. Беларусь от 24 марта 2022 г. № 54. – Минск: М-во образования Респ. Беларусь. – 60 с.
9. Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 005-2011. Виды экономической деятельности. – Минск: Госстандарт, 2011. – 356 с.
10. Вопросы и ответы по классификации деятельности в соответствии с общегосударственным классификатором Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 «Виды экономической деятельности» [Электронный ресурс] / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 10.12.2022.

Аннотация

Реализация возможностей цифрового маркетинга и веб-аналитики, а также такого нового уровня цифровой трансформации маркетинга, как MarTech(MarTech)-системы и решения, требует соответствующего кадрового обеспечения. В то же время проведенный авторами анализ специальностей, по которым ведется обучение в Республике Беларусь, указывает, что они не позволят подготовить специалистов в этих сферах в соответствии с современными потребностями экономики. Для решения выявленной проблемы в статье предложено открыть новую специальность и разработать основы ее введения. Сформулирован перечень учебных дисциплин, составляющих основу специальности «Цифровой маркетинг». Определены основные задачи профессиональной деятельности выпускника по специальности. Выделены объекты профессиональной деятельности специалиста. Оценена ежегодная потребность в специалистах. Выявлены должности, на которых сможет работать выпускник специальности, а также виды экономической деятельности, которыми будут заниматься специалисты. Обоснована возможность осуществления подготовки по предложенной специальности в БГУИР.

Abstract

The implementation of available marketing and web marketing opportunities, as well as such a new level of digital marketing as MarTech(MarTech)-systems and solutions, requires the necessary staffing analytics. At the same time, the authors' analysis of the specialties in which training is conducted in the Republic of Belarus indicates that they will not allow training specialists in these areas in accordance with the modern needs of the economy. To solve the identified problem, the article proposes the discovery of a new specialty and develops the foundations for its introduction. A list of academic disciplines that form the basis of the specialty «Digital Marketing» has been formulated. The main tasks of the professional activity of the graduate in the specialty are determined. The objects of the specialist's professional activity are singled out. The annual need for specialists was estimated. The possibility of training in the proposed specialty at BSUIR is substantiated.

Линейные и циклические концепции в трудах отечественных мыслителей и ученых XIX–XXI вв.

А. В. Худяков,

главный специалист, кандидат политических наук,
Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной
прокуратуры Республики Беларусь

Во все времена для исследователей процессы чередования и повторения разного рода состояний представляли особый интерес, являясь одним из условий успешного прогнозирования. При всей значимости прогнозирования процессов в политической сфере тема циклического и линейного развития общества не нашла должного отражения в трудах отечественных ученых. Устранению указанного пробела будут служить подходы к пониманию белорусскими мыслителями и учеными XIX–XXI вв. сущности повторяющихся процессов, взаимосвязи между различными линейными и нелинейными процессами в обществе. Цель статьи – исследовать положения линейных и нелинейных концепций, нашедших отражение в трудах отечественных мыслителей и ученых XIX–XXI вв., выявить и охарактеризовать основные факторы, оказавшие влияние на их формирование, определить их основное содержание.

В XIX в. на белорусские земли начинает проникать либеральная идеология. В периодических изданиях появились статьи, в том числе перепечатки зарубежных изданий, из которых читатели могли ознакомиться с содержанием учений Т. Мора, А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна, взглядами ученых на «новое» общество, порядок регулирования отношений между его представителями.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 10.03.2023.

Учение западных социалистов-утопистов захватило умы и отечественных мыслителей XIX в. Они не только стремились теоретически обосновать возможность построения идеального общества, как члены тайного «Общества филоматов», но и предприняли попытки реализовать свой замысел на практике – К. Калиновский.

А. Мицкевич не разделял революционно-демократические устремления, характерные для многих представителей современной ему интеллигенции и его коллег по «Обществу филоматов». Напротив, он стремился показать необходимость социальной гармонии, консолидации общества и решения проблем через просвещение и сглаживание противоречий. Данная позиция была сопряжена с идеализацией прошлого, в котором его привлекало господство простых нравственных норм, сближающих крестьянина и помещика, тогда как капитализм А. Мицкевич видел средством разобщения и духовного опустошения людей. Критически оценив существующую в обществе ситуацию, он смог предложить только отстранение от неприглядной действительности в пользу идеализированного, приукрашенного «золотого века» из прошлого.

В работе «Книги народа и паломничества польского» представлена социально-политическая концепция А. Мицкевича. Рассмотрение истории он начинает с древних времен, которые воспринимаются им как «золотой век» человечества. Вера в единого Бога и свобода являлись залогом счастливого социального бытия древних общностей. Безбожье привело к утрате свободы и подчинению одних людей другими. Европейская история – это история утраты свободы и христианских ценностей. Слияние Польши и Великого княжества Литовского А. Мицкевич рассматривал как пример будущего единения всех христианских народов на основе братства и единых религиозных ценностей. В своих утопических концепциях он отвел важное место славянским народам, полагая, что они быстрее придут к построению социалистического строя, чем западные страны. Эта позиция считалась своеобразным славянским утопизмом, но реальность показала, что в какой-то степени, когда речь шла о СССР, А. Мицкевич оказался прав.

Ф. Бохвиц, являясь сторонником идеи развития, стремился доказать наличие прогресса в философии, политике, истории, праве, науке и технике. Ответ на вопрос о детерминантах прогресса у него находился в сфере телеологии. Ученый рассматривал прогресс как нечто заданное свыше, как движение к своей цели. Подобный взгляд созвучен с рассуждениями немецкого философа Ф. Шеллинга, который в разделе «Три периода мировой истории» книги «Трансцендентальный идеализм как учение о свободе» исследовал закономерности в развитии природы и общества.

Прогресс Ф. Бохвиц рассматривал как сложный диалектический процесс, который включает в определенные моменты и регресс. В природе проявление прогресса заключается в закономерном и постепенном формировании условий для возникновения

разумной жизни, а в будущем он проявит себя и в обществе с установлением в нем социальной гармонии.

Как и большинство отечественных мыслителей, Ф. Бохвиц не принимал революционные идеи, видя в них главную причину дестабилизации общества. Он критически оценивал господствовавшие концепции циклического развития общества, хотя и не отрицал идею цикла, считал, что циклическое развитие необходимо рассматривать намного шире, а не как простое повторение. Цикл развития общества он видел как сложный (вложенный) процесс, который охватывал множество других.

Заметным явлением в интеллектуальной жизни середины XIX в. являлось творчество Э. Желиговского, автора «драматической фантазии» «Иордан»: «Взгляни на необъятную картину природы <...> на это бесконечное движение, не останавливающееся ни днем, ни ночью. Но нет ему ни конца, ни предела, ибо этот конец, этот предел – лишь новый вестник нового конца, нового предела. Картина видимого мира – это вечное движение, это постоянное превращение» [1, с. 136].

Понимание сущности прогресса у Э. Желиговского складывалось под влиянием диалектической идеи развития Г. Гегеля. Новое изначально включает в себя источник развития. Однако наступает момент, когда оно перестает быть двигателем и сдерживает прогресс, тогда с естественной необходимостью происходит его отрицание. В данном контексте он попытался проанализировать духовную историю человечества, начиная с Античности.

Я. Колас тему цикличности затронул в поэме «Новая земля». Произведение включает в себя представление человека о счастье, рае, «золотом веке». «Мир человека включен в глобальный круговорот, поэтому и действие поэмы фактически движется не только линейно, но и по кругу, где основные вехи – это праздники», – комментирует поэму Т. И. Шамякина [2, с. 127].

В 1920–1940-х гг. основные усилия отечественных ученых были сосредоточены на изучении истории материалистической философии, культурного наследия белорусского народа, основных этапов становления белорусской государственности до Октябрьской революции.

В 1925 г. С. З. Каценбоген в статье «К вопросу о закономерностях общественной жизни» в рамках экскурса в историю философии рассмотрел тему диалектического развития природы и общества. Ученый отметил вклад Дж. Вико, который первым представил историю как закономерный процесс развития, как развитие от низшего к высшему. При этом белорусский ученый отметил, что вводимый средневековым мыслителем принцип круговорота ограничивает марксистское понимание поступательного движения.

В 1935 г. С. Я. Вольфсон в монографии «Культура и идеология гнивающего капитализма» затронул, среди прочих вопросов, тему влияния экономического кризиса на развитие общества и изменений в связи с этим политических предпочтений населения западных стран. Он рассуждает об ущербности буржуазных

концепций прогресса и попыток с их помощью «приоткрыть завесу будущего», а также о влиянии кризиса на расширение сторонников ультраправых идей. «Все развитие кризиса дало новые непоколебимые доказательства тому, что капиталистическое хозяйство отживает свой век и должно уступить место социалистической системе», – пишет ученый [3, с. 3].

Значительный вклад в развитие циклических концепций в экономике внес выходец из Беларуси американский ученый С. Кузнец. Его идеи оказали значительное влияние на современную экономическую науку. В 1930 г. вышла в свет его работа «Вековые движения в производстве и ценах». На основании анализа богатого статистического материала ученый, вслед за российским исследователем Н. Кондратьевым, открыл еще одну циклическую динамику в сфере экономики. Если С. Кузнец называл эти волны «вторичными вековыми колебаниями», то другие исследователи – «циклом Кузнеца».

В 1950-е гг. среди белорусских ученых возрос интерес к философской мысли народов СССР как источнику героизма советских людей в Великой Отечественной войне. В 1958 г. И. Н. Луцицкий в книге «Очерки по истории общественно-политической мысли Беларуси во второй половине XIX века» впервые в отечественной научной мысли обратился к теме формирования мировоззрения представителя крестьянского утопического социализма К. Калиновского.

Истоки и философские концепции трех видных представителей утопического коммунизма – Ж. Мелье, Э.-Г. Морелли и Г. Мабли – рассмотрел белорусский ученый А. А. Бирало. Тема циклических процессов в жизни и мировоззрении древних народов была затронута в книге Н. М. Никольского «Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов».

В 1959 г. Г. Ф. Александров в книге «Очерк истории социальных идей в Древней Индии» творчески переосмыслил труды зарубежных коллег об интеллектуальном наследии народов, населявших полуостров Индостан. Не обошел ученый вниманием и тему цикличности, поднятую древнеиндийскими мыслителями. «Жизнь вселенной и общества находится в постоянном круговороте. Так вечно вращается в мире это колесо, не имеющее ни начала, ни конца, которое причиняет разрушение всему существующему», – пишет Г. Ф. Александров [4, с. 57]. Представление мыслителей Древней Индии о многогранности и стадийности изменений, происходящих в окружающем их мире, белорусский ученый изложил в комментариях к своду законов Ману.

В 1960-е гг. наиболее детально циклические и линейные концепции в рамках анализа закона отрицания отрицания рассмотрел М. А. Директоренко. В одной из глав диссертации он с опорой на труды классиков марксизма-ленинизма обосновал спиралеобразный характер развития общества. «Представьте себе всемирную историю, идущую гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно», – цитирует В. Ленина ученый [5, с. 12].

Несмотря на то что спиралеобразный характер развития предполагает и движение назад, М. А. Директоренко видит в этом положительный момент. «Несмотря на подобного рода отклонения от линии прогрессивного развития, поступательное развитие в конечном счете прокладывает себе дорогу. Развитие неуклонно идет вперед, от простого к сложному, от низшего к высшему», – отмечает ученый [5, с. 12].

Размышляя об общем направлении развития общества, наличии закономерностей, определяющих его характер и тенденции, ученый подверг жесткой критике научное наследие Дж. Вико и О. Шпенглера. «Реакционный смысл этой “теории кругооборотов” состоял в том, что если человечество не хочет возврата к дикости и варварству и хочет продлить период цивилизации, то незачем стремиться к уничтожению капитализма, а, наоборот, необходимо укреплять его» [5, с. 14].

Не обошел вниманием М. А. Директоренко и сторонников «теории регресса». «Один из адептов этого направления мракобес Фогт писал, что подобно свинье человечество катится по склону к варварскому существованию среди грязных развалин. Другие представители этой “теории” утверждают, что, согласно теории убывающего плодородия почвы, человечество должно прийти к вымиранию от голода» [5, с. 14]. В этих теориях он видел страх буржуазии за будущее капиталистической системы, идущей к своему неизбежному краху.

Книга Г. П. Давидюка «Критика теории “единого индустриального общества”» была первой работой, посвященной анализу одной из линейных концепций – «теории “индустриального общества”». Ученый подверг критике ее создателя Р. Арона, рассмотревшего процесс развития общества как переход от «традиционного» к «индустриальному», без применения марксистского формационного подхода. Сущность теории «единого индустриального общества» состоит «в отрицании коренных различий между социализмом и капитализмом, в стремлении доказать тождественность капиталистической и социалистической экономических систем. Из этого делаются далеко идущие выводы о перспективах развития общества», – пишет Г. П. Давидюк [6, с. 8].

В 1960-е гг. продолжилось исследование истории философской мысли Беларуси. Взгляды видных деятелей отечественной культуры XV–XIX вв. были обстоятельно освещены в рамках марксистско-ленинской концепции. Современные авторы раскрыли динамику и основные тенденции социального развития белорусского народа в условиях борьбы с экспансией католичества, политического и национального гнета.

Значительно дополнил знания по политической истории Беларуси коллективный труд «Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии». На основе оригинальных статей читатели получили возможность ознакомиться в том числе со взглядами на циклические процессы в природе и обществе Ф. Скорины, М. Смотрицкого, С. Полоцкого, И. Копиевича.

В 1970-е гг. вышла серия работ С. А. Подокшина, посвященных эпохе белорусского Возрождения. В его книге «Скорина и Будный» особый интерес вызывает

полемика о социальном прогрессе двух богословов – С. Будного и М. Чеховица: «Социальные представления Будного статичны, он лишен чувства историзма, и в целом ему чужда идея общественного развития. На его социальных взглядах лежит печать средневековой ограниченности» [7, с. 143]. Если С. Будный допускал только духовный прогресс, то его оппонент ратовал за социальный прогресс в обществе. В книге «Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы: вторая половина XVI – начало XVII века» С. А. Подокшин ознакомил читателей с утопическими взглядами таких протестантских богословов эпохи Реформации, как Петр Гонезия, Якуб из Калиновки и Павел из Визны.

Важной вехой формирования основ отечественной истории политической мысли является работа С. Ф. Сокола «Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во второй половине XVI века». Новизна исследования заключалась в обращении ученого к изучению политического наследия, которое формировалось на светской основе. В белорусской и советской науке данная тема не получила должного внимания. На конкретных примерах С. Ф. Сокол доказал, что светская политическая мысль Беларуси второй половины XVI в. достигла значительных результатов в своем развитии. Ученый не обошел вниманием линейную концепцию «золотого века», которую использовал М. Литвин для описания жизни татар в книге «О нравах татар, литовцев и москвитян».

В. М. Пузиков и Э. К. Дорошевич посвятили свои работы изучению отечественного философского наследия XVII–XVIII вв. В. М. Пузиков в статье, посвященной С. Полоцкому, важное место уделил его критическим высказываниям в адрес астрологии с ее циклическим миропониманием, получившей в эпоху Возрождения широкое распространение на белорусских землях. «Так, в стихотворении “Звезда” он говорит, что звезды не предопределяют судьбы человека и “не врождают” его воли, но имеют влияние на его “плоть” и в некоторой степени определяют его темперамент. Поэтому вину за деятельность людей, плохие поступки, зло, которое они совершают, нельзя возлагать на звезды», – отмечает В. М. Пузиков [8, с. 201].

Э. К. Дорошевич в книге «Философия эпохи Просвещения в Белоруссии» затронул тему наследия белорусских филоматов. Члены тайного общества основным препятствием на пути прогресса считали самодержавие и крепостничество. Историю человечества они рассматривали как закономерный процесс борьбы за прогресс и волю.

Общественная мысль Беларуси XIX в. явилась объектом научных исследований Н. Н. Мохнач. Она отметила, что в эпоху Нового времени вслед за качественными изменениями в социально-политической области произошли изменения и в сфере идей, где на первое место вышли идеи прогресса. «Прогресс человечества – вот тема, привлекающая внимание представителей разных идейных направлений. При этом прослеживаются две противостоящие друг другу трактовки: фундаментальная для буржуазной науки (эпохи

восходящего развития) идея прогресса как поступательного развития на основе естественных причин и точка зрения, отстаиваемая католической философией, где прогресс есть принцип христианства» [9, с. 136–137]. В рамках исследования данной темы Н. Н. Мохнач рассмотрела основные аспекты трудов наиболее значимых представителей этих течений: Ф. Бохвица, М. Грабовского, Г. Ржевусского, И. Пшецлавского.

В 1970-е гг. одним из направлений исследований ученых являлась критика антимарксистских концепций. Одной из них – теории «стадий» – посвящено исследование В. И. Бовша «Критика теории “стадий развития” общества». Интерес к книге «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» был продиктован стремлением западного ученого позиционировать свой труд в качестве альтернативы марксизму. «Коммунистический манифест был... теорией о том, как современная история развивалась до 1848 г. Стадии роста являются альтернативной теорией современной истории, охватывающей настоящее», – цитирует У. Росту белорусский ученый [10, с. 12].

В. И. Бовш показывает несоответствие содержания различных «стадийных» теорий эволюции марксистскому учению о классовой борьбе и общественно-экономических формациях. Большое место в его работе занимает анализ и критика заимствований У. Росту из циклической концепции А. Тойнби. «Пользуясь волюнтаристическими идеями А. Тойнби, У. Росту и его сторонники применяют разработанные средства маскировки идеализма и волюнтаризма – так называемые законы, являющиеся мистификациями подлинных законов развития общества», – отмечает белорусский философ [10, с. 13].

В. И. Бовш полагал ошибочным взгляд американского ученого на экономический рост как основу поступательного движения общества. «Принимая экономический рост в качестве центральной проблемы, мы будем вынуждены стать исследователями целых обществ из одной перспективы» [10, с. 347]. Белорусский ученый считал, что тем самым выхолащивается содержание понятия общественного развития – через связь производительных сил, производственных отношений и обусловленную ими идеологическую надстройку в их общем поступательном движении.

Мировой экономический кризис способствовал росту научного интереса к междисциплинарной «науке о будущем». Белорусские философы провели развернутый обобщающий анализ футурологии, в рамках которого затронули вопросы, касающиеся ее особенностей, предмета, взаимодействия с другими науками, отношения к научному предвидению.

Среди работ следует выделить книгу В. И. Бовша «Футурология в идеологической стратегии современного антикоммунизма. Социально-политический анализ». Истоки темы осмысления перехода в развитии буржуазного общества от прогресса к застою и наоборот автор увидел в эпохе Просвещения. В ходе первой «переоценки ценностей» произошел пересмотр философского и социально-политического наследия

главных идеологов буржуазии – А. Тюрго, М. Кондорсе, Ш. Монтескье, Г. Гегеля, Л. Фейербаха и др. С конца XIX в. «переоценка ценностей» нашла отражение в концепциях Г. Спенсера, О. Конта, Ф. Ницше, а позже – О. Шпенглера, П. Сорокина и А. Тойнби.

Изменение подходов к будущему белорусский ученый связал с пересмотром прогрессивных идеалов: если у мыслителей Просвещения будущее было ведущим понятием политической философии, то позже перестает быть позитивной ценностью. В. И. Бовш считал, что кризисы, разрыв с прогрессивными идеями и утрата оптимистического видения будущего привели буржуазное предвидение к субъективизму.

В 1980-е гг. академик Е. М. Бабосов на основе фактического материала исследовал природные, экологические и социальные катастрофы. Среди основных причин, способствующих их возникновению, он видел нарушение природной ритмики. При современном развитии науки ученый допустил способность людей учитывать природные и социальные факторы, которые воздействуют на ритмику Земли и ее биосферы.

Через призму социальной революции Е. М. Бабосов рассмотрел проблему социальной катастрофы. Основываясь на синергетическом подходе, ученый в книге «Катастрофы: социологический анализ» показал ее нелинейный характер развития и поливариантность, доказал возможность ее преодоления. События 1986 г. на Чернобыльской АЭС он рассматривал как крупнейшую техногенную и социальную катастрофу. Е. М. Бабосов не только затронул нерешенные проблемы в зоне аварии, но и предложил рекомендации по минимизации последствий.

С 1990-х гг. линейные и нелинейные процессы начинают рассматриваться не только в рамках философских и исторических, но и политических наук, в первую очередь в диссертационных исследованиях.

В. А. Мельник в работе «Государственная идеология Республики Беларусь: теоретико-методологические аспекты» затронул тему утопии как одной из линейных концепций «золотого века», основанной на учении Ж. Бодена. Он пришел к выводу, что положения К. Манхейма, изложенные в монографии «Диагноз нашего времени», о сущности «политической утопии» не стали господствующими в современном обществе. В. А. Мельник считает, что в настоящее время распространенным является понимание утопий как неосуществимых, по крайней мере, на данном этапе, проектов общественных преобразований. От элементов утопичности в указанном смысле этого понятия не застрахована ни одна идеологическая конструкция как прошлого, так и настоящего.

В. В. Бузык в работе «Социальные и политические преобразования в Беларуси в постсоветский период: социолого-политологический анализ» при рассмотрении теоретических и методологических основ политических преобразований 1990-х гг. в Беларуси обратился к творческому наследию мыслителей прошлого. Основываясь в том числе и на трудах авторов линейных и циклических концепций, он осмыс-

лил ключевые закономерности в развитии общества и предложил модель анализа социально-политических изменений. Работа В. В. Бушика является первой в белорусской политической науке, где детально рассмотрена одна из ключевых нелинейных концепций – культурно-историческая.

Т. С. Решетникова в работе «Функциональный подход в политической науке: методология и аналитический инструментарий» исследовала один из ведущих методологических подходов – функциональный, рассмотрела функционализм как методологический и аналитический инструментарий, способствующий выявлению проблем и последствий проводимой политикой. Автор полагает, что функциональный подход позволяет рационально оценить результаты и последствия общественной политики после завершения политического цикла. В политическом цикле Т. С. Решетникова выделила стадии формирования проблемы, ее выхода на политическую повестку, принятия политических решений, реализации и оценки политики. Она отметила, что политические циклы в Беларуси соотносятся с этапами формирования и реализации основных направлений социально-экономического развития страны, определяемых Всебелорусским народным собранием.

И. С. Симановский на основе трудов ученых Нового и Новейшего времени в работе «Методология политического прогнозирования в современной политической науке» детально рассмотрел основные положения теории цивилизационных волн и циклов, оценив их прогностический потенциал. Политолог отметил прогностический потенциал циклически-волновых моделей, особенно когда речь идет о прогнозировании критических, переломных точек в развитии международной политической системы или отдельных политиков.

В пособии «Политический анализ и его технологии в политическом управлении и медиасфере» В. И. Чуешова политический анализ рассмотрен в том числе как циклический процесс. Коллективом авторов рассмотрены технология и отдельные аспекты применения политического анализа для исследования процессов, происходящих в интернет-сообществе, в рамках электоральных кампаний и в ходе «цветных революций».

С. Н. Князев в работе «Основы информационно-аналитической деятельности» обращает внимание на то, что в силу сложности и многогранности исследуемых объектов в аналитическом процессе используется не отдельная, а целостная система рациональных и экспертных методов и процедур, которые дополняют друг друга в процедурно-функциональном отношении. Общим для них является то, что они как отдельные фазы

входят в информационно-аналитический цикл. Его реализация делает возможным исследование конкретных политических событий и ситуаций, создание предположений по их возможному развитию.

Таким образом, для белорусской мысли XIX – начала XXI в. характерно разнообразие подходов, описывающих линейные и нелинейные процессы, происходящие в обществе. На их формирование оказали влияние социально-утопические идеи, основанные на равенстве людей с позиций христианства, развитие марксистско-ленинского учения, ограничившего возможности в изучении политических процессов в обществе, методологический плюрализм.

Линейные и нелинейные процессы, происходящие в том числе и в белорусском обществе, как отдельный объект исследования не получили широкого распространения в отечественной научной мысли. Длительное время они рассматривались в философских науках в рамках научной критики антимарксизма и изучения истоков государственности и культурного наследия белорусского народа. И только на рубеже XX–XXI вв. отдельные аспекты циклических процессов начали изучаться в рамках политической науки.

Список использованных источников

1. Идеи материализма и диалектики в Белоруссии / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1980. – 343 с.
2. Шамякіна, Т. І. Беларуская класічная літаратурная традыцыя і міфалогія: дыс. ... д-ра філал. навук: 10.01.01; 10.01.08 / Т. І. Шамякіна. – Мінск, 2001. – 234 л.
3. Вольфсон, С. Я. Культура и идеология загнивающего капитализма / С. Я. Вольфсон. – М.: Соцэкгиз, 1935. – 222 с.
4. Александров, Г. Ф. Очерк истории социальных идей в древней Индии / Г. Ф. Александров. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1959. – 159 с.
5. Директоренко, М. А. Закон отрицания отрицания: лекция для студентов / М. А. Директоренко. – Горки: [б. и.], 1958. – 16 с.
6. Давидюк, Г. П. Критика теории «единого индустриального общества» / Г. П. Давидюк. – Минск: Наука и техника, 1968. – 229 с.
7. Подокшин, С. А. Скорина и Будный / С. А. Подокшин. – Минск: Наука и техника, 1974. – 176 с.
8. Пузиков, В. М. Симеон Полоцкий / В. М. Пузиков // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: избранные произведения XVI – начала XIX в. / Акад. наук БССР, Ин-т философии. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1962. – С. 183–203.
9. Мохнач, Н. Н. От Просвещения к революционному демократизму / Н. Н. Мохнач. – Минск: Наука и техника, 1976. – 182 с.
10. Бовш, В. И. Критика теории «стадий развития» общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук / В. И. Бовш; Акад. наук БССР. – Минск, 1965. – 231 с.

Анотацыя

В статье рассматривается творческое наследие белорусских мыслителей и ученых А. Мицкевича, Ф. Бохвица, С. Каценбогена, С. Сокола, И. Лушицкого, В. Бовша, Е. Бабосова, В. Мельника, В. Бушика, С. Князева, В. Чуешова, Т. Решетниковой, которые в рамках линейных и циклических концепций стремились объяснить явления, происходящие в природе и обществе.

Abstract

The article examines the creative heritage of Belarusian thinkers and scientists A. Mickiewicz, F. Bokhwitz, S. Katsenbogen, S. Sokol, I. Lushchitsky, V. Bovsh, E. Babosov, V. Melnik, V. Bushik, S. Knyazev, V. Chueshov, T. Reshetnikova who, within the framework of linear and cyclic concepts, sought to explain the phenomena occurring in nature and society.

«Цифровое» — это форма, которая думает

И. П. Салтанович,

доцент кафедры истории и социальных наук,
кандидат социологических наук, доцент,
Минский государственный лингвистический
университет

Цифровая трансформация рождает цифровой мир, параллельный реальному, еще более расширяя человеческое когнитивное пространство, изменяя образ мышления и поведение людей. Однако виртуальность и «внетерриториальность» людей и вещей в цифровом мире действительно требуют оптимизации способности общества участвовать в цифровом преобразовании и управлении, расширяя цифровые возможности социума (социокультурный аспект) так же масштабно, как прилагаемые значительные усилия для создания цифровой инфраструктуры.

В то время как общество активно осваивает цифровую трансформацию, цифровизация является лишь средством и инструментом, а не целью. Формируется новая форма развития, которая основана на информационных технологиях нового поколения, полностью интегрирует их в процесс экономического, политического, культурного, социального и экологического строительства, привнося новые факторы производства, базовую инфраструктуру, новую концепцию развития.

Под термином «цифровое общество» понимается совокупность людей, живущих вместе в определенной социальной, политической и экономической структуре, которая существенно и всесторонне формируется конкретными условиями цифровой информационной эпохи [1, с. 40].

Основным элементом цифрового общества является информация, а основной единицей информации является не атом, а бит. Информация виртуальна по

форме, но реальна по функциям. Мир, порожденный информационным потоком, изменил представления о времени и пространстве в реально существующем обществе, открыл прошлому и будущему во временном измерении, а реальности и миру – в пространственном. Цифровое время и пространство кажутся бесконечно сгущенными, физическое расстояние исчезает в киберпространстве, а прошлое, настоящее и будущее могут быть заранее заданы в одной и той же информации и взаимодействовать друг с другом.

Предполагается, что с наложением «физического пространства» на «кодовое» способность «умных» объектов получать и обрабатывать данные сильно изменит отношение людей к физическому миру. Но как сказал М. Маклюэн: «Мы создали инструменты, а затем инструменты сформировали нас» [2]. В то время как информационные технологии принесли удобство в производство и жизнь людей, данные и информация стали неотъемлемой частью каждого человека.

С помощью всестороннего анализа цифровой среды люди не только расширили свои горизонты понимания мира, но и высвободили огромную рыночную и экономическую энергию за счет глубокой интеграции цифровых технологий и промышленных инноваций. Цифровые технологии изменили не только образ жизни людей, но и их привычки, тип мышления, модель развития и мотивацию общества.

В русскоязычном научном сегменте фундаментальных обобщающих работ по цифровой цивилизации немного. Следует отметить тематический выпуск «Цифровая культура» международного журнала исследований культуры Российской Федерации, работы «Виртуальные сообщества: “сетевая” идентичность и развитие личности в сетевых пространствах» О. Н. Астафьевой, «Цифровая культура или культура в цифровую эпоху?» Н. Л. Соколовой, «Цифровое общество и технологии в Беларуси: социологический анализ» В. А. Рубанова, работы Ю. М. Лотмана, М. К. Горшкова, О. И. Карпухина, Р. Б. Григянец. О возрастании динамичности социума, осваивающего цифровые технологии, когда происходит стремительное расширение и «номадизация» социальной среды как проявление «цифрового кочевничества», пишет Е. И. Ярославцева.

Несомненный интерес на данном этапе изучения цифрового общества и культуры представляют: Ч. Гир, автор одной из первых книг о цифровой культуре, изобретатель термина «виртуальная реальность», основатель одной из первых VR-компаний; М. Шварц, утверждающий, что при погружении технических средств в повседневную жизнь «не существует чисто “социальных” явлений; вся человеческая деятельность предполагает некоторую степень технической интеграции»; М. Кастельс, испанский социолог-постмарксист, теоретик информационного общества, автор работы «Возникновение сетевого общества»; канадский ученый, философ, историк, культуролог М. Маклюэн.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 30.03.2023.

Интересен взгляд А. Ачерби в его книге «Культурная эволюция в цифровую эпоху», где описываются некоторые аспекты человеческого опыта, преобразованные в результате коммуникативной революции. М. Доуз – ученый из Амстердамского университета – стремился дать предварительное определение цифровой культуре в своей статье «Participation, Remediation, Bricolage: Considering Principal Components of a Digital Culture».

В рамках рассматриваемых проблем большой интерес вызывают последние работы К. Цукьера и В. Майер-Шенбергера «Восстание больших данных», К. О'Нила и Р. Шутта «Занимаюсь наукой о данных», А. Хинца «Цифровое гражданство в информационном обществе» и М. Мура «Превращение личности в данные», а также работа Л. Флориды, направленная на усложнение теоретической основы изучаемого объекта, представленная в «Манифесте онлайн-жизни».

С начала XXI в. данные стали новым ресурсом и новым активом, способствующим социальному и экономическому росту, и важным содержанием стратегической конкуренции между крупными державами. Ведь будущее преобразовывающегося мира – это не только современная базовая единица, демонстрирующая общее процветание, но и крупное социальное пространство для многосценной реализации цифрового общества.

Развитие информационного общества в Республике Беларусь является официально признанным национальным приоритетом и обеспечивается наличием развитого человеческого капитала, высокого научного потенциала, функционирующей системы государственной поддержки разработки ИКТ [3, с. 205]. Построение цифровой Беларуси, развитие цифровой экономики и продвижение цифровой трансформации всех сфер жизни стали стратегией встраивания в новую эпоху. Следовательно, понимание сути цифровых преобразований просто необходимо [3, с. 9].

Оцифровка реального мира

«Цифра» формирует наше восприятие мира и самих себя через числа. Люди давно используют числа для описания мира. Мир превращает все в данные с тех пор, как когнитивное развитие человека достигло уровня способности считать, писать и читать. Процесс «обработки данных» ведет свое начало примерно с третьего тысячелетия до нашей эры в Египте и Месопотамии. Данные, записанные в письменной форме, давали человеку, говоря современным языком, возможности для воспроизведения и инноваций.

Современная наука, зародившаяся в Древней Греции, предполагает регулярность Вселенной, и эта идея связана с пифагорейским взглядом на Вселенную, согласно которому «все есть число». «Все познаваемое имеет числа, ибо без чисел ничего нельзя ни представить, ни понять». Пифагорейская гипотеза о том, что числа воспроизводят вещи, частично подтвердилась в эпоху цифровых технологий [4].

Концепция оцифровки возникла в 1950-х гг. Слова «цифровой» и «оцифровка» в английском языке происходят от лат. *digitus* – «палец, перст» и англ. *digit* – матем. «цифра», что относится к процессу преобразования объекта, изображения, звука, текста или сигнала в файл в цифровом формате. Эта технология привела к огромным социальным изменениям. Если ранняя цифровизация была сосредоточена только на физическом уровне, то с помощью двоичных кодов данные и знания вводились в компьютер для формирования идентифицируемых, сохраняемых и вычисляемых цифровых данных, а затем устанавливались соответствующие модели для обработки и анализа.

Еще в 1995 г. Н. Негропonte предвидел, что в современном обществе, построенном на основе информационных технологий, методы производства людей, образ жизни, способы коммуникации, мышления, поведение приобретут новый облик, т. е. оцифруются [5]. Сегодня с помощью Интернета, больших данных, искусственного интеллекта, Интернета вещей, облачных вычислений и других технологий интегрированные инновации и комплексное применение цифровых технологий протянули свои «щупальца» на всю экономическую и социальную систему.

Согласно отчету Global Digital за 2023 г., 64,4 % мирового населения имеет доступ в Интернет. За год количество выросло на 1,9 %. На начало 2023 г. соцсети насчитывали 4,76 млрд пользователей (это почти 60 % от мирового населения), 5,44 млрд человек пользуются мобильными телефонами (или 68 % от общей численности) [6]. Это подтверждается результатами исследования и в Беларуси, демонстрирующими, что окном в Интернет для 94,6 % молодых людей являются цифровые мобильные устройства [7, с. 8].

Мир постепенно осуществляет оцифровку всей социальной системы, системы управления, включая все более возрастающий охват персонально каждого человека, который может быть представлен набором данных. Общество или страна могут быть описаны в Digital data (цифровые данные), так же как и идентичность людей и вещей предстает в виде оцифровки – данные становятся основой для соединения всех «объектов». В экономической жизни данные стали новым фактором производительности в дополнение к природным элементам и искусственным объектам, начав именоваться в промышленности «цифровой нефтью» и «цифровой энергией». Для производства знаний данные стали онтологией нашего понимания мира и новым источником знаний. Из-за этого страны во всем мире работают над созданием и преобразованием инфраструктуры, связанной с цифровыми технологиями.

Датафикация – современный технологический тренд, раскрывающий превращение многих аспектов нашей жизни в данные [8; 9], которые впоследствии преобразуются в информацию, существующую и реализуемую как новая форма ценности. [10]. К. Цукьер

и В. Майер-Шенбергер ввели термин «датафикация» в более широкий лексикон в 2013 г.

Датафикация – это не то же самое, что оцифровка, которая берет аналоговый контент – книги, фильмы, фотографии – и преобразует его в цифровую информацию, последовательность нулей и единиц, которую могут прочитать компьютеры. Это более широкое понятие: взятие всех аспектов жизни и превращение их в данные <...> Как только мы datafy (переведем в данные) вещи, мы сможем преобразовать их назначение и превратить информацию в новые формы ценности [9].

Следовательно, основная особенность «цифры» заключается в оцифровке и датафикации информации. Биты отличаются от атомов тем, что передаются по сети и не зависят от реального физического пространства, при этом более критично то, что биты можно вычислить. Фраза «Вычисления больше не связаны только с компьютерами, они определяют наше выживание» подчеркивает прозорливость Н. Негропонта и современное состояние цифрового общества [5].

Датафикация (числовой формат явления) реализовала приобретение и накопление ресурсов данных, сеть реализовала циркуляцию и агрегацию ресурсов данных, а интеллект реализовал конфигурацию и интеграцию ресурсов данных, которые стали двигаться к конечной цели – «цифровизации всего». «Социальная цифровизация» образует дуальную структуру физического мира – цифрового мира, реальной жизни – виртуальной жизни, физического пространства – электронного пространства, которые взаимодействуют, встраиваются и формируют друг друга, делая «цифровое общество» относительно устойчивым единым понятием.

Причиной датафикации в первую очередь является возможность количественной оценки нашего мира, делая его измеримым. В поиске чего-то неизвестного мы стараемся найти данные, определяем это количественно, чтобы помочь математическому инструментарию узнать все обстоятельно и получить новое представление об искомом. Можно привести бесчисленное количество примеров из истории, когда что-то стало измеряемым: температура, расстояния, территории. Примером нынешних измерений может быть Facebook или Google, которые выходят далеко за рамки перечисленных примеров.

Современные цифровые технологии становятся все более умными и персонализированными. Взаимодействие почти любого человеческого опыта опосредовано сложной оболочкой, связанной с большими данными. Эта оболочка предоставляет человеку контекстно-ориентированную информацию, которая подготовлена исключительно для этого человека и необходима для принятия самых разных решений.

С цифровыми характеристиками к новой идентичности

Пожалуй, самые важные метаморфозы в социуме связаны с заменой традиционной концепции челове-

ка как отдельной сущности новым онтологическим самовосприятием человека как информационного организма, взаимосвязанного со всем миром. «Первые исторические шаги информационных обществ характеризуются преобладанием идентичности как организующего принципа. Под идентичностью понимается процесс, через который социальный актор узнает себя и конструирует смыслы, главным образом на основе данного культурного свойства или совокупности свойств, исключая более широкую соотнесенность с другими социальными структурами» [11, с. 29]. Что касается отдельных людей, то они приобрели новую идентичность – цифровую.

Многие социологические и социально-психологические подходы предполагают, что социальный характер человека возникает и формируется в соответствии с разнообразием социальных отношений, которые у него есть. Цифровые идентификаторы, которые отличаются от личности индивида, трансформируются в дискурсивные индикаторы, отрываясь от реального времени и пространства, а также усиливают друг друга демонстрацией, присущей цифровому миру. В некотором смысле цифровые технологии объединяют людей и устройства, чтобы сформировать уникальное «цифровое присутствие», предоставляя еще одно пространство для самовыражения.

В цифровом пространстве формирование человеческих социальных отношений, поддержание личного достоинства и реализация самооценности описываются, выражаются и конструируются посредством информации, данных и кодов. Так формируется онлайн-идентичность – набор фактов, т. е. данных, которые могут представлять мир человека [12, с. 234–237]. При этом каждый веб-сайт, с которым взаимодействует человек, имеет свое собственное представление о его идентичности, потому что всевозможные посещаемые им площадки видят его характеристики по-разному. Порой кажется, что ваши данные знают о вас больше, чем вы сами.

Когда люди входят в виртуальное пространство для выполнения различных социальных действий, подобно тому, как Э. Гидденс использовал термин «детерриторизация» для описания замены сельскохозяйственного общества обществом индустриальным, цифровое выживание делает жизнь людей более не привязанной не только к земле, но и к физическому пространственному полю, границам регионов, «клановым порогам». Форма существования людей в этом виртуальном социуме, городах-государствах выдвигает на первый план совершенно новый «цифровой атрибут».

В некоторых работах цифровая идентичность трактуется как «цифровой гражданин». Согласно определению, данному К. Моссбергер, одним из авторов книги «Цифровое гражданство: Интернет, общество и участие», цифровые граждане – это «те, кто регулярно и эффективно использует Интернет». В этом смысле цифровой гражданин – это человек, использующий

информационные технологии для участия в жизни общества, политике и управлении [13].

Человек может иметь несколько идентичностей: социальную, биологическую, информационную, поведенческую, психологическую. Эти типы идентификационной информации в большинстве случаев являются личными. Если другим людям необходимо получить «инфу», им следует заручиться согласием самого человека.

Однако в цифровом пространстве большая часть этого «портрета» выстраивается цифровыми технологиями. Цифровая идентификация относится к набору кодов, используемых для описания и аутентификации человека. С ее помощью люди могут доказать, что «я – это я, а вы – это вы» в цифровом мире, т. е. персонализироваться в электронной среде. Этим цифровой идентификация отличается от электронной, даже если в некоторых случаях эти две концепции могут совпадать.

Онлайн-продвижение и презентация также основаны на личной цифровой идентичности: предлагается делать выводы и анализировать чьи-либо поведенческие предпочтения, даже род занятий и рабочее место на основе поведенческих следов, привычек, выявляемых при онлайн-просмотре.

Facebook и Google могут превращать наше поведение в данные, извлекая их из онлайн-пространства. Социальная сеть становится все более прозрачной, а человеческие отношения – все более управляемыми данными. Социальные сети вышли за рамки цифровой социализации и стали витриной цифровой идентичности. Оцифровывая, «датафицируя» человеческие отношения, мы позволяем математике и психологии «пожениться». Данные в персонализированном виде рождаются в результате «брака» этих двух наук. С появлением социальных сетей наши эмоции в виде цифровых данных могут подвергаться эмоциональному анализу.

Личные эмоции принадлежат частной сфере людей. Защита этой сферы означает защиту человеческого достоинства и свободы. Однако в цифровом мире приватности почти нет. В эпоху Интернета, пока вы находитесь в сети, то входите в публичный доступ, что отчасти продиктовано логикой онлайн-мира.

После того как личная информация оцифрована и преобразована в социальную память, ее положительный или отрицательный эффект еще не известен. Человек – забывчивое существо. Человеческая забывчивость – это норма, но в искусственных объектах информация, как правило, сохраняется навсегда. Сегодня мы можем понять уровень цивилизованности наших предков, а «датировки поколений» и «датировки происхождения» чаще опираются на «память» предметов. Хотя забывание и является недостатком человека, оно также является необходимой предпосылкой для его движения вперед.

Сосуществование «биологического» и «информационного» человека наступило в цифровую эпо-

ху, а форма человеческого существования приобрела новую цифровую идентификацию. Этот атрибут исходит из цифрового прогресса социальной деятельности человека.

***

Под влиянием информационной революции расширение понятия «общество» претерпело серьезные изменения. Общение людей в цифровом обществе больше не похоже на круг знакомых в сельскохозяйственную эпоху или толпу незнакомцев в индустриальную, где ограничение физическим пространством, производство и образ жизни «размыло» цифровизацией.

Современный мир фокусируется на преобразовании информации. В конце 1980-х гг. менее 1 % хранимой технологическим способом информации в мире было в цифровом формате, а к 2012 г. этот показатель превысил 99 %. Каждые 2,5–3 года человечество производит и хранит (сейчас это становится большой проблемой) больше информации, чем с момента зарождения цивилизации. Нынешний век фокусируется на алгоритмах, которые автоматизируют преобразование данных в практические знания.

При непрерывном создании, хранении, передаче и совместном использовании больших данных в киберпространстве различные элементы ресурсов интегрируются в определенные платформы и поля, что значительно повышает эффективность их распределения. Данные стали совершенно новым фактором производства. Они не только экологичны и безвредны для окружающей среды, но и обладают замечательными инновационными функциями: помогают укреплять онлайн- и офлайн-коммуникации, способствуют эффективной связи людей и вещей в разных регионах, пространствах и границах, осознанию взаимосвязи всего сущего, делают производство более гибким и разнообразным, а использование ресурсов – более экономичным и эффективным.

Поскольку цифровые инструменты проникают практически во все аспекты нашей жизни, мы связаны через устройства, которые постоянно передают данные, которые собираются, анализируются и возвращаются нам в обработанной форме. Предлагаемая цифровая идентификация не является новой концепцией, а емко высвечивает то, что «датафицированное» существование людей стало объективным фактом. После «оцифровки» общество приобретает «цифровые атрибуты», образуя относительно устойчивые понятия, такие как «информационный человек», «умное общество» и «цифровая экономика».

Какова же связь между новым типом «цифрового общества» и этими процессами? Человеческая деятельность регистрируется и связывается (преднамеренно или нет) с помощью все большего количества устройств информационных технологий. Это предвещает новую логику развития технологического общества или продолжающуюся его рационализацию?

По мере того, как скорость производства и обмена информацией продолжает увеличиваться, рождаются ли новые социальные отношения? Чтобы ответить на эти вопросы, следует воспринять и понять новую эру быстрого потока информации и далеко идущих связей, которую необходимо мгновенно просчитывать, регистрировать, емко сохранять и прогнозировать.

Но не следует забывать и критическое отношение к «возвышению» значения цифр в современном мире, когда данные и алгоритмы вместе с капиталом стали в определенной степени доминировать над человеческой жизнью, бессознательно ставя людей и общество перед «алгоритмической дилеммой». Мы должны учитывать, что, хотя данные могут быть зеркальным отражением реального мира, они абстрактны, а реальный мир богат и красочен. Люди, стоящие за данными, – живые, и оцифровка должна иметь «осязаемую температуру».

Вопросы, которые ставит перед нами оцифрованный социум, чрезвычайно широкоохватны и многоаспектны. В рамках данной статьи можно сформулировать следующее проблемное поле, требующее дальнейшего исследования:

- создание и защита пространства для свободных и творческих мыслей в цифровом мире;
- определение свободы и творчества, когда алгоритмы изучают и используют наши модели общения;
- решение вопросов ответственности, доверия и прозрачности;
- разработка правовых и этических стандартов, которые помогут справиться с этими проблемами.

Производство любых данных неотделимо от людей, это результат коллективного сотрудничества. Цифровизация предоставляет новые инструменты для социального и глобального управления. В итоге рождается настоящая «семиология» Интернета и социальных сетей, данных и социально-культурных процессов в обществе, т. е. формула ««цифровое» – это форма, которая думает», становится все более органичной.

Аннотация

Статья раскрывает некоторые основные трансформации в человеческом опыте и социальной культуре, происходящие в «цифровом» мире. В ней рассматриваются два взаимосвязанных понятия – цифровое общество и цифровая идентичность с позиции чисел и производных от них данных через определение датафикации. Основываясь на признании того, что данные представляют собой набор фактов или представлений о современном мире, цифровая трансформация рождает особенности и двойные эффекты цифрового мира. Описывается формирование онлайн-идентичности, выраженной и конструируемой посредством информации, данных и кодов. Превращая объекты, содержащие определенную информацию, в цифровую форму, с помощью технологий социум управляет массивами данных, обменом знаниями и различными аспектами культуры как информационной оболочкой.

Abstract

This article reveals some of the major transformations in human experience and social culture occurring in the “digital” world. The article dwells upon two interrelated concepts – digital society and digital identity – from the perspective of numbers and data derived from them through the definition of datafication. Within the article data are a set of facts or perceptions of the modern world. As a consequence, digital transformation leads to the peculiarities and double effects of the digital world. The shaping of an online identity constructed through information, data, and codes is described. With the help of technology, society manages data arrays, transforming them into an information shell.

Список использованных источников

1. *Lengsfeld, J.* Digital Era Framework / J. Lengsfeld. – Bad Waldsee, Deutschland, 2019. – 306 p.
2. *Маклюэн, М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М.: Жуковский: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле. – 2003. – 464 с.
3. Цифровая трансформация. Основные понятия и терминология: сб. ст. / редкол.: А. В. Тузиков (пред.) [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Объед. ин-т проблем информатики. – Минск: Беларус. навука, 2020. – 267 с.
4. *Everett, C.* Numbers and the Making of Us: Counting and the Course of Human / C. Everett. – Cambridge: Harvard University Press. – 2017. – 312 p.
5. *Negroponte, N.* Being Digital / N. Negroponte. – Vintage Books, 1996. – 272 p.
6. Интернет и соцсети в начале 2023 года – главные цифры Global Digital 2023 [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/596126-internet-i-socseti-v-nachale-2023-goda-glavnye-cifry-global-digital-2023>. – Дата доступа: 22.01.2023.
7. *Донских, С. В.* Между «Галактикой Интернет» и региональными границами: опыт анализа виртуальных практик белорусской молодежи / С. В. Донских // Современная молодежь и общество: сб. науч. ст. – 2021. – Вып. 9. – С. 8.
8. *Newell, S.* Strategic Opportunities (and Challenges) of Algorithmic Decision-making: A Call for Action on the Long-term Societal Effects of “Datification” / S. Newell, M. Marabelli // Journal of Strategic Information Systems. – 2015. – 24(1). – P. 3–14. – DOI:10.1016/j.jsis.2015.02.001.
9. *Cukier, K.* The Rise of Big Data: How It’s Changing the Way We Think about the World / K. Cukier, V. Mayer-Schönberger // Foreign Affairs. – 2014. – 92. – P. 28–41. – DOI:10.1515/9781400865307-003
10. *O’Neil, C.* Doing Data Science: Straight Talk from the Frontline / C. O’Neil, R. Schutt. – O’Reilly Media. – 2013. – 408 p.
11. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ. – 2000. – 608 с.
12. *Darity Jr., W. A.* International Encyclopedia of the Social Sciences / W. A. Darity Jr. . – Detroit, Michigan: Macmillan Reference. – 2008. – 1. – 565 p.
13. *Mossberger, K.* Digital Citizenship: the Internet, Society, and Participation / K. Mossberger, C. J. Tolbert, R. S. McNeal. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2008. – 240 p.

Историография становления и развития государственной молодежной политики в Беларуси в советский период (1919–1991 гг.)

А. Э. Беляков,
аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси,
Республиканский институт высшей школы

Реализация молодежной политики на всех этапах исторического развития Беларуси являлась важнейшим направлением государственной политики. На протяжении всего рассматриваемого периода – с конца 1910-х гг. и вплоть до обретения независимости в 1991 г. – она была и остается ключевой составляющей политики государства в отношении молодежи.

Тема реализации государственной молодежной политики в отечественной историографии представлена достаточно широко. Вместе с тем для многих работ характерна ограниченность рассматриваемого временного промежутка, что не позволяет в полной мере проследить динамику развития молодежной политики на протяжении всего периода становления и развития государственности Советской Беларуси. Наряду с этим для каждого исторического этапа характерны определенные особенности, связанные с конкретными событиями, происходившими на территории одной из республик в составе СССР. В этой связи, изучив ряд исторических источников и исследований по указанной тематике, рассматриваемый период истории можно разделить на несколько исторических этапов.

1919–1941 гг. Этот временной отрезок характеризуется процессами зарождения и становления молодежной политики в белорусской республике. Появляется большое количество молодежных общественных движений, молодое советское государство проводит новый курс, в том числе в отношении молодежи.

1941–1945 гг. Годы Великой Отечественной войны, которые неразрывно связаны с активным вовлечением молодежи в комплекс мероприятий, направленных на борьбу с врагом. Молодежь была активно задействована в рядах Советской армии, подпольно-диверсионной деятельности, военном производстве. В этот период белорусский народ потерял сотни тысяч юношей и девушек. Вместе с тем Победа в Великой Отечественной войне стала героической вехой в дальнейшем развитии всего советского общества и государства, явилась примером эффективной политики государства по отношению к молодежи, которая продемонстрировала в военные годы свои лучшие качества.

1945–1985 гг. Этап послевоенного восстановления народного хозяйства. В это время происходит дальнейшее укрепление комсомола как главного субъекта государственной молодежной политики, усиливается его роль в социально-экономическом развитии общества и государства, растет количество членов молодежной организации, совершенствуется процесс институализации коммунистического союза молодежи. Вплоть до середины 1980-х гг. Коммунистическая партия Беларуси в качестве основного инструмента реализации государственной молодежной политики в Беларуси рассматривала комсомол.

1985–1991 гг. Этап существенных изменений в государственной политике Советского Союза, который вошел в историю как «период перестройки» и затронул все сферы жизни общества, в том числе и сферу молодежной политики. Реализуются новые формы и методы молодежной политики, появляются альтернативные молодежные движения, в том числе неформальные. Роль комсомола как основного субъекта молодежной политики стремительно снижается.

Указанный период можно назвать периодом «фрустрации» или крушения надежд.

Рассмотрев особенности каждого этапа исследуемого исторического периода, перейдем к научным исследованиям по тематике молодежной политики.

Первые публикации, освещающие государственную политику в отношении молодежи, появляются во второй половине 1920-х гг. «Они написаны по горячим следам событий, передают атмосферу тех лет, содержат значительный фактический материал» [1, с. 32], представляющий для исследователей несомненный интерес.

Ряд вопросов и проблем раннего строительства молодого советского государства поднимались руководителями партии и лидерами молодежного движения на заседаниях руководящих органов Коммунистического союза молодежи Беларуси [2]. Неслучайно авторами первых публикаций по вопросам истории комсомола, проблемам развития молодежного движения, а также задачам, стоящим перед молодежными организациями, являлись преимущественно партийные и молодежные деятели того времени [3, с. 5–6].

Л. А. Шацкин, будучи одним из руководителей ЦК ВЛКСМ и КИМ, подготовил несколько работ по истории юношеского движения, теории, истории и практике комсомола, международному молодежному движению [4, с. 12].

Некоторые сведения, характеризующие политику в отношении молодежи, можно найти в материалах А. А. Сенкевича, М. Р. Пантюхова, А. В. Косарева, В. Ю. Жебровского, Л. Б. Герцовича, Е. Балакина, З. Давидович, М. Платова, З. С. Поворотного.

Спектр вопросов, характерных для изданий 1920-х – начала 1930-х гг., отражающих молодежную тематику, неизменно созвучен с социалистическими преобразованиями, а также задачами, стоящими в основном перед комсомолом Беларуси как основным посредником между государственной властью и молодежью в контексте построения нового общества.

Следует отметить, что большинство публикаций, относящихся к указанному периоду, носят явно пропагандистский характер и направлены скорее на констатацию определенных явлений и постановку конкретных задач, практически исключая глубоким анализ процессов, проявляющихся в молодежной среде. Так или иначе основным объектом исследований является комсомольское молодежное движение.

Некоторые исторические работы по молодежному движению подстраивались под теорию научного коммунизма, что приводило к односторонней трактовке событий, не позволявшей объективно анализировать реальную историческую ситуацию. При этом, как правило, молодежная проблематика исследовалась не в плане самостоятельного исторического процесса, а исключительно как часть истории коммуни-

стической партии, причем с позиции самих представителей партии. Некоммунистические молодежные движения определялись как однозначно чужеродная альтернатива [1, с. 32].

С начала 1930-х гг. происходит резкое ограничение свободы научного поиска и тематика исследований, имеющих отношение к молодежной политике, в значительной степени сужается [5, с. 127].

Основной причиной этого являлась внутренняя политическая обстановка. Исследования в основном сводились к освещению роли ЛКСМБ в выполнении поставленных партией задач, на постоянной основе публиковались выступления комсомольских и партийных деятелей, характеризующих успехи и недостатки в деятельности молодежных организаций, различного рода пособия и рекомендации по осуществлению работы в молодежной среде.

В 1940 г. к 20-летию ЛКСМБ вышло издание «Двадцать год Ленінскага Камуністычнага Саюза Моладзі Беларусі», в котором были обобщены история создания, а также основные направления деятельности организации [6].

В 1950-е гг. интерес к молодежной тематике возрастает. При этом содержание исследований, направленных на исторический анализ политики государства в отношении молодежи, в основном сводилось к рассмотрению истории развития комсомольского движения.

Наряду с публикациями пропагандистского характера появляются работы обобщающего характера, раскрывающие роль молодежи в государственном строительстве, восстановлении народного хозяйства, характеризующие задачи по коммунистическому воспитанию юношей и девушек, участию в социалистических соревнованиях.

Трудовому опыту молодых кукурузоводов и животноводов посвящены работы В. Ф. Маевского, Г. П. Фомичевой. Деятельность комсомола в период коллективизации сельского хозяйства в 1929–1934 гг. исследовал А. И. Бобчинский, роль молодежной организации в восстановлении промышленности БССР в первые послевоенные годы – Н. Д. Ковшаров.

Вопросы освоения белорусской молодежью целинных земель Казахстана, шефства комсомола Беларуси над Краснознаменным балтийским флотом, борьбы молодежной организации за культуру быта исследовал А. Л. Петрашкевич, проблемы формирования политической культуры молодежи на основе деятельности комсомольских организаций БССР в 1960–1970-е гг. изучал В. Н. Драговец.

Различные вопросы деятельности ЛКСМБ на разных этапах развития организации затрагивали в своих кандидатских диссертациях И. П. Старовойтов, Р. П. Песляк, М. И. Капитонова, В. Я. Генералов, С. Ф. Дахия, П. Г. Чигринов, Л. Г. Максимов, А. И. Смолик, Т. И. Езепова, В. С. Филиппович,

Е. В. Пиульскі, В. И. Новицкий, П. И. Бригадин, С. И. Альшевская, С. В. Плужников, Г. А. Ильёк.

Часть исследований указанного периода подготовлена на основе теоретических выводов, сделанных в диссертациях общесоюзного характера. То есть факты и место действия относятся к БССР, а структура, обобщения и выводы практически тождественны и поэтому мало что вносят в развитие исторической науки [7, с. 10–11].

К общим недостаткам исследований советского периода можно отнести изложение материала в контексте коммунистической идеологии, что отрицательно сказывалось на точности и достоверности материалов, значительно сужало спектр методов и форм работы, не позволяло максимально объективно подойти к изучению того или иного исторического события, сделать корректные выводы.

В период независимости Беларуси появилась возможность более объективного изучения истории молодежной политики. В это время издается ряд исследований по истории молодежного движения, реализации целого перечня направлений государственной политики в отношении молодежи в различные периоды развития Советской Беларуси.

Проблемы социально-общественного развития в 1960-е – начале 1990-х гг., участие комсомольцев и молодежи Беларуси в партизанском движении и патриотическом подполье в годы Великой Отечественной войны отражены в исследованиях И. А. Сороковика.

Значительный интерес представляют работы В. В. Даниловича, который достаточно подробно осветил роль молодежи в социально-экономическом развитии Беларуси в 1920–1930-е гг. Особое внимание автор уделил представительству молодежи в органах власти и управления, изучению проблем участия молодежи в сельскохозяйственном производстве и развитии промышленности БССР в период осуществления новой экономической политики, рассмотрению этапов и характерных особенностей развития процесса участия молодежи в национально-культурной жизни БССР, в том числе молодежи национальных меньшинств. Кроме этого, автором исследовались вопросы развития молодежных общественных объединений, деятельности комсомола, еврейских молодежных организаций.

В 2020 г. вышла монография В. В. Даниловича «Молодежь в общественно-политическом, социально-экономическом и культурном строительстве Советской Беларуси (1921–1939 гг.)» [8]. Работа основывается на скрупулезном анализе широчайшего круга источников, прежде всего архивных. Разнообразен спектр привлекаемых источников – от статистических данных до мемуарных и публицистических материалов. В монографии довольно обстоятельно рассматривается участие молодежи в системе органов управления БССР, деятельность молодого поколения по возрождению национально-культурной жизни, де-

ятельность комсомольских организаций по модернизации сельского хозяйства, раскрывается тема участия молодежи в организации физкультурно-спортивной и военно-патриотической работы [9, с. 96].

В конце 1950-х – 1970-х гг. вышел ряд работ А. Е. Журова, в которых автор достаточно подробно и глубоко изложил историю создания и становления комсомола Беларуси, его роль в социально-экономическом и культурном развитии государства.

В 1970 г. увидела свет монография А. Е. Журова «Под руководством партии: деятельность КПБ по созданию и руководству комсомолом Белоруссии, 1917–1925 гг.», в которой отражены деятельность Коммунистической партии Беларуси по созданию, укреплению и развитию ЛКСМБ, роль молодежи в социально-экономическом развитии Беларуси и построении нового общества в послеоктябрьский период, охарактеризованы условия, при которых была создана молодежная организация, а также формы и методы взаимодействия партии и комсомола [10]. В своих работах автор подробно изложил вопросы участия комсомола в ликвидации безграмотности и малограмотности, восстановлении заводов и фабрик, а также многочисленные дискуссии, характерные для того времени, о путях развития комсомола, о поведении юношей и девушек и другие проблемы 1920-х гг. [11, с. 22].

Вопросы быта белорусских студентов затрагиваются в публикациях Г. А. Петаченко [9, с. 95].

Широкий спектр вопросов реализации молодежной политики в Советской Беларуси в 1920-е гг. освещены в монографии Е. Н. Мусиной «Государственная молодежная политика в БССР в 1920-е годы» [12]. Автор рассматривает вопросы становления государственной молодежной политики, проходившей на фоне масштабных перемен по социалистическому преобразованию общества. Анализируются связанные с этим проблемные аспекты, противоречия, а также роль и место молодежи в условиях социальной трансформации общества в исследуемый период. Автор делает вывод о том, что «политика по отношению к молодежи, с одной стороны, соответствовала потребностям развития общества и способствовала повышению материального, образовательного и культурного уровня молодежи, особенно из пролетарских и крестьянских слоев населения. Но, с другой стороны, в силу того, что эта политика определялась коммунистической идеологией Советской власти и проявлялась в практике патронажного типа, жестко заданного курса идейно-политического воспитания и классового подхода, – ограничивала в конечном итоге наиболее полную реализацию социальной активности и творческого потенциала молодежи в различных сферах» [2, с. 122].

Таким образом, указанный исторический период нашел свое отражение в историографии, однако в силу идеологической закомплексованности материал, изложенный в исследованиях, носил зачастую пред-

взяты і тенденцыйны характар, освещаючы падзеі выключна з пазіцыі класовай барацьбы. Разам з тым інтарэс прадстаўляюць статыстычныя даныя, сацыялагічныя справкі.

Асобнага ўвагі ў частцы даследавання тэарэтычных аспектаў і практычнай рэалізацыі моладзевай палітыкі на прастранстве Саветскага Саюза заслужываюць працы І. М. Ільіна, у якіх публікуецца і дакументальны матэрыял (праекты праграм, пастановаў С'ездаў КПСС, ВЛКСМ).

Наряду з агульнымі тенденцыямі палітыкі па адносінах да моладзі, характэрнымі для ўсяго Саветскага Саюза, даны працэс на тэрыторыі Беларусі меў свае адрозніваючыя рысы, аб чым сведчаюць даследчыкі В. В. Даніловіч, Е. Н. Мусіна, У. В. Ляховіч [13] і др.

Ряд вучоных (В. Д. Крюковіч, Л. Н. Дрозд) даследавалі адукацыйную палітыку як неад'емную частку моладзевай палітыкі. У працах А. К. Зініна, А. А. Маркевіча, В. Д. Крюковіча адражаны асаблівасці жыццядзейнасці розных катэгорыяў моладзі (трудаючая моладзь, служачыя, сялянская моладзь і т. д.).

Падводзя ітог, следуе адзначыць, што навуковая разробка тэматыкі становлення і развіцця дзяржаўнай моладзевай палітыкі ў Беларусі ў перыяд 1919–1991 гг. ў той ці іншай меры вела на ўсіх этапах гістарычнага развіцця.

Разам з тым, нягледзячы на наяўнасць шэрагу навуковых прац у сферы моладзевай палітыкі, комплекснага даследавання, дазваляючага праследзіць рэалізацыю дзяржаўнай моладзевай палітыкі ў гістарычнай дынаміцы з пачатку атрымання дзяржаўнасці і да распаду Саветскага Саюза і абвешчання незалежнасці ў Беларусі, не было.

Спісок іспользаваных крыніц

1. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці. В 5 т. Т. 3. Беларуская дзяржаўнасць: ад ідэі да нацыянальнаму дзяржаўству (1917–1939 гг.) / А. А. Коваленя [і др.]; адв. рэд. тома: В. Г. Мазец, Н. В. Смаховіч, С. А. Трэцяк; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2019. – 639 с.
2. Беларускі Ленінскі Камуністычны Саюз Моладзі. Камсамол і працоўная моладзь да Х з'езда ЛКСМБ: (у лічбах) /

Ленінскі Камуністычны Саюз Моладзі Беларусі. – Мінск [Мінск]: Цэнтральны камітэт ЛКСМБ і Дзяржплан БССР, 1930. – 152 с.

3. Мусіна, Н. Е. Дзяржаўная моладзевае палітыка ў БССР у 20-ыя гады ХХ стагоддзя: аўтарэф. дыс. ... канд. іст. навук / Н. Е. Мусіна. – Мінск: [б.н.], 2012. – 24 с.

4. Туктаров, Р. С. Дзяржаўнасць і моладзь у перыяд ад рэвалюцыі 1917 года да Вялікай Айчыннай вайны: гістарычны вопыт і ўрокі: аўтарэф. дыс. ... д-ра іст. навук: 07.00.02 / Р. С. Туктаров. – Саратаў: Сарат. гос. соц.-экон. ун-т, 2000. – 44 с.

5. Соболева, А. Н. Праблемы моладзевага руху ў 1920–1930-ыя гг. ў айчыннай гісторыяграфіі / А. Н. Соболева // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серія «Гісторыя». – 2015. – Т. 11. – С. 126–132.

6. Ленінскі камсамол Беларусі ў лічбах і фактах, 1920–1980 / І. А. Сороковіч [і др.]. – Мінск: Беларусь, 1980. – 142 с.

7. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці. В 5 т. Т. 5. Нацыянальная дзяржаўнасць на пераломе эпох (другая паловіна ХХ – пачатак ХХІ ст.) / А. А. Коваленя [і др.]; адв. рэд. тома Н. В. Смаховіч; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2020. – 759 с.

8. Даніловіч, В. В. Моладзь у грамадска-палітычным, сацыяльна-эканамічным і культурным будаўніцтве Савецкай Беларусі (1921–1939 гг.) / В. В. Даніловіч. – Мінск: Беларус. навука, 2020. – 730 с.

9. Ходін, С. Н. Агульны адгук на аўтабіяграфію Даніловіча В. В. Моладзь у агульна-палітычным, сацыяльна-эканамічным і культурным будаўніцтве саветскай Беларусі (1921–1939 гг.) [Журнал] / С. Н. Ходін // Журн. Беларус. гос. ун-та. Гісторыя. – Мінск: [б.н.]. – 2022. – № 3. – С. 93–96.

10. Журав, А. Е. Пад кіраваннем партыі: дзейнасць КПБ па стварэнню і кіраванню камсамолам Беларусі, 1917–1925 гг. / Ін-т гісторыі партыі пры ЦК КПБ, Філ. Ін-т марксізма-ленінізма пры ЦК КПСС [Кніга]. – Мінск: Беларусь, 1970. – 216 с.

11. Баландін, К. І. Журав А. Е. – камсамольскі прафесар / К. І. Баландін // Юбілейны зборнік навуковых прац работнікаў кафедры «Гісторыя, сусветная і айчынная культура» / пад рэд. В. А. Бажанова, С. В. Боголейшы. – Мінск: БНТУ, 2016. – С. 21–23.

12. Мусіна, Н. Е. Дзяржаўная моладзевае палітыка ў БССР у 1920-ыя гады / Н. Е. Мусіна. – Віцебск: ВГМУ, 2015. – 147 с.

13. Ляховіч, У. В. Ад гоманайцаў да гайсакоў. Чынасы беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове ХІХ ст. – 1-й палове ХХ ст. (да 1939 г.) / У. В. Ляховіч; навук. рэд. А. М. Сідаровіч. – 2-е выд., папр. і даб. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 480 с.

Анотацыя

У артыкуле дадзены агульны агляд гісторыяграфіі па пытаннях становлення і развіцця дзяржаўнай моладзевай палітыкі ў Беларусі ў перыяд 1919–1991 гг. Вызначаны і ахарактэрызаваны асноўныя этапы рэалізацыі моладзевай палітыкі, разглядаюцца навуковыя даследаванні па ўказанай тэматыцы ў розныя гады. Зроблены высновы аб тым, што комплекснага даследавання, дазваляючага праследзіць рэалізацыю дзяржаўнай моладзевай палітыкі ў гістарычнай дынаміцы з пачатку атрымання дзяржаўнасці і да абвешчання незалежнасці ў Беларусі, на сённяшні дзень няма.

Abstract

The article gives an overview of historiography on the formation and development of the state youth policy in Belarus in the period 1919–1991. The main stages of implementation of youth policy have been identified and characterized, scientific research on this topic has been considered in different years. It was concluded that there is currently no comprehensive study to track the implementation of the State youth policy in the historical dynamics from the beginning of statehood to the declaration of independence in Belarus.

Концепция прогностического управления электоральными рисками на основе комплементарности скрининга, аналитики и сегментирования региональных электоральных рынков

Е. С. Викторвич,

заместитель начальника главного управления –
начальник отдела организационной работы,
Брестский областной исполнительный комитет

Глобальная турбулентность, геополитический разлом, цивилизационный конфликт, системная трансформация миропорядка и формирование многополярного мира, дискредитация традиционных ценностей, экспансия агрессивного неолиберализма, неонацизма, кибервойны, кибердэтократия [1], монополизирующая управление интернет-пространством, контролирующая глобальную сетевую инфраструктуру и претендующая на экстерриториальное управление национальными сегментами интернет-пространства суверенных государств и др., актуализируют задачи, связанные с укреплением национального суверенитета, нейтрализацией рисков, вызовов, угроз (их источников, эндогенных и экзогенных факторов) национальной/политической безопасности и электоральному суверенитету, которые являются целевыми приоритетами Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [2].

Концепция прогностического управления электоральными рисками, выявления и нейтрализации вызовов и угроз, сопряженных с избирательной кампанией, разработана в контексте проекта Концепции национальной безопасности Республики Беларусь и основывается на понятиях «национальные интересы», «политическая безопасность» и «электоральный суверенитет».

Политическая безопасность – «состояние защищенности политической системы Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее реализацию независимой государственной политики, гармоничное развитие общества и государства, сохранение традиционных основополагающих ценностей белорусского народа, соблюдение конституционных прав и свобод личности»¹.

Электоральный суверенитет – неотъемлемое и исключительное право государства самостоятельно и независимо организовывать и проводить выборы, референдумы в целях обеспечения реализации полномочия народа и свободы его выбора при верховенстве Конституции Республики Беларусь и национального законодательства, недопущения вмешательства в избирательный процесс². Обеспечение электорального суверенитета является одним из основных национальных интересов Республики Беларусь в политической сфере.

С учетом сложности и напряженности геополитического контекста сверхактуальны централизация управления и государственное регулирование политической системой, политическими процессами [3], политическим рынком.

Формирование эффективной системы наукоемкого государственно-политического управления предполагает обоснование и разработку технологий политического менеджмента и политического маркетинга – политического скрининга, аналитики, прогнозирования, стратегирования, стратегического и тактического целеполагания, сегментирования, социально-политической экспертизы проектов и программ, инвестирования и др. Приоритетными технологиями государственного управления политическими/электоральными/избирательными процессами, политическим/электоральным рынком, инструментами управления электоральными рисками, включая региональное измерение, являются политический/электоральный скрининг, аналитика и сегментирование.

С целью разработки концепции прогностического управления электоральными рисками на основе комплементарности скрининга, аналитики и сегментирования региональных электоральных рынков

¹ <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>.

² <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>.

применялись методы контент-анализа философских, специально-научных источников, а также нормативных правовых актов Республики Беларусь (проект Концепции национальной безопасности, Закон Республики Беларусь № 248-3 «О Всебелорусском народном собрании» от 7 февраля 2023 г., Закон Республики Беларусь № 250-3 «Об основах гражданского общества» от 14 февраля 2023 г., Закон Республики Беларусь № 251-3 «Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных объединений» от 14 февраля 2023 г., Закон Республики Беларусь № 252-3 «Об изменении Избирательного кодекса» от 16 февраля 2023 г.), метод сравнительно-теоретической рефлексии (альтернативные подходы к определению понятий «сегментирование политического рынка» и «стратегии сегментирования электорального рынка»), методы этимологического и семантического анализа (термин «скрининг»), факторного анализа (факторы и источники рисков, вызовов и угроз политической безопасности и электоральному суверенитету Республики Беларусь), методы политической аналитики (ретроспективная аналитика, дескриптивная аналитика, предикативная аналитика, прескриптивная аналитика).

Ядром концепции прогностического управления электоральными рисками является идея функциональной комплементарности скрининга, аналитики и тотального микросегментирования региональных электоральных рынков. Гипотеза исследования заключалась в следующем:

- условием эффективности государственного управления политическим рынком, политическими рисками/вызовами/угрозами является комплементарность скрининга, аналитики (ретроспективной, дескриптивной, предикативной, прескриптивной) и сегментирования политического рынка;

- условием обеспечения политической безопасности, электорального суверенитета Республики Беларусь является тотальное сегментирование политического рынка, включая региональное измерение, а именно: сегментирование субрынков «политические партии», «общественные объединения, движения, союзы», «политическое интернет-пространство», «медиа» и др., а также определение и ранжирование внешних политических акторов, внешних политических акторов вне суверенитета, оказывающих деструктивное/дестабилизирующее влияние на политический/электоральный рынок Республики Беларусь и выступающих в качестве источников рисков/вызовов/угроз политической безопасности и электоральному суверенитету Республики Беларусь;

- условием эффективности государственного управления электоральными/избирательными кампа-

ниями, эффективности управления электоральными рисками является комплементарность скрининга, аналитики и сегментирования региональных электоральных рынков;

- условием профилактики/нейтрализации электоральных рисков являются интеграции и инструментализация следующих типов микросегментирования региональных электоральных субрынков: пропедевтического (определение потенциальных электоральных групп и формирование у них национального самосознания, конструктивной и ответственной гражданской позиции, аналитического и критического мышления и др.), превентивного (определение групп электорального риска, характеризующихся высоким протестным потенциалом) и формирующего (переформатирование существующих / формирование новых электоральных микросегментов, основанных на ценностных приоритетах Республики Беларусь).

Акцентируем внимание на сущности политической аналитики. «Аналитика – это часть активного процесса глубокого и системного познания чего-либо, способ формирования экспертной, ... научной мысли» [4, с. 81]. Современная политическая аналитика сопряжена со «сложным» мышлением [5] и нелинейной детерминацией, например, выявлением латентных факторов того или иного политического события, прогнозированием политических/электоральных рисков, определением неявных источников вызовов и угроз политической безопасности и др. В качестве инструментов аналитики выступают эмпирические и теоретические методы научного познания: типология, классификация, факторный анализ, контент-анализ, дискурс-анализ, моделирование, «сценарное» прогнозирование, методы экспертных оценок и социально-гуманитарной экспертизы и др. В современной аналитике доминируют качественные методы. Все чаще аналитическую функцию выполняют нейросети (определяют потенциальные риски, строят прогнозы, эффективные и оптимальные алгоритмы деятельности и др.).

Аналитика обеспечивает «перевод» избыточной либо неполной, фрагментарной, противоречивой информации как в «знание о сущем» (тенденция, тренд, система, структура, закономерность, фактор и др.), так и в нормативно-прогностическое знание (Как нужно управлять будущей избирательной кампанией?, Какие социально-политические проекты, программы необходимо разработать и реализовать с учетом трансформаций как внешне-, так и внутривнутриполитического контекста и специфики будущей политической кампании?). Например, аналитика многосторонней информации позволяет идентифицировать, иерархизировать, систематизировать риски, вызовы, угрозы национальной безопасности Республики Беларусь

(информационной, технологической, энергетической, политической и др.).

С нашей точки зрения, аналитика – это системно-мыследеятельностная процедура, результаты которой следующие:

- выявление «скрытого», «латентного», «неочевидного», «парадоксального», «противоречивого»;
- установление латентных факторов, существенно влияющих на процесс;
- определение сущностных признаков явлений (феноменов), процессов;
- идентификация актуальной проблемы (наука, управление, бизнес, национальная безопасность, политический рынок и др.);
- выявление тенденций культурного, социального, экономического, политического и другого развития, а также ситуативных эфемерных трендов;
- выявление закономерных связей;
- конструирование типологий и классификаций;
- выявление факторов-катализаторов и факторов-ингибиторов какого-либо процесса (важно выявить объективные и субъективные детерминанты, экзогенные и эндогенные факторы-катализаторы и факторы-ингибиторы, латентные факторы, существенно влияющие на функционирование и развитие политической системы, политического/электорального рынка, политические процессы (партийное строительство, электоральное поведение в контексте той или иной избирательной кампании, формирование пространства политических медиа, тренды, специфика, новые акторы региональных политических субрынков и др.));
- идентификация формирующихся отрицательных политических/электоральных трендов;
- выявление сегментов электорального напряжения, потенциальных и реальных групп электорального риска, факторов и источников электорального напряжения и электоральных рисков, факторов и мотивов электорального поведения;
- оценка качества деятельности/процесса по различным критериям/индикаторам качества, в том числе и оценка качества управления деятельностью;
- альтернативные экспертные оценки процесса/деятельности;
- воссоздание историко-культурного контекста (политического, экономического и др.) посредством ретроспективного моделирования (ретроспективная аналитика);
- генерирование альтернативных прогнозов-«сценариев» развития процесса («сценарное» прогнозирование, предикативная, проспективная, прогностическая аналитика);
- аналитика, связанная не только с прогнозированием будущего, но и проектированием «потребного

будущего» с учетом динамики культурного/цивилизационного/геополитического/макроэкономического и другого контекста;

- «аналитика аналитики» как обобщение многосторонних «частных аналитик», альтернативных аналитических выводов, междисциплинарных экспертных оценок, рефлексивных выводов;

- выявление связей («род – вид», «часть – целое», генетических, функциональных, иерархических, нелинейной, «сложной» причинности, стохастических и др.) между компонентами системы и моделирование структур (системы связей).

Например, на основе ретроспективной аналитики и ретроспективного сегментирования процесса и результатов предыдущей электоральной кампании конкретизируются электоральные сегменты/группы электорального риска (профессиональные/социальные группы, неформальные сетевые сообщества, группы-представители тех или иных субкультур и др.) как носители антигосударственных ценностей, adeptы деструктивных идеологий и акторы социально-политического напряжения, а также внешние и внутренние факторы-ингибиторы (их источники, иерархия), оказавшие деструктивное влияние на политический/электоральный рынок (например, международные фонды, транснациональные корпорации, спонсирующие национальные НКО, медиа, партии и др.).

Сравнительная аналитика – сравнение ретроспективного и актуального состояния политического/электорального рынка или его сегментов – позволяет выявить динамику политического/электорального рынка, его трансформации, изменения конфигурации – идентификация новых политических акторов (партий, лидеров и др.), новые источники рисков, формирующиеся тренды, вызовы и др.

Аналитика контекста избирательной кампании крайне важна субъектам государственного управления для прогнозирования/определения электоральных рисков и их нейтрализации, целеполагания, стратегирования (электорального стратегирования), инвестирования (в том числе образовательного) в те или иные электоральные сегменты.

Термин «скрининг» (от англ. *screening*, от *screen* – просеивать, сортировать, отбирать) многозначен. Синонимы слова «скрининг»: «испытание», «обследование», «отбор», «ранняя диагностика», «исследование», «проверка», «сортировка», «мониторинг» и др. Термин «скрининг» применяется в медицинских, экологических и других конкретно-научных дисциплинах, в различных сферах социокультурной практики. В медицине скрининг – это метод массового профилактического обследования населения с целью выявления лиц с какой-либо патологией или факторами

риска ее развития, основанный на применении специальных диагностических исследований, метод ранней диагностика заболеваний и выявления скрытых факторов риска (однопрофильный скрининг, многопрофильный скрининг). В экологии – предварительный отбор ядовитых веществ по показателям токсичности или вредности для последующего более детального исследования. В психологии и психодиагностике – форма экспресс-диагностики, позволяющая на основе специализированных методик определить общий уровень психического развития, например обучающихся, выявить отклонения в развитии, сформировать «группы риска». В финансовой сфере – аудиторская проверка кредитоспособности и финансовой устойчивости предприятия и др.

В контексте проекта Концепции национальной безопасности политический скрининг определяется как комплексное непрерывное исследование политического рынка / технология управления политическим рынком (субрынками) с целью раннего прогнозирования/выявления/идентификации/предупреждения рисков (зарождающейся опасности), рельефно проявляющихся трендов-вызовов (объективно формирующейся опасности), угроз (реально существующей опасности) политической безопасности Республики Беларусь, определения внешних и внутренних факторов, оказывающих деструктивное влияние на политический рынок, политические процессы, а также на основе аналитики и сегментирования обоснование и разработка системы превентивных/оперативных мер по нейтрализации политических рисков, вызовов, угроз, факторов и источников.

Политический скрининг – это инструмент управления политическими/электоральными рисками, вызовами, угрозами. Глубинный смысл политического/электорального скрининга – это прежде всего раннее выявление/идентификация (включая факторы и источники рисков)/предупреждение/нейтрализация политических/электоральных рисков, что является индикатором/критерием эффективности государственного управления политическими/электоральными/избирательными процессами. Нейтрализация вызовов, а тем более реально существующих угроз национальной/политической безопасности и электоральному суверенитету, их факторов и источников потребует значительно больше административных ресурсов, интеллектуальных усилий и материальных средств, о чем свидетельствует избирательная кампания 2020 г.

Объектами политического скрининга выступают как сегменты внутреннего политического рынка (политические партии, институты гражданского общества, инфо- и медиасфера, электоральный субрынок

Республики Беларусь, включая региональное измерение), так и внешние политические акторы (дружественные/недружественные государства, определение потенциала их политического влияния/воздействия на политическую систему, политические процессы в Республике Беларусь), внешние политические акторы вне суверенитета (международные интеграционные объединения, финансовые институты, фонды, медиа-холдинги, транснациональные корпорации, киберимперии и др.).

В проекте Концепции национальной безопасности используется термин «непрерывный мониторинг». В частности, акцентируется внимание на «...непрерывном мониторинге состояния доверия граждан к основным государственным и прогосударственным общественным институтам, своевременное выявление и устранение причин негативных тенденций» [6]. Авторы проекта Концепции национальной безопасности не используют термин «управление политическими/электоральными рисками», однако применяют термин «антикризисное реагирование на риски, вызовы и угрозы национальной безопасности»: «Всеми субъектами обеспечения национальной безопасности организуется антикризисное реагирование на риски, вызовы и угрозы национальной безопасности, предполагающее: сбор, обработку и анализ информации (мониторинг) о развитии ситуации (обстановки) в соответствующих сферах обеспечения национальной безопасности; оценку ситуации, прогнозирование ее развития и возможных негативных последствий; выработку предложений по совершенствованию оперативного реагирования на вызовы и угрозы национальной безопасности» [6].

Принципиально то, что политический/электоральный скрининг (мониторинг) сообразно проекту Концепции национальной безопасности является одним из основных направлений нейтрализации внутренних источников рисков, вызовов, угроз и защиты от внешних рисков, вызовов, угроз политической безопасности, электоральному суверенитету, что подтверждает практическую актуальность проблемы исследования политического/электорального скрининга/аналитики/сегментирования.

Скрининг политического рынка включает скрининг электорального субрынка, который определяется как комплексное непрерывное исследование электорального рынка / технология управления электоральным рынком (региональными субрынками) с целью раннего прогнозирования/выявления, идентификации/предупреждения электоральных рисков, рельефно проявляющихся трендов-вызовов, угроз электоральному суверенитету, определения внешних и внутренних факторов, оказывающих деструктивное влияние на электоральный рынок, а также на основе аналитики

и сегментирования обоснование и разработка системы превентивных/оперативных мер по нейтрализации электоральных рисков, вызовов, угроз, их факторов и источников.

Скрининг электорального рынка – это инструмент управления электоральными рисками, вызовами, угрозами. Объектами электорального скрининга выступают электоральный рынок, региональные электоральные субрынки Республики Беларусь, а также внешние политические акторы (дружественные/недружественные государства), внешние политические акторы вне суверенитета, которые в той или иной мере влияют / могут влиять через инфо- и медиасферу на политическое сознание и электоральное поведение граждан, в том числе посредством манипулятивных технологий, в частности технологий Hi-Nume [7].

Скрининг как комплексная процедура должен включать и аналитику, и сегментирование политического/электорального рынка. Результатом скрининга и аналитики может выступать не только сегментирование и определение на политическом/электоральном поле «точек» политического/электорального напряжения (например, деструктивная деятельность тех или иных политических партий, общественных движений, «серые» схемы финансирования политических партий или НКО из вне, формирование и трансляция экстремистского контента посредством тех или иных интернет-медиа, создание политически ангажированных и деструктивных Telegram-каналов, медиа, целенаправленная индоктринация сознания тех или иных электоральных групп посредством применения манипулятивных информационных технологий и др.), но и идентификация внешних и внутренних рисков, вызовов, угроз, их экзогенных и эндогенных факторов и источников и оперативная разработка на основе объективной аналитической информации системы профилактических/превентивных мер либо оперативных мер по их нейтрализации.

Сегментирование политического/электорального рынка основывается на аналитике результатов скрининговых исследований. Скрининг и сегментирование находятся в отношениях «пересечения», а «точкой пересечения» является, например, пропедевтическое и превентивное сегментирование электорального рынка, связанные с идентификацией и типологизацией потенциальных или реальных групп электорального риска.

Термин «сегментирование» («сегментация») генерирован общим маркетингом. Сегментирование рынка – это его разбивка на четкие группы покупателей, для каждой из которых могут потребоваться отдельные товары и комплексы маркетинга [8]. С позиции американского экономиста и маркетолога Ф. Котлера, целевой маркетинг включает три основные процеду-

ры: сегментирование рынка (определение принципов сегментирования рынка, составление профилей полученных сегментов), выбор целевых сегментов рынка (оценка степени привлекательности полученных сегментов, выбор одного или нескольких сегментов) и позиционирование товара [8]. Данный подход экстраполирован и адаптирован политическим маркетингом. Сообразно концепциям политического маркетинга, разработанным российскими политологами Е. Г. Морозовой [9], М. Л. Гунаре [10], И. Л. Недяк [11], Д. В. Щегловой [12] и др., в группу политмаркетинговых технологий входит сегментирование (сегментация) политического рынка как инструмент (принцип, способ изучения) дифференциации политического рынка на сегменты/субрынки, инвестирование в которые политически целесообразно, рентабельно, принесет «политические дивиденды» [9]. Е. Г. Морозова [9], М. Л. Гунаре [10], И. Л. Недяк [11] акцентируют внимание на сегментации/сегментировании именно электорального рынка.

С нашей точки зрения, сегментирование политического рынка и сегментирование электорального рынка не есть тождество. Сегментирование политического рынка не сводится только к сегментации/сегментированию электорального рынка страны или региона. Электоральный рынок есть компонент/подсистема политического рынка. Следовательно, сегментирование политического рынка включает сегментирование электорального рынка. Сегментирование политического рынка – это, во-первых, условие обеспечения политической безопасности и электорального суверенитета Республики Беларусь; во-вторых, технология управления политическими/электоральными рисками, вызовами, угрозами; в-третьих, технология маркетинг-менеджмента, заключающаяся в дифференциации/типологизации политического рынка на взаимодействующие подсистемы/субрынки, тотального микросегментирования политических субрынков («политические партии», «электорат», «медиа» и др.), включая региональное измерение, с целью управления/влияния как на функционирование и развитие национального политического рынка, так и его субрынков; в-четвертых, технология формирования новых сегментов/ниш политического/электорального рынка, основанных на национальных интересах/идеологии, технология формирования новой политической реальности, в том числе виртуальной политической реальности.

В контексте государственного управления политическим рынком приоритетными типами политического сегментирования являются:

- сегментирование национального политического пространства на политические регионы, национального политического рынка – на региональные политические субрынки;

- сегментирование рынка/региональных субрынков «электорат» (включает как формальное мультиатрибутивное сегментирование, так и пропедевтическое, превентивное и формирующее микросегментирование, а также «цифровое» сегментирование политического интернет-пространства, интернет-сообщества (национальный сегмент), сетевого сообщества);

- сегментирование рынка/региональных субрынков «политические партии»;

- сегментирование рынка/региональных субрынков «общественные объединения, движения»;

- сегментирование рынка/региональных субрынков «медиа» (включая интернет-медиа);

- идентификация/сегментирование внешних политических акторов как источников рисков/вызовов/угроз политической безопасности и электоральному суверенитету Республики Беларусь, включая идентификацию/типологизацию информационных «элит» («кибердейтокрации» [1]), контролирующих в том числе и политическое интернет-пространство.

Новый ракурс нашего исследования заключается в том, что сегментирование политического рынка мы рассматриваем и в аспекте «формирующего сегментирования», а также то, что приоритетными типами сегментирования субрынков «электорат» (национальное и региональное измерения) в контексте государственного управления электоральными рисками являются пропедевтическое, превентивное и формирующее микросегментирование.

Продедевтическое микросегментирование – это определение/дифференциация/типологизация потенциальных электоральных групп (например, групп учащейся и студенческой молодежи «16+», «17+»), их социально-психологическая диагностика с целью формирования социально-политических профилей. Данные потенциальные электоральные группы как представители поколения «Z», «цифрового поколения» являются объектами информационно-манипулятивных технологий, потенциальными источниками социально-политического напряжения, потенциальными группами электорального риска. Дифференциация/типологизация потенциальных электоральных групп выполняет и пропедевтическую, и превентивную функции.

Превентивное микросегментирование – это определение/дифференциация/типологизация на основе ретроспективной аналитики и ретроспективного сегментирования (в контексте предыдущей избирательной кампании), а также скрининга и аналитики актуального электорального рынка электоральных микросегментов (социальных и профессиональных групп внутри сегментов) с высоким протестным потенциалом с целью прогнозирования/профилактики/

нейтрализации электоральных рисков в контексте будущей избирательной кампании. Потенциальные и реальные группы электорального риска требуют особой электоральной стратегии, включая систему профилактико-превентивных мер.

С учетом геополитического и внутривнутриполитического контекста Республики Беларусь сегментирование электорального субрынков предполагает не столько искусственное формирование политического спроса на тот или иной политический товар/услугу на основе манипулятивных технологий, формальную дифференциацию электората на группы и определение их социально-политических предпочтений, адаптацию, «подстройку» политического продукта (национальной идеи, политической концепции, программы, проекта и др.) под политический спрос, сколько формирование новых электоральных ниш/сегментов, основанных на ценностных приоритетах Республики Беларусь, т. е. формирующее сегментирование, объектами которого являются как потенциальные электоральные группы, так и реальные группы электорального риска, характеризующиеся высоким протестным потенциалом.

Формирующее сегментирование – это переформирование существующих электоральных сегментов либо конструирование/формирование новых электоральных сегментов, основанное на идеологии и национальных интересах Республики Беларусь. Еще раз подчеркнем, что каждая из потенциальных и реальных групп электорального риска требует применения особой/специальной/уникальной электоральной стратегии (экзистенциальная проблематика, контент, стиль и форма взаимодействия, форма обратной связи), вариативных технологий Ni-Nume (социогуманитарных технологий воздействия на сознание/подсознание/отношения/поведение человека), включая маркетинговые технологии убеждающего влияния (конструктивные имидж-проекты Республики Беларусь, государственной и политической элиты и др.), лично- и субъектно-ориентированных педагогических технологий (интерактивных, когнитивных, исследовательских, имитационно-моделирующих, творческо-проектных, аналитико-рефлексивных и др.), направленных на формирование у электоральных групп риска национального самосознания, ответственной и конструктивной гражданской позиции, развитие «сложного» мышления (глобального, многомерного, системного, критического/аналитического, нелинейного, целостного), знания-понимания сложности, неопределенности геополитического контекста, факторов глобальной энтропии, глобального цивилизационного конфликта, рисков, вызовов, угроз национальному суверенитету, национальной безопасности Республики Беларусь.

Таким образом, сущность концепции управления электоральными рисками на основе комплементарности скрининга, аналитики и сегментирования региональных электоральных рынков заключается в следующем:

- ядром концепции управления электоральными рисками является идея функциональной комплементарности скрининга, аналитики и сегментирования региональных электоральных рынков как инструментов управления электоральными рисками;
- сегментирование актуального электорального рынка основывается на ретроспективной аналитике, рефлексии результатов скрининговых исследований политического/электорального рынка;
- скрининг электорального рынка включает и аналитику результатов мониторинга рынка, и диагностику целевых групп, и сегментирование электората;
- результатами скрининга и аналитики электорального рынка является не только определение сегментов электорального напряжения, но и идентификация внешних и внутренних электоральных рисков, вызовов, угроз, их экзогенных и эндогенных факторов и источников и оперативная разработка системы профилактических/превентивных мер либо оперативных мер по их нейтрализации;
- скрининг и сегментирование электорального рынка находятся в отношениях «пересечения», а «точкой пересечения» является пропедевтическое и превентивное сегментирование электорального рынка;
- комплементарность ретроспективной аналитики и сегментирования электората в контексте предыдущей избирательной кампании, а также скрининга, аналитики, пропедевтического сегментирования (определение потенциальных электоральных групп, в том числе потенциальных групп электорального напряжения), превентивного сегментирования (определение реальных электоральных групп риска) актуального электорального рынка с последующим проектированием системы мер по реформатированию существующих или формированию новых сегментов электорального рынка является одним из условий обе-

спечения политической безопасности и электорально-го суверенитета Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Володенков, С. В. Технологии интернет-коммуникации в системе современного политического управления: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / С. В. Володенков. – М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2015. – 48 с.
2. Проект Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>.
3. Бабосов, Е. М. Человек в социальных системах / Е. М. Бабосов; Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск: Беларус. навука, 2013. – С. 209.
4. Понкин, И. В. Понятие «аналитика» / И. В. Понкин // International Journal of Open Information Technologies. – 2019. – № 10. – С. 80–90.
5. Морен, Э. Метод. Природа Природы / Э. Морен; пер. с фр. Е. Н. Князевой. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.
6. Проект Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P223s0001>.
7. Лысак, И. В. Hi-Hume технологии и последствия их применения / И. В. Лысак // Соврем. исслед. соц. проблем. – 2010. – № 4(04). – С. 259–263.
8. Котлер, Ф. Маркетинг менеджмент. Экспресс-курс / Ф. Котлер; пер. с англ. под ред. С. Г. Божук. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 464 с.
9. Морозова, Е. Г. Политический маркетинг: концепции развития, модели функционирования. Компаративистский анализ: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Е. Г. Морозова. – М., 2000. – 403 л.
10. Гунаре, М. Л. Политический маркетинг в избирательной кампании: дис. ... канд. полит. наук: 23 00 02 / М. Л. Гунаре. – М., 2001. – 153 л.
11. Недяк, И. Л. Маркетинговый подход к исследованию политических процессов: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / И. Л. Недяк. – М.: Ин-т социологии РАН, 2011. – 46 с.
12. Щеглова, Д. В. Методика исследования политического рынка в ракурсе модернизированных процессов / Д. В. Щеглова // Вестн. ВГУ. Сер. История, политология, социология. – 2012. – № 1. – С. 195–198.

Аннотация

В статье акцентируется внимание на обеспечении политической безопасности и электорального суверенитета Республики Беларусь, прогностическом государственно-политическом управлении политическим/электоральным рынком, технологиях управления электоральными рисками (скрининг, аналитика, сегментирование), целесообразности их функциональной комплементарности, специфике и интеграции пропедевтического, превентивного и формирующего сегментирования региональных электоральных субрынков как условия профилактики и нейтрализации электоральных рисков.

Abstract

The article focuses on the conditions of ensuring political security and electoral sovereignty of the Republic of Belarus, predictive state-political management of the political/electoral market, technologies for managing electoral risks (screening, analytics, segmentation), the expediency of their functional complementarity, the specifics and integration of propaedeutic, preventive and formative segmentation of regional electoral sub-markets as a condition for the prevention and neutralization of electoral risks.

«Я-концепция» будущего педагога-психолога

П. В. Балышева,
аспирант,
Республиканский институт высшей школы

Формирование образа педагога-профессионала происходит как на личностно-психологическом уровне, так и на социально-культурологическом и одновременно в разных видах педагогической деятельности: учебно-воспитательной, организаторской, коррекционной, консультативной, коммуникативной и самообразовательной.

Личность педагога формируется и развивается в определенной социально-культурной среде, где вступает во взаимоотношения с другими, реализует себя в профессиональной деятельности, которая ставит перед ним особые требования к личностным качествам. Гармонизация качеств предоставляет образ педагога качественной определенности, а через личностные качества, способности возможно как укрепить «Я-образ», так и деструктурировать его. Уровень развития значимых личностных качеств в значительной мере влияет на формирование «Я-образа» педагога, определяет характер его влияния на «Я-концепцию школьника» и предопределяет эффективность профессиональной деятельности педагога. Целостный «Я-образ» педагога-профессионала состоит из ориентаций в профессиональной карьере, доминирующих переживаний, содержательных направленностей, уровней профессионализма, форм реализации педагогической деятельности, совокупности значимых качеств (способностей) личности, которые опосредствуют проявление и динамику «Я-образа» педагога и его объективных детерминант [1, с. 88].

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 26.06.2023.

Н. Л. Нагибина рассматривает следующие компоненты «Я-образа», соответствующие определенным, традиционно выделенным сферам психики:

- когнитивный компонент – составляют структуры и качества «образа Я», связанные с характеристиками познавательной сферы (самосознание, самовосприятие, «Я-реальное», самопознание, самоконтроль, самонаблюдение, самовнушение и т. п.);
- эмоциональный компонент – составляют структуры и качества «образа Я», связанные с характеристиками эмоционально-волевой сферы (самоощущение, самочувствие, самообладание, самоконтроль, саморегуляция, общий уровень эмоционального тона, ситуативное настроение, состояние здоровья, психосоматические обстоятельства и т. п.);
- ценностный компонент – составляют структуры и качества «образа Я», связанные с характеристиками ценностно-мотивационной сферы (самопринятие, «Я-идеальное», «сверх-Я», самоутверждение, самоуважение, самовоспитание, самоопределение, саморазвитие, самореализация);
- поведенческий компонент – составляют структуры и качества «образа Я», связанные с характеристиками организации поведения (самоподкрепление, самоэффективность, самоорганизация, самопрезентация, самостоятельность, самодетерминация).

Человек считается самореализованным, если «Я-образ» адекватный, максимально гармоничный во всех своих компонентах: когнитивном, эмоциональном, ценностном и поведенческом – и направлен на достижение «Я-идеального» [2, с. 14].

«Образ Я» педагога – это не сумма отдельных составляющих, а качественно системное образование, в котором эти компоненты определенным образом структурированы, иерархизированы. Кроме того, «образ Я» включает не только систему осознанных отношений человека к себе, выступающих в виде самооценок, притязаний, ожиданий, но и бессознательное психическое, а также систему так называемых фундаментальных отношений индивида к личности [2, с. 48].

Образ «Я-педагог» отражает в единстве все стороны бытия личности. Это результат самопознания, осмысления своей роли на каждом этапе профессионального становления и в конкретной ситуации, на основе чего формируется отношение к себе как к педагогу-профессионалу. Одной из наиболее существенных характеристик «образа Я» педагога является его динамичность (протяженность) во времени: «образ Я» включает одновременно представление человека о себе в прошлом, настоящем и будущем, что обуславливает возможность существования двух форм «Я»: «Я-реального» и «Я-идеального». Представление личности о себе является результатом деятельности ее самосознания, включает в себя осознание своей тождественности и собственного «Я» как активного, деятельного начала в себе; осознание своих психических

своих свойств и качеств; определенную совокупность социально-нравственных позиций. «Я-образ» педагога-психолога включает следующие компоненты:

- когнитивный – представления о себе, образ своих педагогических качеств, способностей, внешности, социальной значимости и т. д.;

- эмоционально-ценностный (самооценка) – аффективная оценка представлений о себе (самоуважение, себялюбие, самоуничижение);

- поведенческий – потенциальная поведенческая реакция, т. е. те конкретные действия, которые могут вызываться «Я-образом» и самооценкой. Их направленность и степень выраженности являются значимыми показателями успешного становления «Я-образа» личности педагога и его социально-психологической адаптированности к профессиональной деятельности. Содержание «Я-образа» педагога состоит из двух образований: дифференцирующей составляющей (ее содержанием являются знания, которые выделяют «Я» субъекта по сравнению с другими людьми, дают ощущение собственной уникальности, неповторимости) и интегрирующей составляющей, или системы самоидентичности, которая содержит знания об общих чертах и характеристики, которые объединяют лицо с другими людьми.

«Я-концепция» будущего педагога-психолога понимается как система взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов:

1. «Образ Я» (когнитивная составляющая), что раскрывает неповторимость самовосприятия через фиксацию студентом определенной социально-ролевой позиции, в частности через идентификацию себя с ролью «студент», «будущий учитель», «учитель-практик».

2. Уровень тревожности студента (эмоционально-ценностная составляющая) как мера неадекватности между «образом Я» и реальным поведением, субъективной интерпретацией оценочного отношения к нему других людей в ситуации учебно-профессиональной деятельности.

3. Характер локуса контроля (поведенческая составляющая) как один из механизмов психологической защиты в случае посягательства на ценность и целостность сформированного «образа-Я» проявляется в поиске и локализации (приписывании себе или кому-то другому, каким-то обстоятельствам) причин собственного поведения [3, с. 90].

Д. Н. Канюков отмечает, что «формировать образ профессии студентов – это значит развивать у них положительное отношение к будущей профессии, интерес, склонности и способности к ней, стремление совершенствовать свой профессионализм после окончания вуза, удовлетворять свои материальные и духовные потребности, постоянно занимаясь избранным видом профессионального труда» [4, с. 2].

О. Г. Ксенда отмечает, что по мере обучения сознание студентов-психологов проходит профессио-

нальное становление, представления о профессии дополняются научными представлениями, уточняются непосредственным опытом взаимодействия с преподавателями психологических дисциплин, но при этом сознание студентов остается подверженным влиянию средств массовой информации, транслирующих определенный образ психолога, и воздействию социальных представлений об этой профессии, распространенных в обществе. Результатом всех перечисленных выше процессов является формирование определенного образа психолога у студентов, представляющего собой сплав научных и житейских знаний. Подобный образ определяет профессиональное мировоззрение субъектов образовательного процесса, обуславливает взгляд на свое место в профессиональном сообществе, профессиональные возможности и способности и в дальнейшем, претерпевая определенные изменения, будет определять профессиональное поведение будущих специалистов-психологов [5, с. 55].

По мнению П. Ю. Якимовой [6, с. 110] и И. О. Яндурской [7, с. 182], на формирование образа успешного профессионала большое влияние оказывает мотивация обучения в учебном заведении.

Таким образом, суть теории самовосприятия заключается в том, что люди бессознательно формируют отношение к различным сторонам или явлениям жизни на основе своего поведения, а не наоборот, как следовало бы из логики. Структура образа Я включает познавательный, эмоциональный, поведенческий и ценностный компоненты.

Ю. А. Карачарова полагает, что в развитии профессиональной успешности педагога-профессионала большую роль играет сформированная адекватная самооценка. Она является центральным звеном произвольной саморегуляции, определяет направление и уровень активности человека, его отношение к миру, к людям, к самому себе, выступает в качестве важной детерминанты всех форм и видов деятельности и социального поведения человека. Самооценка выполняет регуляторную и защитную функции, отражая степень удовлетворенности или неудовлетворенности собой, уровень самоуважения. Она создает основу для восприятия собственного успеха или неуспеха, достижения целей определенного уровня, т. е. уровня притязаний личности. Люди с адекватной или высокой самооценкой настроены более оптимистично, нежели те, у кого самооценка занижена; они успешно решают встающие перед ними задачи, так как уверены в своих силах. Такие люди менее подвержены стрессу и тревожности, доброжелательно воспринимают окружающий мир и себя в этом мире. Профессиональная самооценка рассматривается как самоотношение служащего к результату сопоставления реального и идеального «Я – профессионал», формирующегося в результате процесса самооценивания (в контексте профессиональной деятельности, в сравнении с другими и с самим собой) [2, с. 348].

Практическое значение самооценки для определения успешности профессиональной деятельности используют кадровые агентства. При отборе персонала они определяют уровень и адекватность самооценки претендента, необходимые для успешной профессиональной деятельности и карьеры, ориентируясь на следующие характеристики:

1. Самооценка отражает уверенность человека в своих профессиональных и личных силах, его самоуважение и адекватность происходящему. Важна реалистичная оценка претендентом своих возможностей и способностей. При заниженной самооценке человек заранее опускает руки перед трудностями и проблемами. Завышенная самооценка чревата чрезмерными претензиями на внимание к себе и опрометчивыми решениями.

2. Высокий уровень притязаний указывает на то, что человек хочет многого достичь в жизни, ставит высокие цели, готов для этого рисковать и браться за трудные задачи. При низком уровне притязаний для людей важнее не потерять достигнутое, избежать неудачи.

3. Локус контроля – показатель ответственности человека. Люди с внешним локусом контроля ищут причину всего происходящего в стечении обстоятельств и поступках других людей. Внутренний локус контроля говорит об ответственности человека за свои поступки и способность делать выводы из своих ошибок, хотя иногда внутренний локус приводит к чрезмерному самообвинению. Успех профессиональный – это всегда следствие внутренних, а не внешних причин.

И тогда педагог-профессионал – это личность с внутренним локусом контроля, с высоким уровнем притязаний, адекватной самооценкой и успешным становлением «Я-образа» личности педагога и его социально-психологической адаптированности к профессиональной деятельности.

Для развития профессионализма педагога-психолога имеют значение индивидуальные способности, которые, в свою очередь, будут способствовать развитию и самовосприятию педагогом себя как профессионала, не исключая вышеуказанные аспекты. В перечень индивидуальных особенностей входят социальная чувствительность, способность психолога заметить настроение другого человека, его поведение, дать им интерпретацию и принять. Для развития социальной чувствительности специалисту необходимо проявлять внимание и воображение.

Еще одной индивидуальной особенностью является способность управлять собой. В этот навык входят умения грамотно распределять свое время, поддерживать свое здоровье, рационально расходовать силы, преодолевать и решать возникающие трудности. Очень важным, на наш взгляд, остается стремление к саморазвитию и творчеству, что развивает способность к нестандартному решению, креативности и желание самовыражаться, а это важнейшая составляющая педагогического мастерства и таланта.

Таким образом, наличие вышеперечисленных характеристик, умений и навыков влияет на способность педагога-психолога профессионально проявляться. Деятельность педагога-профессионала требует от него постоянного развития, коррекции, самоанализа, креативности, рефлексии, совершенствования внутреннего мира. Немаловажным остается критерий успешности педагога-психолога – особое эмоциональное состояние удовлетворенности от выполняемой специалистом профессиональной деятельности. Наличие удовлетворенности приводит к повышению личностного и профессионального развития и высоким достижениям труда.

Список использованных источников

1. Нагибина, Н. Л. Психология типов. Системный подход. Психодиагностические методики / Н. Л. Нагибина. – М.: Ин-т молодежи, 2020. – Ч. 1. – 150 с.
2. Карачарова, Ю. А. Психологические факторы профессиональной успешности в контексте специализации профессиональной деятельности / Ю. А. Карачарова, А. С. Соколова // Актуальные вопросы современной науки. – 2009. – Вып. 6. – С. 48–61.
3. Киселева, Н. Л. Психолого-педагогические условия развития профессиональной успешности учителя: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Н. Л. Киселева. – Курск, 2002. – 187 л.
4. Канюков, Д. Н. Структура образа профессии и динамика изменения студентов-психологов в процессе обучения / Д. Н. Канюков // Вестн. Самар. гум. акад. Сер. Психология. – 2011. – № 1. – С. 104–111.
5. Ксенда, О. Г. Образ психолога в представлении студентов-психологов / О. Г. Ксенда // Психол. журн. – 2010. – № 2. – С. 55–59.
6. Якимова, П. Ю. Мотивация обучения и выбора профессии у студентов-психологов, обучающихся на разных психологических специальностях / П. Ю. Якимова // Психол. наука и образование. – 2008. – № 5. – С. 110–118.
7. Яндульская, И. О. Роль мотивации в профессиональной деятельности будущих психологов / И. О. Яндульская // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. – 2017. – № 1(7). – С. 182–186.

Аннотация

Статья посвящена проблеме формирования образа педагога-профессионала через «Я-концепцию». Раскрыты особенности формирования «Я-концепции» с помощью эмоционального, ценностного и поведенческого аспектов.

Abstract

The article is devoted to the problem of forming the image of a professional teacher through the “I-concept”. The features of the formation of the “I-concept” are revealed through the emotional, value and behavioral aspects.

Динамика социокультурной адаптации и состояния психического здоровья китайских студентов в Беларуси

Су Тао,
аспирант,
Белорусский государственный университет

Китайские студенты, которые приезжают на обучение в Республику Беларусь, сталкиваются с рядом трудностей социокультурного характера: им необходимо выучить русский язык практически с нуля, адаптироваться к системе образования, системе ценностей, взаимоотношений и образу жизни, особенностям коммуникации с представителями другой культуры и т. д. Все это может оказывать отрицательное влияние на психологическое здоровье китайских студентов. Исходя из этого, изучение адаптивных возможностей китайских студентов во взаимосвязи с их психологическим здоровьем представляется очень актуальным.

В «процессуальной модели культурной адаптации», предложенной К. Уордом, продолжительность пребывания в другой культурной среде является одним из важных факторов, влияющих на способность человека успешно адаптироваться к ней. Степень культурной адаптации человека имеет тенденцию повышаться с увеличением продолжительности проживания. Исследование К. Уорда показывает, что продолжительность проживания положительно коррелирует со степенью адаптации в другой культуре [1].

С. Лисгаард провел опрос скандинавских студентов, обучающихся в США, и обнаружил, что студенты, которые проживали менее 6 и более 18 месяцев, были более адаптивными, чем те, которые обучались в течение 6–18 месяцев. Полученные данные позволили сделать вывод о том, что кросс-культурная адаптация представляет собой модель *U*-образной кривой [2]. Согласно этой точке зрения К. Оберг разделил процесс культурной адаптации на четыре этапа: период «медового месяца», период кризиса, период восстановления и период адаптации [3]. Т. Гуллахорн и Е. Гуллахорн [4], изучив процесс культурной адаптации большого количества иностранных студентов, подтвердили идеи о наличии культурного шока, т. е. появления эмоционального или физического дискомфорта, дезориентации индивидов, вызванных попаданием в иную культурную среду, столкновением с другой культурой, незнакомым местом проживания. Кроме того, они подтвердили модель *U*-образной кривой, предложенную С. Лисгаардом [2]. Обобщив полученные данные, В. Дж. Зеллер и Р. Мосье [5] предложили модель *W*-образной кривой. Они обнаружили, что адаптация студентов к новой культуре включает пять этапов:

1. *Медовый месяц*. Начинается с момента поступления в учреждение образования. Некоторые позитивные моменты, например уход от родительского контроля, знакомство с новыми культурными традициями, могут вызывать удивление и волнение. Вместе с тем студенты часто начинают испытывать некоторое чувство тоски по дому, смешанное с радостью и приливом энергии, связанным с началом нового жизненного этапа.

2. *Культурный шок*. Через некоторое время эффект новизны начинает исчезать. Студенты сталкиваются с реальностью изменений, например бытовыми проблемами, получением медицинской помощи, необходимостью адаптироваться к соседям по общежитию, новым продуктам питания, ассортименту блюд в кафе и многообразию знакомств с людьми из разных культурных слоев общества. Добавляются академические трудности. Может усиливаться тоска по дому, родным и прежним друзьям. Поэтому это период, с одной стороны, позитивных перемен, а с другой – интенсивного личного конфликта и тревоги.

3. *Первичная адаптация.* Студенты испытывают подъем, поскольку они успешно справляются со многими проблемами, которые встали на их пути. Преодоление стадии культурного шока приводит к ощущению благополучия. Восстанавливается некоторое чувство контроля и нормальности в своей жизни. Конфликты и трудности, возможно, все еще встречаются, но студенты чувствуют себя более уверенными.

4. *Психическая изоляция.* У студентов может возникнуть ощущение изоляции (когда они начинают сравнивать новую и домашнюю культуры), зажатости между двумя мирами и двойственности (не полной принадлежности ни к одной из культур). Начинает проявляться сильная тоска по дому. Новая обстановка в учреждении образования все еще не так комфортна, как дома. Первоначальная эйфория от поступления в университет рассеивается по мере того, как на поверхность выходят реалии студенческой жизни (не все преподаватели дружелюбны и внимательны, не все сверстники по учебной группе являются потенциальными друзьями и др.). Они могут чувствовать, что их убеждениям и системе ценностей бросают вызов, они могут быть не в состоянии интегрироваться или адаптироваться к ценностям новой культуры. В связи с этим студенты должны найти выход из второго культурного шока, избавиться от чувства изоляции и приобщиться к новой культуре. Это требует интеграции ценностей и верований их родной культуры с новой социокультурной средой.

5. *Принятие и интеграция.* По мере того, как студенты становятся более вовлеченными в образовательный процесс, приобретают некоторый опыт общения с новыми друзьями, знакомятся с некоторыми преподавателями и сотрудниками, они начинают чувствовать настоящую связь с сообществом университета. Формируется сбалансированный и реалистичный взгляд на университет, позволяющий видеть и интегрировать положительный опыт с возникающими проблемами. Возможно, даже появляется отчуждение от домашней культуры, уменьшается зависимость от родителей и бывших сверстников. Истинное чувство принятия, интеграции и взаимосвязанности возникает, когда студент успешно адаптируется к новому социокультурному окружению.

Модели *U*-образной и *W*-образной кривой являются ранними классическими теориями в области межкультурной адаптации. У них есть одна общая черта: культурный шок индивидов, временно проживающих в незнакомой культурной среде, из-за культурных различий снижает степень их адаптации. Очевидно, культурный шок оказывает огромное влияние на временно проживающих индивидов. До сих пор многие исследователи анализировали и пытались объяснить концепцию культурного шока. В частности, Ан Ран [6] считает, что для определения концеп-

туальных различий, помимо справочной литературы, необходимо выяснить первоначальное значение понятия культурного шока. Кроме моделей *U*-образной и *W*-образной кривой исследователи предлагали и другие модели кросс-культурной адаптации. Например, Дж. Мезиров [7] привел 10 этапов процесса кросс-культурной адаптации: замешательство перед лицом новой среды; самоанализ с чувством вины или стыда; анализ и оценка когнитивных подходов, социальной культуры и духовных концепций; признание того, что процесс неудовлетворенности и изменений не является уникальным для самого индивида и что другие испытывают аналогичные проблемы; изучение возможностей новых ролей, отношений и поведения; планирование планов действий; овладение знаниями и навыками, необходимыми для реализации действий; временное принятие новых ролей; формирование способностей и уверенности в новых ролях и отношениях; реинтеграция жизни на основе новых целей.

К. Уорд и другие [1] считали, что на начальном этапе межкультурной адаптации индивиды испытывают наибольшие изменения в жизни, у них меньше всего доступных адаптационных ресурсов, на этом этапе уровень адаптации индивидов самый низкий. Временные факторы имеют определенную связь с межкультурной адаптацией, и все больше и больше исследователей ссылаются на четыре процесса межкультурной адаптации *U*-кривой, предложенные С. Лизгаардом, и четыре процесса межкультурной адаптации, предложенные К. Обергом.

Однако следует отметить и некоторую противоречивость полученных данных.

Исследование кросс-культурной адаптации иностранных студентов, проведенное Янь Чжунхун [8], показало, что студенты, находящиеся на обучении 12–16 месяцев (этап первичной адаптации), имели более низкие показатели адаптации, чем студенты, только приступившие к обучению (этап «медового месяца»), что согласуется с теорией *U*-модели. Студенты, которые только попали в новую среду, обладали более высокой адаптивностью, чем те, кто пребывал в новой социокультурной среде более длительное время.

Ци Хуа и Ли Сюань [9], изучив адаптацию корейских студентов, обучающихся в Китае, установили, что у студентов, находящихся на этапе культурного шока (короткий срок пребывания), значительно более низкий балл по показателям адаптации и более низкий уровень психического здоровья, чем у студентов на этапе принятия и интеграции (длительный срок пребывания).

Л. Уилтон обнаружил, что чем дольше индивид живет за границей, тем лучше процесс адаптации к новой среде и тем ниже уровень психологического беспокойства [10].

Основываясь на теории межкультурной адаптации, предложенной К. Уордом и коллегами [1], в настоящем лонгитюдном исследовании изучались особенности социокультурной адаптации и психического здоровья 198 китайских студентов (107 мужчин и 91 женщина), обучающихся в пяти учреждениях высшего образования Республики Беларусь.

В исследовании использовался китайский вариант «Шкалы социокультурной адаптации», которая оценивала пять измерений (межличностное общение, эффективность обучения, личные интересы и общественная активность, адаптация к окружающей среде, знание языка) по пятибалльной шкале Ликерта.

Китайский вариант «Шкалы самооценки симптомов» оценивает десять измерений (соматизация, обсессивно-компульсивные расстройства, межличностная сензитивность, депрессия, тревожность, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльные симптомы, психотизм, дополнительные вопросы) по пятибалльной шкале Ликерта. Высокие показатели по шкалам свидетельствуют о наличии нарушений психического здоровья.

Замеры производились в течение трех лет: первое измерение – в январе 2019 г. после четырех месяцев обучения (Т1), второе – в январе 2020 г. (Т2), третье – в январе 2021 г. (Т3).

Для определения использовались односторонние повторные измерения ANOVA и апостериорный анализ. Обработка осуществлялась с помощью программного обеспечения SPSS 26.0.

В результате проведенного исследования были выявлены статистически значимые различия в показателях социокультурной адаптации китайских студентов (таблица 1).

Полученные данные свидетельствуют о том, что социокультурная адаптация китайских студентов постепенно улучшается в течение трехлетнего периода обучения. Наглядно динамика социокультурной адаптации китайских студентов представлена на рис. 1.

Так, было установлено, что показатели социокультурной адаптации китайских студентов имеют восходящую тенденцию к улучшению в течение трехлетнего периода обучения: повышаются показатели межличностного общения, эффективности обучения, личных интересов и общественной активности, адаптации к окружающей среде, знания языка.

Полученные данные согласуются с результатами других исследований, посвященных проблемам социокультурной адаптации иностранных студентов. В них отмечается, что для интенсификации процессов социокультурной адаптации на начальном этапе обучения необходимо прилагать усилия для преодоления иностранными студентами языкового барьера и более широкого их привлечения к активному участию в общественной жизни и в университетских, и в социально-культурных мероприятиях.

В целом полученные данные свидетельствуют о некотором расхождении с теорией *U*-образной модели адаптации. В частности, определено, что значимые изменения наблюдаются по показателям общей адаптации, межличностного общения, эффективности обучения, личных интересов и общественной активности, знания языка в динамике от периода Т1 к периоду Т2. В последующий период (от Т2 к Т3) эти показатели стабилизируются (различия не значимы). Показатели адаптации к окружающей среде имеют плавную тенденцию к повышению.

Из данных, представленных на рис. 2, видно, что социокультурная адаптация согласуется со второй половиной *U*-модели. Этот результат связан с тем, что первый срок измерения в данном исследовании (Т1) составил 4–5 месяцев после въезда в страну, студенты уже пережили период «медового месяца» и находятся на этапе культурного шока (Т1→Т2), только входя в этап первичной адаптации (Т2→Т3).

В результате проведенного исследования также были выявлены статистически значимые различия в показателях психического здоровья китайских студентов (таблица 2).

Данные, представленные в таблице 2 и на рис. 3, показывают, что с увеличением времени обучения показатели по всем изучаемым параметрам снижаются. Это свидетельствует о том, что психическое здоровье китайских студентов становится все лучше и лучше.

Наглядно динамика психического здоровья китайских студентов представлена на рис. 4.

Вместе с тем следует отметить, что улучшение психического здоровья китайских студентов носит неравномерный характер. Так, например, показатели обсессивно-компульсивных расстройств, межличностной сензитивности и депрессии имеют плавную тенденцию к снижению (от Т1 к Т3). Показатели паранойяльных симптомов и психотизма снижаются после года адаптации (от Т1 к Т2). Тревожность начинает снижаться только после двух лет адаптации (от Т2 к Т3), а фобическая тревожность снижается скачкообразно. Показатели соматизации и враждебности остаются без изменений.

Полученные данные согласуются не только с *U*-образной теорией социокультурной адаптации [1], но и с конкретными данными других исследований относительно динамики психического здоровья китайских студентов [11]. Согласно результатам проведенного исследования наибольшую «зону риска» с точки зрения угрозы психическому здоровью китайских студентов представляет первый год обучения.

Анализ социокультурной адаптации и психического здоровья иностранных студентов показал, что социокультурная адаптация иностранных студентов неуклонно улучшается в течение трехлетнего периода

Таблица 1

Показатели социокультурной адаптации китайских студентов

Факторы	T1 (M ± СД)	T2 (M ± СД)	T3 (M ± СД)	F	Результаты апостериорного анализа
Межличностное общение	3,43 ± 0,72	3,59 ± 0,61	3,64 ± 0,61	10,41***	T1 < T2, T1 < T3
Эффективность обучения	3,49 ± 0,80	3,63 ± 0,69	3,66 ± 0,68	5,80**	T1 < T2, T1 < T3
Личные интересы и общественная активность	3,06 ± 0,88	3,39 ± 0,72	3,49 ± 0,74	26,44***	T1 < T2, T1 < T3
Адаптация к окружающей среде	3,70 ± 0,79	3,82 ± 0,70	3,86 ± 0,70	4,43*	T1 < T3
Знание языка	2,81 ± 1,19	3,36 ± 0,90	3,44 ± 0,88	34,72***	T1 < T2, T1 < T3
Общий балл культурной адаптации	3,36 ± 0,71	3,58 ± 0,58	3,64 ± 0,58	20,36***	T1 < T2, T1 < T3

Примечание. M – средние значения, СД – стандартное отклонение: T1 – первое измерение, T2 – второе измерение, T3 – третье измерение; *p < 0,05; **p < 0,01; ***p < 0,001.

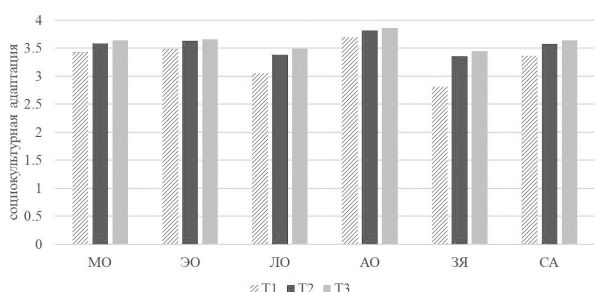

Рис. 1. Социокультурная адаптация китайских студентов в различные периоды обучения: МО – межличностное общение; ЭО – эффективность обучения; ЛО – личные интересы и общественная активность; АО – адаптация к окружающей среде; ЗЯ – знание языка; СА – социокультурная адаптация

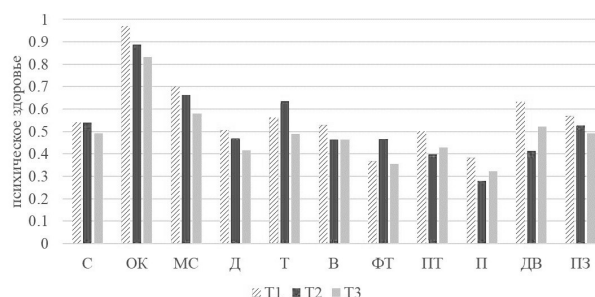

Рис. 3. Динамика психического здоровья китайских студентов: С – соматизация; ОК – обсессивно-компульсивные расстройства; МС – межличностная сензитивность; Д – депрессия; Т – тревожность; В – враждебность; ФТ – фобическая тревожность; ПТ – паранойяльные симптомы; П – психотизм; ДВ – дополнительные вопросы; ПЗ – психическое здоровье

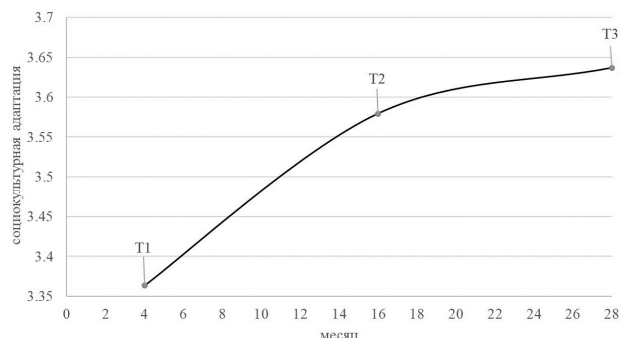

Рис. 2. Тенденция динамики социокультурной адаптации

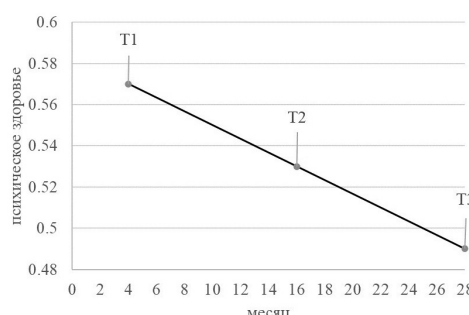

Рис. 4. Тенденция динамики психического здоровья

Таблица 2

Показатели психического здоровья китайских студентов

Факторы	T1 (M ± СД)	T2 (M ± СД)	T3 (M ± СД)	F	Результаты апостериорного анализа
Соматизация	0,54 ± 0,59	0,54 ± 0,59	0,49 ± 0,56	1,31	
Обсессивно-компульсивные расстройства	0,97 ± 0,71	0,89 ± 0,67	0,83 ± 0,63	4,58*	T1 > T3
Межличностная сензитивность	0,70 ± 0,71	0,66 ± 0,69	0,58 ± 0,57	4,03*	T1 > T3
Депрессия	0,51 ± 0,65	0,47 ± 0,64	0,41 ± 0,50	3,03*	T1 > T3
Тревожность	0,56 ± 0,69	0,64 ± 0,70	0,49 ± 0,57	5,09**	T2 > T3
Враждебность	0,53 ± 0,67	0,46 ± 0,59	0,46 ± 0,56	1,67	
Фобическая тревожность	0,37 ± 0,55	0,47 ± 0,56	0,35 ± 0,50	5,50**	T2 > T1, T2 > T3
Паранойяльные симптомы	0,50 ± 0,60	0,40 ± 0,48	0,43 ± 0,51	3,91*	T1 > T2
Психотизм	0,38 ± 0,57	0,28 ± 0,37	0,32 ± 0,46	5,19**	T1 > T2
Дополнительные вопросы	0,64 ± 0,66	0,41 ± 0,48	0,52 ± 0,54	12,78***	T1 > T2, T3 > T2
Всего баллов	0,57 ± 0,50	0,53 ± 0,43	0,49 ± 0,41	4,48*	T1 > T3

Примечание. M – средние значения, СД – стандартное отклонение: T1 – первое измерение, T2 – второе измерение, T3 – третье измерение; *p < 0,05; **p < 0,01; ***p < 0,001.

обучения. Это свидетельствует о постепенной адаптации китайских студентов к социокультурной среде Беларуси, что несколько противоречит результатам исследований Янь Чжунхун [8].

Кроме того, было обнаружено и некоторое несоответствие с классическими *U*- или *W*-кривыми адаптации китайских студентов в Беларуси, которое объясняется интервалами измерений в исследовании.

В частности, первое измерение было произведено после четырех месяцев обучения, фактически в период перехода от кризиса (культурного шока) к восстановлению и адаптации. Именно поэтому результаты показывают, что социокультурная адаптация китайских студентов имеет плавную тенденцию к возрастанию.

В момент T1 китайские студенты не достаточно знакомы с новой социально-культурной средой. В этот период контакты с местным населением и одноклассниками еще не являются достаточно глубокими, существуют серьезные проблемы в освоении языка, взаимодействие с окружающей средой остается относительно поверхностным, а, следовательно, уровень социокультурной активности минимальным. Исследование К. Уорда также показало, что у иностранных студентов в период кризиса показатели кросс-культурной адаптации по сравнению с периодами восстановления и адаптации были наименьшими [12]. Проведенное исследование доказывает, что вторая половина теории *U*-адаптации имеет место быть, что и подтверждается измерениями в T2 и T3. Поскольку разница между двумя этими моментами времени незначительна, можно утверждать, что, как только китайские студенты адаптируются к белорусской социокультурной среде, показатели социокультурной адаптации постепенно стабилизируются (разница в измерениях между T2 и T3 не является статистически значимой).

Таким образом, за трехлетний период обучения все показатели социокультурной адаптации китайских студентов значительно повысились. В целом можно заключить, что психическое здоровье китайских студентов, обучающихся в Беларуси, постепенно и неуклонно улучшается.

Аннотация

Исследование посвящено изучению социокультурной адаптации и психического здоровья китайских студентов. Установлено, что социокультурная адаптация китайских студентов имеет постепенную тенденцию к улучшению в течение трехлетнего периода: повышаются показатели межличностного общения, эффективности обучения, личных интересов и общественной активности, адаптации к окружающей среде, знания языка. Психическое здоровье китайских студентов имеет постепенную тенденцию к улучшению в течение трехлетнего периода.

Abstract

The study is devoted to the study of the sociocultural adaptation and mental health of Chinese students. It was found that the socio-cultural adaptation of Chinese students has a gradual tendency to improve over a three-year period: indicators of interpersonal communication, learning efficiency, personal interests and social activity, adaptation to the environment, language skills increase. Mental health of Chinese students has a gradual increase tendency to improve over a three-year period.

Список использованных источников

1. Ward, C. Home and Host Culture Influence on Sojourner Adjustment / C. Ward, A. Rana-Deuba // *International Journal of Intercultural Relations*. – 2000. – Vol. 3. – P. 291–306.
2. Lysgaard, S. Adjustment in Foreign Society: Norwegian Fulbright Grantees Visiting the United States / S. Lysgaard // *International Social Science Bulletin*. – 1955. – Vol. 7. – P. 58–73.
3. Oberg, K. Culture shock: Adjustment to New Cultural Environment / K. Oberg // *Practical Anthropology*. – 1960. – Vol. 7. – P. 177–182.
4. Gullahorn, T. An Extension of the U-Curve Hypothesis. / T. Gullahorn, E. Gullahorn // *Journal of Social Issues*. – 1963. – Vol. 19(3). – P. 33–47.
5. Zeller, W. J. Culture shock and the first-year experience / W. J. Zeller, R. Mosier // *Journal of College and University Student Housing*. – 1993. – Vol. 23(2). – P. 19–23.
6. An, Ran. A Probe into the Translation and Interpretation of «Cultural Shock» / Ran An // *Academic Research*. – 2010. – Vol. 3. – P. 50–54.
7. Mezirow, J. Transformative Dimensions of Adult Learning / J. Mezirow. – 1st ed. – San Francisco: Jossey-Bass, 1991. – P. 55.
8. 杨军红. 来华留学生跨文化适应问题研究 / 军红杨. 博士学位论文, 上海: 华东师范大学 [Янь, Чжунхун. Исследование межкультурной адаптации иностранных студентов в Китае] / Чжунхун Янь // Докторская диссертация. – Шанхай: Восточно-Китайский педагогический университет. – 2005. <https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbname=CFDF9908&filename=2005082445.nh>
9. 元华. 在京韩国留学生跨文化适应问题研究 / 华元, 秀妍 李. 青年研究 [Ци, Хуа. Исследование межкультурной адаптации корейских студентов в Пекине] / Хуа Ци, Сюань Ли // Исследования молодежи. – 2009. – № 2. – С. 84–96.
10. Wilton, L. Length of Residence, Cultural Adjustment Difficulties, and Psychological Distress Symptoms in Asian and Latin American International College Students / L. Wilton, M. Constantine // *Journal of College Counseling*. – 2003. – Vol. 15. – P. 6–17.
11. 王钰. 来华留学生学校适应与心理健康的关系及其介入研究 / 钰王. 山西医科大学. 硕士论文 [Ван, Юй. Исследование взаимосвязи между академической адаптацией и психическим здоровьем иностранных студентов в Китае и их вмешательством] / Юй Ван // Медицинский университет Шаньси. Магистерская диссертация. – 2019. <https://kns.cnki.net/KCMS/detail/detail.aspx?dbname=CMFD201902&filename=1019612458.nh>
12. The U-Curve on Trial: a Longitudinal Study of Psychological and Sociocultural Adjustment During Cross-Cultural Transition / C. Ward [et al.] // *International Journal of Intercultural Relations*. – 1998. – Vol. 22(3). – P. 277–291.

Вексілалагічныя аб'екты ў сістэме грамадска-палітычных адносін Вялікага Княства Літоўскага з сярэдзіны XVI да канца XVIII ст.

А. Л. Шулаеў,
аспірант,

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы

Вексілалогія – спецыяльная навуковая гістарычная дысцыпліна, якая вывучае гэтак званыя вексілалагічныя аб'екты (цягі і аб'екты, блізкія да іх па функцыях, вексілоіды, транспаранты, харугвы, штандары, вымпелы і г. д.), а таксама комплексы ўяўленняў датычна цягоў або спадарожных да іх рэчаў, традыцыі і рытуалы.

Тэрмін «вексілалогія» ўпершыню сфармуляваў амерыканскі даследчык У. Сміт у артыкуле «Сцягі Арабскага Свету» (*Smith, W. Flags of the Arab World / W. Smith // The Arab World Magazine 5. – 1958. – № 10. – S. 12–13*), што можна лічыць адпраўной кропкай новай гістарычнай дысцыпліны. Сярод публікацый па тэме вексілалогіі вылучаюцца як айчыныя, так і з блзкага замежжа.

Польшча. Вексілалагічныя аб'екты ў кантэксце вывучэння геральдыкі аналізуюцца, напрыклад, у манаграфіі С. К. Кучыньскага (*Kuczyński, S. K. Polskie herby ziemskie. Geneza, treści, funkcje / S. K. Kuczyński. – Warszawa: Wyd-wo naukowe PWN, 1993. – 336 s.*). Таксама варта адзначыць працы А. Знамяроўскага (*Znamierowski, A. Stworzony do chwaty / A. Znamierowski. – Warszawa: Editions Spotkania, Paryż, 1995. – 299 s.*; *Znamierowski, A. Insignia, symbole i herby polskie. Warszawa: Świat Książki, 2003. – 215 s.*

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 23.06.2023.

і інш.). Згаданыя працы аб'ядноўвае разгляд вексілалагічнай спадчыны ў кантэксце іншых гістарычных навук, напрыклад, геральдыкі, уніфармалогіі, гісторыі вайсковай стратэгіі.

Асобна стаіць праца Я. Птака (*Ptak, J. Weksylologia polska. Zarys problematyki / J. Ptak. – Warszawa: Wyd-wo DiG, 2016. – 300 s.*), у якой зроблена спроба акрэсліць асноўныя тыпы і групы вексілалагічных аб'ектаў, вылучаны групы такіх аб'ектаў паводле функцыянальнага прызначэння, пералічаны пэўныя характарыстыкі вексілалагічных аб'ектаў.

Расійская Федэрацыя. Сярод сучасных расійскіх даследчыкаў вексілалогіі можна згадаць А. Басава (*Басов, А. Военно-морские флаги / А. Басов // Детская военно-морская энциклопедия. – СПб.; М.: Олма-Пресс, 2002. – Т. 2: Современный флот. – С. 608–632*), Ц. М. Шэвьякова (*Шевяков, Т. Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX – начала XX в. / Т. Шевяков, О. Пархаев. – М.: Изд-во «АСТ»: Астрель, 2002. – 48 с.*), П. К. Карнакова (Реликвии борьбы и труда: Каталог знамен музея Великой Октябрьской социалистической революции / сост. П. К. Корнаков, Э. Ф. Мичурина. – Л.: Лениздат, 1985. – 136 с.; *Корнаков, П. К. История создания знаменной системы Вооруженных сил Российской Федерации / П. К. Корнаков // IN НОС SIGNO VINCES: материалы Междунар. вексиллол. симпозиума (21–22 мая 2012 г. и 27–28 мая 2015 г.) / Гос. Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. – С. 76–88*) і інш.

Украіна. Сярод прац украінскіх даследчыкаў па вексілалогіі варта адзначыць найперш працу Ю. Саўчука (*Савчук, Ю. Одиссея козацьких прапорів / Ю. Савчук. – Стокгольм: Військ. музей Швеції, 2012*), Б. Якімовіча (*Якимович, Б. Українська вексилалогічна терміносистема / Б. Якимович // Третья наукова геральдична конференція: зб. тез, повідомлень та доповідей. – Львів: Україн. геральд. т-во, 1993. – С. 113–114*), Б. Краўчанкі (*Krawchenko, B. National memory in Ukraine: The Role of the Blue and Yellow Flag / B. Krawchenko // Journal of Ukrainian Studies. – 1990. – Vol. 15, № 1. – P. 1–21*), а таксама працы Нацыянальнага музея ў Львове імя Андрэя Шаптыцкага (*Косів, Р. Українські хоругви / Р. Косів. – Київ: Оранта, 2009. – 372 с.*) і інш. Пералічаныя даследаванні, па-першае, даследуюць даволі вузкі сегмент вексілалагічных аб'ектаў, а менавіта казацкія сцягі, рэлігійныя (найперш праваслаўныя і грэка-каталіцкія) харугвы, украінскія нацыянальныя сцягі з пачатку XX ст.; па-другое, у іх робіцца акцэнт на вывучэнні сцягоў альбо ў кантэксце музейнай справы, альбо ў кантэксце іншых навук (геральдыкі, уніфармалогіі і інш.).

Літоўская Рэспубліка. Сярод даследчыкаў можна згадаць Э. Рымшу (*Rimša, E. Heraldika: iš praeities į dabartį / E. Rimša. – 2-oji papild. laida. – Vilnius: Versus aureus, 2004. – 188 p.*; *Rimša, E. Lietuvos heraldika / E. Rimša. – Vilnius: Baltos lankos, 2008. – 526 p.*).

Рэспубліка Беларусь. Вексілагіі і вексілагічным аб'ектам прысвечаны наступныя кнігі: *Басаў, А.* Флагі Беларусі ўчора і сёння / А. Басаў, І. Куркоў; пер. А. Н. Найдовіч. – Мінск: Польша, 1994. – 34 с.; *Рассадзін, С.* Гербы і сцягі гарадоў і раёнаў Беларусі / С. Я. Рассадзін, А. М. Міхальчанка. – Мінск: Беларусь, 2005. – 128 с.; *Цітоў, А.* Геральдыка Беларусі / А. Цітоў. – Мінск: МФЦП, 2010. – 144 с.; *Шула-Сянчэўскі, А.* Сцягі княскага роду Радзівілаў XVI–XX стагоддзяў / А. Шула-Сянчэўскі. – Мінск: Альфа-кніга, 2019. – 120 с.

Сярод навуковых публікацый можна выдзеліць наступныя: *Шаланда, А.* «Banderia Lithwanorum et Ruthenorum»: да праблемы сімвалікі харугваў ВКЛ у бітве пад Грунвальдам у 1410 г. / А. Шаланда // Сімвалы і гербы зямель Беларусі ў X–XVIII стст.: геральдычна-сфрагістычныя нарысы / А. Шаланда. – 2-е выд. – Мінск: Беларус. навука, 2013. – 182 с.; *Мяцеліца, К.* Беларуская вексілагічная тэрміналогія ў XVI–XVII стст.: вытокі і асаблівасці / К. Мяцеліца // Гістарычна-археалагічны зборнік = Historical-archeological collection / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – 2019. – Вып. 34. – С. 159–163.

Аналіз кніг і публікацый паказвае, што ім уласцівы разгляд паасобных сцягоў ці груп сцягоў, аналіз сцягоў у кантэксце іншых навуковых дысцыплін, напрыклад геральдыкі, адсутнасць комплекснага аналізу вексілагічных крыніц.

Гаворачы пра вывучэнне ролі вексілагічных аб'ектаў у сістэме грамадска-палітычных адносін, мы найперш гаворым пра спробу рэканструяваць вексілагічную традыцыю, якая сама па сабе не была зафіксаваная ў складзе якога-небудзь гістарычнага дакумента, але пакінула сляды ў гістарычных крыніцах і на музейных экспанатах.

Відавочна, што вексілагічная традыцыя на тэрыторыі землях сягае ў часы Полацкага княства і нават раней. Так, найранейшыя выявы сцягоў з тэрыторыі Беларусі датуюцца 10-мі гадамі X ст. Разам з тым толькі з сярэдзіны XVI ст., калі пачынае з'яўляцца вялікая колькасць мясцовых друкаваных выданняў у сукупнасці з тэкстамі, якія верыфікуюць згаданыя выявы, мы можам гаварыць пра магчымасць праяўлення комплекснага аналізу рудыментаў вексілагічнай традыцыі ВКЛ.

Гаворачы пра вексілагічную традыцыю, неабходна найперш выдзеліць у ёй падзел вексілагічнай практыкі падчас вайны і ў мірны час. У першым выпадку сцяг выконваў традыцыйную для яго ролю сігнала-апазнавальнага знака, вакол якога гуртавалася адпаведная вайсковая адзінка, у другім – сцяг, як правіла, адыгрываў ролю аб'яднаўчага сімвала палітычнай эліты пэўнай акругі. Для шляхецкага стану, чые выбарнае права і прывілеі ішлі поруч з абавязкам нясення вайсковай павіннасці на карысць абароны краю, сцяг валодаў пэўным дуалізмам, сімвалізуючы збор на сеймікі і сеймы пад той жа харугвай, што і на полі бою.

Вексілагічная традыцыя падчас вайны

Кожная харугва, рота і кампанія павінна была мець уласны сцяг, прычым жаўнеры пэўнай вайсковай адзінкі павінны былі берагчы свой сцяг нават коштам уласнага жыцця [1, с. 74]. Сцяг адыгрываў ролю апазнавання на полі бою, прычым не толькі для сваіх, але і для nepřыяцеля: «Хлопцы, са мной на чале занясіце арла Радзівілаў аж да варожых муроў, і давайце агледзім лагчыны» [2, с. 468], меў сігнальныя функцыі. Разам з тым у войску сцягамі пазначаліся не толькі вайсковыя адзінкі, але і вайсковыя абозы, што зафіксавана ў інвентарных вопісах: «Chorażówek do wytknięcia Obozu należy sztuk 18» [3].

Важны элемент вексілагічнай традыцыі мы атрымліваем пры вывучэнні аўтэнтычных палотнішчаў у музейных калекцыях, дзе частка сцягавых палотнішчаў прыбітая да тронка неспецыфічным бокам (правым бокам, заміж левага, з пераварочваннем сцяга наадварот, а таксама нізам палотнішча). Такая практыка, відавочна, была пашыраная падчас бою, калі пад шквальным агнём палотнішча сцяга адрывалася ад тронка, але зноў завешвалася да яго непашкоджаным бокам як знак працягу змагання. Знаходзім такія ў калекцыі Вайсковага музея ў Стакгольме (Швецыя) пад інвентарнымі нумарамі ST 28:63 і ST 30:166,2.

З вывучэння аўтэнтычных вексілагічных аб'ектаў мы таксама бачым, што абсалютная большасць палотнішчаў прыбітыя да тронкаў з дапамогай цвікоў, датычна чаго існуе старажытная традыцыя ўрачыстага набавання палотнішча на тронак. Сёння складана гаварыць, ці было набаванне палотнішча менавіта ўрачыстым актам, але, з улікам распаўсюджанасці такой практыкі па ўсёй Еўропе, гэта цалкам магчыма. Таксама агульнаеўрапейскай практыкай было выкарыстанне белага сцяга для перамір'я. Згадкі пра такую практыку знаходзім і ў айчынных крыніцах: «І, калі б не заможнасць легатаў, Белы іх сцяг, – мусіць, ён не ўстрымаўся б ад новых забойстваў» [2, с. 456].

Значым таксама, што для Еўропы ў другой палове XVII–XVIII ст. было ўжо цалкам нетыповым выкарыстанне агромністых сцягавых кавалерыйскіх палотнішчаў і ўвогуле цяжкай кавалерыі, што, аднак, было вельмі распаўсюджаным і традыцыйным для ВКЛ і, шырэй, Рэчы Паспалітай. Наш край, такім чынам, успрымаўся ў тагачаснай Еўропе як своеасаблівы архаічны запаведнік рыцарства, пры тым што ў Вялікім Княстве такая традыцыя ўспрымалася цалкам арганічнай у кантэксце папулярных тады традыцый сарматызму. Славуты паэт Ян Радван у паэме «Радзівіліяда, або Пра жыццё і дзеі, слаўныя подзвігі бессмяротнай памяці найсвятлейшага пана Мікалая Радзівіла...» усяляк падкрэсліваў сармацкія традыцыі ўласнага народа: «Трэба спыніць весялосць, уздымайце штандары, сарматы» [2, с. 457].

Цалкам лагічнай для агульнаеўрапейскай традыцыі была рэпрэзентацыя войска і сцягоў Вялікага Княства Літоўскага ў рэчышчы хрысціянскай традыцыі, што не супярэчыла канцэпцыі сарматызму: «Так

пачалася вайна. Вось сюды і прыводзіць Георгій Войска свае і сцягі» [2, с. 438].

Надзвычай важным для разумення вексілалагічнай традыцыі ВКЛ і, шырэй, Рэчы Паспалітай у кантэксце вексілалогіі з'яўляецца наяўнасць усходніх, часта зусім нетыповых для Еўропы элементаў. Так, апроч усходніх дэкаратаўных элементаў, на палотнішчах сцягоў у войску выкарыстоўваўся ўсходні вексілалагічны аб'ект – бунчук (пра бунчук). З'яўляючыся першапачаткова цалкам усходнім элементам, уласцівым мусульманам, бунчук з цягам часу набываў мясцовыя рысы і нават рысы хрысціянскага культу і паступова трансфармаваўся ў падобны, але ўсё ж адрозны аб'ект – гетманскі знак [4, с. 59–93]. Пры гэтым у вексілалагічных зборах мы знаходзім і бунчукі з відавочнымі хрысціянскімі і мусульманскімі элементамі: калекцыя бунчукоў са скарбніцы Любчанскага замка, апісаная ў Інвентары за 1633 г.: «бунчук з конскага воласу з шарам з чыстага золата, з Пеліканам, дыяментамі, рубінкамі і тапазікамі насаджанымі»; «бунчук з конскага воласу з шарам срэбным залацістым грушкаватым, сталлю набітым»; «бунчук з трыма кутасамі ніткавымі з дзевяцію перлавымі шарамі, на табліцы срэбнай залацістай»; тры «бунчукі з конскага воласу белыя», адзін з якіх меў шар срэбны залачны, упрыгожаны рубінкамі і бірузой, іншы мае «касічку чорную з шарам срэбным залацістым у кратку разлінаваным» трэці, меншы бунчук, меў «шар залачны»; «бончук акруглы, срэбны залацісты з арлом і з двума званочкамі, з трыма ланцужкамі белымі, з кутасамі трыма золатам і срэбрам расшытымі»; «бончук з ікламі, на шары срэбным, на якім месяц і зорка срэбныя месцамі залацісты, маляваны, апраўлены, чыя кутасы расшытыя былі золатам і срэбрам» [5].

Нарэшце, у мясцовай вексілалагічнай традыцыі прысутнічалі ўсходнеўрапейскія, у дадзеным выпадку венгерскія, элементы, неўласцівыя іншым еўрапейскім краінам таго часу: у апісанні паходу Стэфана Баторыя 1581 г., складзеным адным з яго сакратароў Янам Пятроўскім, быў зафіксаваны гетманскі знак у выглядзе венгерскай шапкі: «П(ан) Гетман новы <...> сам роты ставіў, ездзіў як гетман і канцлер, пячатка на шыі, а гетманскі прапорчык за ім: на гроце ў дзіды, чырвоная магерка з пер'ем, на прапорчыку рыфма: “Бог мужнасцю маёй і хвалою» [6]. Вывешванне шапкі гетманскай як гетманскага знака фіксуецца таксама ў 1580, 1620, 1646 гг., г. зн. на працягу даволі вялікага часу, што гаворыць пра ўстойлівасць традыцыі. Рудымент гэтай традыцыі захавваўся па сённяшні дзень у выглядзе элемента вексілалагічных аб'ектаў пад назвай «кутас» (дэкаратаўны элемент у выглядзе пэндзліка першапачаткова з пучка конскіх валасоў, пазней – нітак, звязаных на адным канцы. Выкарыстоўваецца для ўпрыгожвання касіц і іншых элементаў палотнішча, а таксама стужак і шнуроў, што завешваюцца да тронка).

Важнай часткай вексілалагічнай традыцыі ў вайсковым кантэксце былі правілы абыходжання з тра-

фейнымі сцягамі непрыяцеля. Тут трэба падзяляць сітуацыі, калі сцягі забіраліся ў непрыяцеля, і калі пакідаліся яму. У другой сітуацыі выконваўся акт сімвалічнай знявагі непрыяцельскіх сцягоў, як, напрыклад, было запісана ў Пунктах ад Камісараў пры здачы Берасця Літоўскага: «п. 2. Выходзячы павінныя будучы Харугвы кідаць пад ногі Паноў Камісараў, а потым іх скруціць і на вазы пакласці, і ня маюць іх раскручваць аж пакуль не даедуць да мяжы» [7, с. 39].

У сітуацыі, калі непрыяцельскія сцягі забіраліся ці падчас, ці пасля бою, здабытыя сцягі на працягу 30 гадзін павінны былі быць перададзены гетману [1, с. 74]. Па заканчэнні вайскавой кампаніі, як правіла, захопленыя непрыяцельскія сцягі дараваліся манарху. Тут згадаем калекцыю казацкіх сцягоў, што ў якасці трафейў узяў князь Януш II Радзівіл (1612–1655) падчас свайго паходу на Кіеў у 1651 г. і затым падараваў каралю польскаму і вялікаму князю літоўскаму Яну III Казіміру Вазе [8].

Нельга не згадаць, што крыніцы фіксуюць сімвалічны спосаб павяртання ўласным сцягам, што зазналі паразу і знявагу падчас вайны, былога ўганаравання праз выкарыстанне іх у новых, пераможных бітвах: «Меў ён натхніць грамадзян непахіснаю верай, узняўшы Тыя харугвы ізноў, што быў вораг парваў на Вядрошы» (тут гаворка вядзецца пра бітву на рацэ Вядрошы, недалёка ад Дарагабужа (на Смаленшчыне), якая адбылася 14.07.1500 г. і ў якой войска князя Астрожскага атрымала паразу, а сам гетман трапіў у палон) [2, с. 436].

Разам з тым трафейныя вексілалагічныя аб'екты вельмі часта адыгрывалі ролю дыпламатычнага інструмента. Так, князь Багуслаў Радзівіл (1620–1669) у сваёй аўтабіяграфіі занатаваў, што 23 сакавіка 1659 г. падчас вайны, празванай Патопам (1654–1667), захапіў у Лібштаце ў шведаў 8 харугваў і 2 корнеты, а 9 красавіка 1660 г. падараваў Фрыдрыху Вільгельму I, курфюрсту Брандэнбургскаму, якога лічыў сваім пакравіцелем, у Берліне ўжо 32 харугвы і 3 корнеты. Укладаецца ў гэты шэраг таксама сімвалічны падарунак трафейнай асманскай харугвы, узятай у бітве пад Венай (12.09.1683) Папам Рымскім, вялікаму князю і каралю Яну Сабескаму ў XVIII ст.

Так ці інакш, завяршэннем шляху трафейных сцягоў, як правіла, было ўрачыстае вывешванне і захаванне іх у калтавых збудаваннях, аб чым маем наступнае гістарычнае сведчанне: «І калі ў 1529 годзе ўся Вільна згарэла дашчэнт, <...> Тут у саборнай царкве блажэннага Станіслава, крытай свінцом з залачнымі вярхамі, <...> разам са шматлікімі залатымі, срэбнымі сасудамі згарэла і каля трохсот старажытных сцягоў, здабытых у перамогах над раксаланамі, масквіцямі, алеманамі і іншымі народамі. Пасля перамогі над масквіцямі пры Оршы ў дзень Раства Дзевы Марыі, 8 верасня 1514 г., калі забітых ды ўзятых у палон было восемдзесят тысячаў, да гэтых сцягоў былі дададзеныя яшчэ 12» [9, с. 96].

Не мінула вексілалагічная традыцыя і нетыповыя для нашых земляў марскія сцягі. Найбольш гістарычных крыніц у гэтым кантэксце звязана са спробай краіны займець уласны вайсковы флот на Балтыйскім моры ў першай палове XVII ст. Нягледзячы на тое, што флот будаваўся на гданьскіх верфях, гэта не быў флот выключна Кароны Польскай, бо, па-першае, будаваўся на грошы Вялікага Княства Літоўскага і дзеля абароны, у тым ліку яго інтарэсаў пры імпарце тавараў у Еўропу, па-другое, і сам склад каманд караблёў быў агульнадзяржаўны, і сам Гданьск карыстаўся правам экстерытарыяльнасці, прызнаючы над сабой уладу краіны ў цэлым, але не ўладу асобна манарха ці асобна Каралеўства Польскага. Сярод важнай агульнаеўрапейскай вексілалагічнай традыцыі можна таксама назваць традыцыю падымання на карме карабля сігнальнага сцяга, які называўся Крывавым сцягам (нідэр. *bloedvlag*, англ. *bloody flag*, ням. *Blutflagge*, швед. *blodsflaggan*, дац. *blodflag*). Крывавы сцяг уяўляў сабой першапачаткова проста чырвоная палотнішча, на якое пазней пачалі дадаваць Правіцу Божную (*Dextera Domini*), і як традыцыя з'явіўся ў Нідэрландах, а пасля распаўсюдзіўся па ўсім свеце [10].

Вексілалагічная традыцыя ў мірны час

У мірны час значэнне вексілалагічных аб'ектаў было не менш важным, чым падчас вайны. Так, харугвы земскага войска сімвалізавалі абавязак палітычнага стану дзяржавы – шляхты – збірацца пад харугвай на сеймікі і сеймы, плаціць падатак крывёю і ўдзельнічаць у палітычным жыцці краіны, на сімвалічным узроўні паказвалі адзінства земляў Вялікага Княства Літоўскага праз візуальную тоеснасць сваіх стандартызаваных палотнішчаў [11, s. 299–430]. У такой сваёй ролі харугвы земскага войска (паспалітага рушання) прысутнічалі на ўсіх важных этапах функцыянавання манаршай улады: элекцыя і каранацыя новага манарха, заключэнне дынастычных шлюбаў, урачыстая жалоба і пахаванне членаў манаршай сям'і і важных асоб краіны і інш.

Важнымі для разумення мясцовай вексілалагічнай традыцыі элементамі, якія, апроч іншага, адсылалі да антычнай традыцыі, былі гэтак званыя трыумфы. Трыумф (лац. *triumphus*) – першапачаткова ганаровы ўваход у сталіцу пераможнага палкаводца і яго войска ў Рымскай імперыі, абумоўлены шэрагам умоў і нормаў. У Вялікім Княстве Літоўскім і, шырэй, Рэчы Паспалітай трыумф, з аднаго боку, з'яўляўся своеасаблівай данінай рэнесансным традыцыям і падкрэсліваў пераемнасць паміж старажытным Рымам і мясцовымі элітамі традыцый дзяржаўнасці, з іншага – першапачатковы сэнс трыумфу як урачыстага ўваходжання ў сталіцу войска-пераможцы быў забыты, пакінуўшы непасрэдна сімвалічны акт урачыстага ўваходжання, якое адбывалася, напрыклад, з нагоды дынастычнага шлюбу манарха, першага наведвання манархам месца, прычым не абавязкова

сталічнага, уваходжання ў месца пасольства даверанай манархам асобы і г. д.

Арганізацыю трыумфу ў тыя часы ілюструе гэтак званая Ролька Стакгольмская (іншыя назвы: Ролька Польская, Ролька вазаўская) – урачыстая працэсія ўваходжання ў Кракаў караля польскага і вялікага князя літоўскага Жыгімонта III Вазы на чале шлюбнай працэсіі Канстанцыі Аўстрыячкі, каралевы польскай і вялікай княгіні літоўскай. Ролька ўяўляе сабой паліхромны аднабаковы малюнак памерам 15 000 × 280 мм, датаваны 1605 г., намалёваны акварэллю, гуашшу, залатой фарбай на паперы (аўтар малюнка невядомы). Ролька захоўваецца ў калекцыі Замка каралеўскага ў Варшаве (інвентарны нумар ZKW/1528). На малюнку выяўлена ўрачыстая працэсія з манаршых асоб, іх світы і аховы, прысутнічаюць шматлікія дэталына прамалёваныя вексілалагічныя аб'екты, у тым ліку 1 ганфалон (галоўны сцяг), 8 значыкаў (спецыяльныя сцяжкі, што завешваліся на фанфары і барабаны), 126 гусарскіх вымпелаў, 12 харугваў, сярод якіх сцяг каралеўскай харугвы, сцяг атрада дзясятнікаў, сцягі міліцыі месца Кракава, Страдама і інш. Важным момантам з'яўляецца тое, што ў трафейнай калекцыі Вайсковага музея ў Стакгольме захавалася аўтэнтычнае палотнішча ганфалона, паказанага на Рольцы (інвентарны нумар E 231, ST 28:3). Праведзенае параўнанне аўтэнтычнага палотнішча з яго выявай на Рольцы дазваляе зрабіць выснову пра дакладнасць і ўважлівасць з боку мастака пры выяўленні вексілалагічных аб'ектаў. Аналіз Ролькі паказвае, што вексілалагічныя аб'екты на ёй адыгрывалі найбольш важнае значэнне для самарэпрэзентацыі як манаршай асобы, так і ўсяго шляхецкага стану і органаў мясцовага самакіравання.

Самарэпрэзентацыя краіны на міжнародным узроўні служылі наступным трыумфам у значэнні ганаровага ўваходжання, пасольстваў Вялікага Княства Літоўскага і, шырэй, Рэчы Паспалітай, якія дайшлі да нашага часу ў выглядзе гравюр:

- трыумф пасольства Ежы Асалінскага да Рыму ў 1633 г. аўтарства Стэфана Дэля Белла;
- трыумф пасольства Пятра Патоцкага ў Стамбул 31.03.1790 г.;
- трыумф пасольства князя Міхала Казіміра Радзівіла Рыбанькі да Вены ў 1679 г. На гравюры паказаны парад войска Радзівілаўскага. Маюцца дэталына прамалёваныя выявы вексілалагічных аб'ектаў: 1 гетманскі ганфалон, 2 сігны (тып вексілалагічнага аб'екта ў выглядзе скульптурнай кампазіцыі на тронку), 2 пяхотныя харугвы, 1 кавалерыйскі штандар «на прускі манер», 2 гусарскія ротныя штандары, 64 гусарскія вымпелы, 6 вярблюджых вымпелаў (у склад парадна ўключаны сапраўдныя вярблюды).

Прыведзеныя вышэй прыклады сведчаць пра важнасць і неад'емнасць вексілалагічных аб'ектаў для самарэпрэзентацыі краіны.

Цікавым прыкладам, звязаным з самарэпрэзентацыяй манарха краіны на міжнароднай палітычнай

арэне, з'яўляецца наяўнасць двух кармавых сцягоў (кармавыя сцягі на флоце пазначалі дзяржаўную прыналежнасць карабля) на віцэ-адміральскім караблі «Кароль Давыд» вайсковага флоту вялікага князя літоўскага і караля польскага Жыгімонта III Вазы: адзін з іх паўтараў сцяг Каралеўства Швецыі, а другі насіў на сабе дзяржаўны герб Рэчы Паспалітай. Згадку пра наяўнасць такіх сцягоў знаходзім у інвентары ад 1629 г., складзеным у порце горада Вісмар пры перадачы караблёў флоту Жыгімонта III у склад флоту Альбрэхта фон Валенштайна, генералісімуса імператара Свяшчэннай Рымскай імперыі Фердынанда II па водле раней заключанага міждзяржаўнага пагаднення [12, s. 301–320]. Прычынай таго, што карабель меў адначасова сцягі, якія маглі пазначаць яго і як карабель флоту Рэчы Паспалітай, і як карабель флоту Швецыі, магчыма, з'яўляюцца дзяржаўныя прэтэнзіі самога Жыгімонта III Вазы на стальцы кароны Швецыі, дзе мелася вялікая колькасць лаяльных Жыгімонту грамадзян, і Рэчы Паспалітай. Гэта значыць, што ў кожнай спецыфічнай сітуацыі капітан карабля мог вывешваць пэўны кармавы сцяг з мэтай прадэманстраваць палітычныя правы Жыгімонта Вазы альбо на сталец Швецыі, альбо на сталец Рэчы Паспалітай.

Згадаем таксама пра вывучэнне гэтак званых сармацкіх партрэтаў Вялікага Княства Літоўскага і, шырэй, Рэчы Паспалітай. Сцягі на такіх партрэтах амаль не сустракаюцца, за рэдкім выключэннем, калі, напрыклад, асоба, выяўленая на партрэце, з'яўлялася харунжым, гэта значыць калі апека над сцягам была абавязкам выяўленай асобы. І наадварот, сцягі часта і ў вялікай колькасці прысутнічаюць на карцінах, дзе паказваецца войска краіны ці збор палітычнага стану краіны падчас важнай падзеі, напрыклад, элекцыі манарха. З гэтага можна зрабіць выснову, што вексілагічны аб'ект успрымаўся не як рэч і з'ява індывідуальная, а як рэч і з'ява калектыўная, прыналежная палітычнаму стану краіны і краіне ў цэлым.

На думку аўтара, важны аспект вывучэння вексілагічнай традыцыі ВКЛ – складанне спісу практычных прапаноў для Службы дзяржаўнага праціола Рэспублікі Беларусь. Справа ў тым, што практычна ўсе нашы суседзі маюць адпаведныя нарматывы, распрацаваныя і гістарычна абгрунтаваныя для ўласных

праціольных службаў і ганаровых рот. Аўтар ставіць перад сабой мэту распачаць працу над такім праціолам у кантэксце даследавання вексілагічных аб'ектаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Wisner, H. Wojsko litewskie 1 połowy XVII w. Cz. 2. / H. Wisner // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. – 1976. – Т. XX.
2. Літаратура XI–XVI стагоддзяў / А. У. Бразгуноў [і інш.]; пад навук. рэд. В. А. Чамярыцкага. – Мінск: Маст. літ., 2012. – 766 с.
3. Archiwum Główne Akt Dawnych [Electronic resource] // [szukajwarchiwach.gov.pl](https://www.szukajwarchiwach.gov.pl). – Mode of access: <https://www.szukajwarchiwach.gov.pl/jednostka/-/jednostka/17894924>. – Date of access: 24.10.2021.
4. Łopatecki, K. Znak hetmanski: geneza, funkcje, symbolika / K. Łopatecki // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. – Białystok: Ośrodek Badań Historii Wojskowej Muzeum Wojska, 2005. – Т. 42.
5. Życiński, S. Broń i oznaki władzy wojskowej w skarbcu z lubcza 1633 r. / S. Życiński // *Archeion*. – 1982. – Т. XXVI.
6. Piotrowski Jan Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków / A. Czuczynski. – Kraków: Nakł. księgarni spółki wydawniczej polskiej, 1894.
7. Punkta od Commissarzow K. I. M. postanowione przy oddawaniu Brześcia Litewskiego // *Merkuryusz polski*. – 1661. – № 5. – S. 39–40.
8. Савчук, Ю. Одиссея козацких прапорів / Ю. Савчук. – Стокгольм: Військов. музей Швеції, 2012.
9. Михалон Литвин о нравах татар, литовцев и москвитян / пер. В. И. Матузовой; под ред. А. Л. Хорошкевич. – М.: Изд-во МГУ, 1994.
10. Huflejt, M. Dextera Domini, czyli o rzekomej banderze królewskiej Zygmunta II Augusta [Electronic resource] / M. Huflejt. – 2017. – Mode of access: <https://www.bronibarwa.org.pl/artukul-marian-huflejt-dextera-domini-czyli-o-rzekomej-banderze-krolewskiej-zygmunta-ii-augusta/>. – Date of access: 15.01.2020.
11. Zbiór dziejopisów polskich: we 4 t. – Warszawa: Druk. J. K. Mci y Rzeczypospolitey u XX. Societatis Jesu, 1768. – Т. 4: Kronika Sarmacyi Europejskiej Alexandra hrabi Gwagnina, rycerza passowanego, rotmistrza J.K.Mci niegdyś w Krakowie drukowana. – 723 s.
12. Lepszy, K. Inwentarz polskiej floty wojennej z 1629 r. / K. Lepszy // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. – 1967. – R. XV, t. 2. – S. 301–320.

Анатацыя

У артыкуле прааналізаваны гістарычныя крыніцы, а таксама аўтэнтычныя вексілагічныя аб'екты з XVI да XVIII ст. у кантэксце рэканструкцыі вексілагічнай традыцыі Вялікага Княства Літоўскага. Грунтуючыся на праведзеным аналізе, аўтар вылучае шэраг спецыфічных рыс даследуемай вексілагічнай традыцыі і робіць выснову пра яе спецыфіку, што аб'ядноўвае як спецыфічныя заходнеўрапейскія, так і ўсходнія рысы.

Abstract

The author of the article analyzes historical sources, as well as authentic vexillological objects from the 16th to the 18th century in the context of the reconstruction of the vexillological tradition of the Grand Duchy of Lithuania. Based on the analysis, the author isolate a number of specific features of the studied vexillological tradition, comes to the conclusion about its specifics of both the tradition that combined both Western European and oriental specific features.